

Российская Академия Наук
Институт философии

Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская

Российские ритмы социальной истории

Москва
2004

УДК 300.351
ББК 15.55
Н 73

В авторской редакции

Гл. I; II; IV – § 1 и 2; V – Л. И. Новикова

Гл. III; IV – § 3 – И.Н. Сиземская

Рецензенты

доктор филос. наук *А.А. Кара-Мурза*

доктор филос. наук *Е.А. Карцев*

Н 73 Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Российские ритмы социальной истории. — М., 2004. — 193 с.

В книге предпринята первая в отечественной литературе попытка рассмотреть на основе циклично-волновой теории развития ритмы российской истории. Предметом исследования является российское самодержавие как модель власти и общества, полностью завершившая свой цикл развития. Исходя из идеи цикличности, принятой в качестве парадигмы моделирования исторического процесса, авторы исследовали его геополитические и социально-культурные факторы. В связи с этим в анализ включен широкий круг вопросов: смуты, реформы и контрреформы, модели модернизации, формы гражданской оппозиции и противостояния народа власти.

Книга может быть рекомендована специалистам, работающим в сфере социальной философии и политологии.

ISBN 5-201-02107-7

© Новикова Л.И., 2004
© Сиземская И.Н., 2004
© ИФРАН, 2004

ГЛАВА I. МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ТЕОРИЯ И МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

В процессе научных революций происходит смена парадигм. В соответствии с классическим определением Т.Куна под парадигмой будем иметь в виду «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения»¹.

Однако следует различать несколько уровней в определении самого понятия *парадигмы*. Как отмечает Ю.Давыдов, прежде всего это ее теоретико-методологическое содержание как господствующее направление в науке и философии. Во-вторых, следует иметь в виду ее социологическое содержание как приемлемое средство общения научного сообщества. В-третьих, парадигма – это социально-философское понятие, характеризующее образ мышления целой эпохи². И, наконец, четвертое, упущенное означенным автором, это *становящаяся парадигма*, еще незавершенная и потому противоречивая, обоснование которой находится в процессе авторефлексии с опорой на современный стиль мышления. Со временем научные достижения, образующие ядро старой парадигмы, становятся неадекватными новым научным данным, которые ищут своего обоснования в новых теориях, выходящих за пределы господствующей парадигмы. По мере развития науки таких «прорывов» становится все больше. На их основе, «в тени» господствующей парадигмы формируется прообраз новой, которой, однако, еще надо обосновать свою правомочность. Поэтому прообраз новой парадигмы может сосуществовать наряду со старой или, напротив, старая парадигма может обновлять свой научный потенциал, включая новую как момент своего развития и объяснения исторической реальности.

Отсюда парадигмальный плюрализм современного социального познания при том, что любая из них может стать господствующей ввиду ее познавательной новизны и оригинальности. Познавательный потенциал той или иной парадигмы выявляется при моделировании социально-исторического процесса как объяснительный принцип, позволяющий раскрыть его особенности, остающиеся в тени других парадигм.

I.1. Методологические основания социально-исторического моделирования

Наряду с традиционным историческим подходом в изучении исторического наследия той или иной цивилизации не менее продуктивным является метод моделирования, ориентированный на выявление логики развития социально-исторической реальности, определение роли в этом процессе социальных идеологий и технологий. Это допускает и предполагает возможность *методологического плюрализма*, включающего *экономический, антропологический, синергетический подход, циклизм и др. парадигмы*, и в их свете исследование и интерпретацию исторического процесса.

В отличие от исторической науки, которая ориентирована на избранный ею объект исследования и, как правило, придерживающейся единого, однажды избранного ею метода, философия истории концентрирует свое внимание на обосновании правомочности разнообразия методологических подходов и исследовательских программ, дополняющих друг друга. Как заметил В. Леонтьев, «Плюралистический характер какого-либо подхода заключается не в одновременном применении существенно различных типов анализа, а в готовности переходить от одного типа интерпретации к другому. Объяснение такому методологическому эклектизму лежит (и это принципиальный момент наших рассуждений) в ограниченности любого типа объяснений или причинно-следственных связей. (...) Ни экономический, ни антропологический, ни, скажем, географический (ни исторический, следовало бы добавить — *Авт.*) анализ не могут при современном состоянии развития соответствующих наук привести к единственно правильному утверждению»¹.

Но у истории есть и своя логика, пренебрегать которой никому не позволительно, ни историку, ни философу. К числу основных историко-философских аксиом принадлежит утверждение, что история, в смысле исторического процесса, начинается не с «чистого листа», а с того наследия, плохого или хорошего, которое ей оставили предки. С этим

связано понятие *исторической памяти*, или *социально-культурного генотипа*. Таким образом, социально-историческое развитие общества есть *органический* процесс. И насилие над ним мстит «прорабам перестроек», не пожелавшим считаться с ее законами. Это во-первых.

Во-вторых, органичность исторического процесса отнюдь не сводит его к ползучей эволюции, или «историоцизму» в его критической интерпретации К. Поппером. Он имеет точки роста, бифуркации, которые предполагают перерывы постепенности, происходящие в форме ли реформации общественных отношений, или, если время для реформ упущено, в форме радикальных революций. В случае, если общество в силу тех или иных обстоятельств оказывается выбитым из колеи, оно вступает в состояние хаоса — Смуты, исход которой до конца остается неопределенным. Общество либо впадает в стагнацию, в состояние длительного застоя, таящего угрозу аннигиляции, либо, наконец, сумеет преодолеть Смуту, хотя и с потерями, *завершив один цикл своего развития, начинает новую стадию*, собирая и актуализируя «обломки прошлого». Таким образом, историческое развитие общества имеет циклически-волновой характер. Это отмечали многие философы истории от Дж. Вико и Б. Паскаля до О. Шпенглера, от Н. Я. Данилевского до Н. Д. Кондратьева и П. Сорокина.

В-третьих, история имеет открытый характер. Она пробует себя в разных направлениях, не предрешая, какой из них окажется более жизненным, отвечающим обстоятельствам. В свое время Герцен писал: «Если прогресс — цель, то для кого мы работаем? Кто этот Молох, который по мере приближения к нему тружеников вместо награды пятаится и, в утешение изнуренным и обреченным на гибель толпам, которые ему кричат: *Morituri te salutant* («Осужденные на смерть приветствуют тебя» — лат.), только и умеет ответить горькой насмешкой, что после их смерти будет прекрасно на земле?»⁴. Что впереди? Это, по мысли современного философа истории А. Тойнби, будет зависеть от адекватности и оригинальности «ответа» страны и ее народа на «вызов» истории. Причем этот «вызов» может проистекать как изнутри самого общества, так и извне, «ответ» же и его характер целиком зависят от воли государства и жизнеспособности его народа⁵. Неспособность к адекватному, более того, *упреждающему* ответу лишает народ данного общества, по определению Л. Гумилева, пассионарности, т.е. жизнеспособности и, со временем, выводит его из числа исторических народов.

Так будущее России начинается не завтра, оно началось *вчера* и обусловлено всем прошлым страны, ее историческим основанием, наиболее радикальными пережитыми ею метаморфозами, ее совре-

менным положением в мире, наконец, системой ценностных ориентаций, исповедуемых народом. Поэтому мы не можем перечеркнуть прошлого, будь то самодержавие или советский строй, ибо в них зашифрован генетический код общества. Впрочем, мы не можем и повернуть его вспять. Мы можем лишь дать на него *достойный* ответ, используя, в частности, и его культурные и конструктивные ресурсы. Но они растворены в суе повседневности. Однако до чуткого слуха пророков, поэтов и философов, а также крупных общественных и политических деятелей доносится *эхо будущего*, направляющего, наподобие компаса, их творчество. При этом, несмотря на перерывы непрерывности исторического развития, а также бесцельность исторических флуктуаций, история страны, общества протекает в *едином историческом времени*, которое, как отмечал Н.А. Бердяев, отнюдь не совпадает с историзмом. «Историческое время — ноуменально». Подход к ноуменально «историческому» возможен через конкретную связь между человеком и историей, судьбой человека и метафизикой исторических сил. «Для того чтобы проникнуть в эту тайну «исторического», я должен прежде всего постигнуть это историческое и историю, как до глубины *мое*, как до глубины *мою* историю, как до глубины *мою* судьбу»⁶. И только в связи времен, осуществляемую в преемственности поколений, живо государство, жив народ (нация). В случае забвения прошлого это будут уже другое государство и другой народ, или их просто не будет. Тем более опыт истории в его концентрированном виде должен быть ведом тем, кто наделен властью оказывать влияние на ее развитие. Историческая память и историческое мышление — неперенные качества любого политического деятеля, претендующего на влияние на исторический ход развития страны и мира. Вот почему моделирование включает и субъективный момент, характеристику тех, кто *делает историю*.

Возвращение к прошлому на основе социально-философского подхода во имя прогнозирования будущего, в отличие от исторической науки, не требует реконструкции исторического процесса в его полном объеме, хотя в определенной мере и опирается на него. Более продуктивным здесь является *метод социально-исторического моделирования в заданной парадигме*, в частности принятой нами *парадигме цикличности*. Это предполагает известное *упрощение* модели по отношению к моделируемому объекту. Наконец, одной из ключевых характеристик моделей является их открытость, вследствие чего модель сама в процессе познания может стать объектом познания и reinterpretации. Назначение модели и состоит в конструктивном познании моделируемого объекта или системы и полученного на основе этого знания об управлении ими.

Ныне, как нам представляется, моделирование, обогащенное новыми технологиями и идеями постнеклассической науки и философии — идеей конструирования реальности, «мягких» технологий, в том числе исторического циклизма с его принципом непредопределенности исторического процесса, — приобретает черты *общенаучного метода* и в частности метода социально-исторического познания. В этом контексте нами и предпринято моделирование социально-исторического развития России в парадигме ее циклически волнового развития.

Опыт убедил нас, что по отношению к социально-историческим наукам метод моделирования оказывается не только уместным, но необходимым, во-первых, потому, что объект их слишком сложен и его познание нуждается в ограничении или определенном упрощении, во-вторых, потому, что в социально-исторических науках мы всегда имеем дело с *ускользающим объектом*: это либо постоянно деформирующиеся социальные структуры, которые непрерывно подвергаются сознательному изменению людьми, причастными к системе управления, либо деформируются вследствие «коллективного эффекта сложных систем»⁷, в том числе отношения народных масс к этим изменениям. И чтобы представить эти *ускользающие отношения*, нужно на время остановить процесс, причем в допустимый момент, когда он сам находится в состоянии стабильности, что облегчает возможность, не исключая их, путем моделирования на время «вывести их за скобки». И, в-третьих, в исторической науке объект представлен в форме текстов, или памятников культуры, которые требуют от социально-исторического познания соответствующей их интерпретации в контексте своего времени, переинтерпретации в свете современного знания и последующей «сборки» в правдоподобную модель.

Наряду с этим социально-историческое моделирование допускает и введение условных, утопических или виртуальных констант с целью «проигрывания» их реализуемости в социальной реальности. Исторически они появляются, как только человек становится способным к критическому осмыслению мира, в котором живет. Свое стилистическое начало они берут от «Утопии» Т.Мора и «Города солнца» Т.Кампанеллы. Сначала утопия выступала как ирреальное воплощение мечты о лучшей жизни, позднее она вбирает в себя черты созданного критическим разумом общественного идеала или его фальсификации, а еще позднее — способов его реализации, приобретая функцию своеобразного социального конструкта. Примером таких утопических моделей в России могут служить сочинения и проекты М.Бакунина, П.Кропоткина и др. анархистов. При этом, однако, как подчеркивает В.Г.Федотова, моделирование, чтобы оставить-

ся в рамках рациональности, предполагает: 1) недопустимость принимать теоретические конструкты за реальность и действовать в соответствии с ними и 2) плюрализм концепций как способ объяснения различных типов или аспектов действительности⁸.

Социально-историческое познание, моделирование в частности, так или иначе всегда сопряжено с социальным действием, ориентированным на интеллектуальное или практическое овладение процессом, и даже, независимо от намерений познающего субъекта, его конструирование.

Социальное знание как конструирование реальности имеет дискретный и обусловленный своим временем характер: строя познавательную модель реальности, в духе гетевского Фауста, оно вынуждено прервать непрерывный социальный процесс. И это «мгновение молчания», неопределенности, как правило, является поворотным пунктом в дальнейшем развитии как самой реальности, так и ее познания. Трудность социального познания, в том числе метода моделирования, обусловлена и крайней сложностью социальных систем, которые ни на минуту не прекращают своего изменения, как в результате бессознательного «делания» ее непосредственными действующими лицами, народными массами, вследствие чего и образуется «коллективный резонанс», так и в результате «сознательного» конструирования и реконструирования реальности историческими деятелями и социальными группами. Это значит, что любые социальные модели остаются открытыми для последующих поисков и реинтерпретаций, тем более, что каждый новый подход не только открывает нечто новое в исследуемой им реальности, но и вносит в нее что-то свое. При этом, воспроизводя модель прошлого, современный человек воссоздает ее «исправленный» настоящим прообраз. Отсюда живучесть многих социальных моделей, таких как «русская идея», «евразийство», «русский социализм» и др.

Создание итоговых *теоретико-познавательных моделей* социально-исторической реальности, что является целью философско-исторического знания, требует не только тщательного «прочтения» текстов прошлого, но и их *тройной* интерпретации и реинтерпретации: в контексте прошлого и настоящего знания и проецировании их на будущее. Метод моделирования позволяет, в частности, вскрыть *циклический, волнообразный характер исторического процесса*. И в свою очередь представить модель такого развития в ее историческом контексте.

1.2. Циклизм как парадигма социокультурного моделирования истории

В качестве исходного понятия для определения циклизма как становящейся парадигмы социально-исторического развития примем определение циклов истории, предложенное в 1991 г. А.С.Ахиезером: «*Циклы истории* — более или менее ярко выраженные повторения в истории, колебания, *пульсация* тех или иных важных массовых характеристик общества. Их существование объясняется приобщением общества к природным ритмам, общим закономерностям сложных систем, их постоянной самопроверкой на прочность через периодическое приближение сложной социальной системы к некоторым крайним, реально или потенциально критическим, возможно предкатастрофическим ситуациям. Циклы истории — механизм реагирования на всякие значительные изменения рывками в обратном направлении, т.е. форма *инерции истории*, консервативный механизм сохранения общества в неизменном состоянии через изменения»⁹. Отметим, однако, что за идеей *циклизма* стоит большая история превращения ее в парадигму социально-исторического развития, *именно развития на основе устойчивого архетипа*, а не только консервации исторического процесса. Большой вклад в реинтерпретацию этой истории вплоть до превращения циклизма в парадигму внес Ю.В.Яковец¹⁰.

Циклизм является одной из древнейших идей социокультурного развития человечества в связи с природой и космосом и одновременно становящейся парадигмой современного научного мышления. Своими корнями он уходит в древнюю мифологию, образцом которой в этом отношении может служить древнеегипетский миф об умирающем и воскресающем Боге, чему на протяжении веков соответствовали аграрные циклы практической деятельности людей, их образ жизни и мышление.

Не обошла идея цикличности и русскую общественную мысль. Более того, в ее развитии можно выделить *четыре этапа*: древний, классический, или философский, научный и современный.

Изначально в русской общественной мысли предпринимались попытки как образного, так и абстрактного осмысления идей циклизма. К ним с полным основанием следует отнести учение **Кирика Новгородца** (XII в.). В книге «Учение о числах» этот самобытный математик древности помимо сложнейших математических исчислений и на основе их приходит к философскому выводу о цикличности развития Вселенной и всего, что охвачено ею. При

этом спираль циклической бесконечности уходит в вечность¹¹. К сожалению протофилософские идеи русской мысли надолго были погребены под развалинами татаро-монгольского нашествия, а позже под прессом византизма.

Внимательное прочтение «Слова о полку Игореве» позволит услышать в речи князя Киевского Святослава предупреждение Игорю о *несвоевременности* его похода и потому обреченности его. Игорь затеял поход *не в урочное время*, когда неблагоприятный исторический цикл для Руси не завершился. Об этом предупреждает и солнечное затмение. И вместе с тем *со временем* великое прошлое должно вернуться «на круги своя», исправив неуместную поспешность действий Игоря в будущем.

Основоположниками школы русского классического циклизма в новое время стали, как известно, русский ученый-естествоиспытатель **Н.Я.Данилевский** и **К.Н.Леонтьев**¹². Вместо теории прогресса, который явно не благоволил к России, Данилевский в своем труде «Россия и Европа» предложил новую, циклическую парадигму. В концепции Данилевского история человечества предстала как развитие отдельных замкнутых культурно-исторических типов. Каждый из них реализует по преимуществу одно из жизненных начал цивилизации: *религиозное, собственно культурное, охватывающее науку и искусство, государственно-политическое и социально-экономическое*. Связь между историческими типами, возникшими в разное время, может происходить лишь в трех формах: «колонизации», «прививки», «удобрения». Подробно анализируя романо-германскую цивилизацию и становящуюся славяно-российскую, Данилевский решительно протестует против таких форм их взаимосвязи, которые низводят Россию до уровня колонии, в то время как ей уготовано великое будущее: быть может, именно она возвысится до полной, «четырёхосновной цивилизации». Впрочем, мыслитель не отказывается от идеи прогресса вообще, но наполняет это понятие иным содержанием. «Прогресс (...) состоит не в том, чтобы идти всем в одном направлении (в таком случае оно скоро бы прекратилось), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях»¹³. И лишь спустя 48 лет О.Шпенглер пришел к аналогичной парадигме цикличности в своем труде «Закат Европы» (1918), оцененной более продвинутой западной публикой как последнее слово философской мысли.

Идеи Данилевского получили свое развитие в работах другого русского естествоиспытателя, обратившегося к философии истории — **К.Н.Леонтьева**. В своем труде «Византизм и славянство» по анало-

гии с живой природой он четко формулирует триединый закон цикличности *как универсальный*, которому подчиняется развитие живых организмов и социально-культурных миров. Все они в своем развитии проходят три стадии: 1) *первичной простоты*, 2) *цветущей сложности* и 3) *вторичного смесительного упрощения*. Причем, подчеркивает исследователь, в состоянии смесительного упрощения, или стагнации, организм, в том числе социальный, может просуществовать достаточно долго, пока не сойдет в небытие.

Философским завершением парадигмы классического циклизма на русской почве стали труды **Н.А.Бердяева**. К идее циклической закономерности исторического развития он обращается в работе «Смысл истории», написанной на рубеже 20-х гг. Согласно его концепции все культуры и все общества переживают в своей судьбе определенные периоды: период зарождения, детства, возмужания, высшего расцвета и, наконец, период старости, одряхления и смерти. Исторические стадии развития Бердяев сопоставляет с четырьмя эпохами: варварство, культура, цивилизация и религиозное преображение. Эти периоды не обязательно разделены во времени, они могут сосуществовать: так в цивилизации могут прорасти элементы варваризации, происходит «угашение духа» и цивилизация теряет источник своей жизненности. Бердяев не приемлет капиталистическую цивилизацию за то, что она разрушает *духовные основы хозяйства*. «Труд перестает быть духовно-осмысленным и духовно оправданным и восстает против всей системы. Капиталистическая цивилизация находит себе заслуженную кару в социализме»¹⁴.

Обращаясь к характеристике социализма, который он изначально исповедывал, Бердяев замечает, что социализм в опыте осуществления своего будет совсем не тем, к чему стремятся социалисты. Он вскроет новые внутренние противоречия человеческой жизни и сделает невозможным осуществление задач, поставленных социалистическим движением. Социализм «никогда не приведет человека к богатству, не осуществит равенства, а создаст лишь новую вражду между людьми, новую разобщенность и новые неслыханные формы гнета»¹⁵.

В одной из поздних своих работ, «Опыт эсхатологической метафизики» (1947), Бердяев приходит к идее завершения философии истории универсальной парадигмой цикличности. Достойное разрешение социальных проблем человека в истории возможно только на почве эсхатологии, т.е. как конец земной истории и ее завершение в вечности, в Царстве Божиим. Но разрешение их не придет ни усилиями человечества, ни милостью Божией. Оно «уготовляется человеком», зависит *от его сотрудничества с Богом*. Только такое сотруд-

ничество способно прорвать жесткие законы необходимости «падшего» мира и послужить зародышем нового *меона*, т.е. возможного начала нового просветленного Богом жизненного цикла. Но возможен и другой конец истории, в случае если человек в своей прагматической деятельности исчерпает их духовные потенции, бытие превращается в *укон* — т.е. полное и абсолютное небытие.

Если концепции Данилевского, Леонтьева, Бердяева имели философский характер, то дальнейшее развитие обозначенной ими парадигмы осуществлялось на фоне научной революции конца XIX — начала XX века. В этой атмосфере происходит формирование *научной школы русского циклизма*.

В начале XX в. **В.И.Вернадский** выдвинул идею космических эпох, согласно которой в современной космической эпохе скрыты остатки прежних. История Земли имеет космическое происхождение и потому постоянно испытывает на себе их воздействие. Крупным переворотом в истории Земли, согласно Вернадскому, стало формирование биосферы и появление *человека разумного*. Начав свою деятельность с приспособления к природным условиям, с началом индустриальной эпохи «человек разумный» переходит к безудержной эксплуатации природных ресурсов («нельзя ждать милостей от природы, взять их — вот наша задача»). Однако со временем он приходит к сознанию, что ресурсы Земли не беспредельны и ее эксплуатация ставит под угрозу само существование биосферы. Истощение одних ресурсов ведет к кризису и одновременно к усиленным поискам новых источников жизнеобеспечения человечества. Отсюда ритмичность, волнообразность в его хозяйственном развитии. Только превращение биосферы в **ноосферу** — сферу разума¹⁶ — может спасти жизнь на земле и сделать ее пригодной для существования человека. «Мы переживаем в настоящее время исключительное проявление живого вещества в биосфере, генетически связанное сотни тысяч лет назад *Homo sapiens*, создание этим путем новой геологической силы, *научной мысли*, резко увеличивающей влияние живого вещества в эволюции биосферы. Охваченная всецело живым веществом биосфера увеличивает, по-видимому, в беспредельных размерах его геологическую силу, и, перерабатываемая научной мыслью *Homo sapiens*, переходит в новое состояние — *в ноосферу*»¹⁷. Этот процесс носит волнообразный характер. Поэтому различные цивилизации в своем историческом развитии не остаются неизменными. Исчерпав свой потенциальный запас материальных и интеллектуальных ресурсов, они либо впадают в стагнацию и уступают место дочерним или иным, более жизнеспособным цивилизациям, либо подвергаются радикаль-

ной перестройке путем мобилизации внутренних ресурсов и достижений мирового научного разума. Поэтому, замечает ученый, «цивилизация «культурного человечества», поскольку она является формой организации новой геологической силы, создававшейся в биосфере, — не может прерваться и уничтожиться, так как это есть большое природное явление, отвечающее исторически, вернее геологически, сложившейся организованности биосферы. Образую ноосферу, она всеми корнями связывается с этой земной оболочкой, чего раньше в истории человечества в сколько-нибудь сравнимой мере не было»¹⁸.

Идею влияния космического циклизма на жизненные социально-культурные процессы исторического развития и повседневной жизни людей развивал и младший современник Вернадского — **А.П. Чижевский**. Ученый расширил пространственно-временные пределы циклизма и на этом основании восстал против упрощенно обыденного понимания жизни. «Мы привыкли придерживаться грубого и узкого антифилософского взгляда на жизнь как на результат случайной игры только земных сил. Это, конечно, неверно. Жизнь же, мы видим, в значительно большей степени есть явление космическое, чем земное. (Мы бы сказали, отталкиваясь от идеи самого Чижевского, что жизнь есть явление не только земное, но и космическое.) Она создана воздействием творческой динамики космоса на инертный материал Земли. Она живет динамикой этих сил, и каждое биение органического пульса согласовано с биением космического сердца — этой грандиозной совокупности туманностей, звезд, Солнца и планет»¹⁹. Исходя из своей концепции на основе огромного статистического материала, Чижевский считал, что космо-циклический подход применим и к истории. Причем эпохи концентрации исторических событий совпадают с эпохами максимумов солнечной активности; эпохи разряжения совпадают с эпохами минимумов. Это, несмотря на своеобразие и специфичность исторических событий, позволяет предвидеть вероятностные тенденции их развития.

Наряду с экологическим и антропологическим подходами к исследованию циклизма фундаментальное развитие он получил в *экономических и социальных науках*.

Огромный вклад в обоснование волнообразной цикличности сферы экономического развития внес русский ученый — **Н.Д. Кондратьев**. Ученый статистически доказал наличие *больших волн конъюнктуры* промышленной экономики и на примере ряда стран рассчитал временные параметры первых трех циклов. «Мысль о том, что «динамика экономической жизни при капиталистическом строе общества имеет не простой и линейный, а сложный и циклический характер, в на-

стоящее время можно считать общепризнанной»²⁰. Научное подтверждение своей идеи он увидел в трудах экономистов середины века: Ж.Ш.Сисмонди, К.Маркса и своего учителя и друга М.И.Тугана-Бароновского. Все они подчеркивали три важных момента: 1) кризисы в условиях капитализма имеют периодический характер; 2) они органически присущи капиталистическому строю; 3) кризисы представляют *одну из фаз целого капиталистического цикла*, тогда как целый цикл, по всей видимости, складывается из трех фаз (волн): *подъем, кризис, депрессия*. Трудность исследования больших циклов конъюнктуры состояла в том, что они включают в себя средние и малые колебательные циклы, которые, взаимодействуя с большими, усложняют общую картину. Но главное, большие циклы, длительность которых охватывает до 50 лет, могли быть наблюдаемы лишь с конца XVIII до второй половины XIX века. А дальше должна была действовать убедительность расчетов. Согласно этим расчетам *большие циклы конъюнктуры* могут быть описаны как последовательное взаимодействие «*повышательных*» и «*понижательных*» волн, разделенных между собой более или менее затяжной депрессией.

Мировой кризис 1929–1930 гг. полностью подтвердил прогнозы Кондратьева и побудил западных исследователей признать его новаторство в исследовании этой проблемы, решение которой создает возможность научного предвидения кризисов и их определенной блокировки. Не случайно один из ведущих экономистов США — Й.Шумпетер высоко оценил исследование Кондратьева, присвоив открытым им большим конъюнктурным циклам имя ученого.

Однако важнейшие теоретические исследования ученого в области методологии научного предвидения будущего, имеющие общесоциальное и философское значение, остались за пределами внимания мировой общественности. Центральной в них является идея влияния больших циклов конъюнктуры на различные стороны социально-исторического и культурного развития общества. На этом настаивает ученый. На основе открытого им фундаментального закона цикличности капиталистического производства он выделяет 4 «*эмпирических правильности*», т.е. производных от него общесоциальных законов-тенденций и тем самым выходит за пределы собственно экономических наук в социально-культурную сферу, что особенно важно для понимания связи (влияния) экономики с социально-историческим развитием общества. Понимал это и сам ученый, выделяя открытые им «эмпирические правильности» курсивом.

1. *«Перед началом повышательной волны каждого большого цикла, а иногда в самом начале ее наблюдаются значительные изменения в условиях хозяйственной жизни общества».* Это могут быть значительные технические изобретения, изменения технологии производства и обмена, усиление новых стран в мировом хозяйстве.

2. *«Периоды повышательных волн больших циклов, как правило, значительно богаче крупными социальными потрясениями и переворотами в жизни общества (революции, войны), чем периоды понижательных волн».* Автор приводит обширный набор политических событий, сопутствовавших I, II и III повышательным волнам, рядом с которыми политические события, сопутствовавшие понижательным волнам, выглядят достаточно бедно.

3. *«Эмпирическое правило» — «понижательные волны этих циклов сопровождаются длительной депрессией сельского хозяйства».*

4. *«Эмпирическое правило»: с фазами конъюнктуры совпадают фазы развития средних циклов. Понижательные волны больших циклов накладывают свой отпечаток на средние волны. Так средние циклы, приходящиеся на понижательный период больших циклов, характеризуются длительностью и глубиной депрессий. Эта характеристика распространяется и на сопутствующие им социальные явления — войны, социальные потрясения; средние циклы, приходящиеся на повышательный период больших циклов, характеризуются обратными чертами — стабильностью, поиском новых путей и технологий развития»²¹.*

Хотелось бы отметить отсутствие напрашивающегося — **пятого** — эмпирического правила», которое Кондратьев обошел молчанием. И не случайно. Речь идет о влиянии конъюнктуры больших волн на социокультурное развитие общества и, в частности, на развитие идеологии. Сам Кондратьев в силу моноидеологического прессинга не мог решить эту задачу. За него ее выполнил Питирим Сорокин и позже — новое поколение циклистов²².

Исследования самого Кондратьева и его группы в Советской России были объявлены идеологически вредными, направленными на дискредитацию социалистической экономики. Теория циклов Кондратьева была расценена как «кулацкая идеология», хотя ученый специально подчеркивал, что цикличность социально-экономических процессов при социализме отнюдь не умаляет роли планирующей инициативы общества. Он лишь обращал внимание на то, что наши целенаправленные действия «должны быть построены одновременно на основе известного предвидения тенденций стихийного хода событий и на основе предвидения определенного эффекта наших мероприятий»²³. Только такой подход может быть эффективным.

Однако аргументы Кондратьева не были услышаны властями — он был арестован и сослан. В 1938 г. после второго ареста, якобы за участие в несуществующей партии, по приговору военной коллегии Н.Д.Кондратьев был расстрелян²⁴. И только в период так называемой «перестройки» научное наследие Кондратьева было возвращено из забвения.

В 1992 г., в столетие со дня рождения ученого, был учрежден Международный фонд его имени, на базе которого развернулась научная деятельность «молодых» в направлении, заданном ученым, в частности, в связи с исследованием цикличности (или волнообразия) экономической и социальной жизни общества. Большую роль в возрождении и развитии теоретического наследия Н.Д.Кондратьева сыграли «*Кондратьевские чтения*»²⁵, положившие начало *новому современному этапу* развития циклизма как методологически объяснительной теории, или парадигме, вызвавшей широкий научно-общественный резонанс. На этой основе и выросла новая школа циклистов. К важному выводу на основе переосмысления кондратьевских идей приходит, в частности, В.И.Пантин: «Циклически-волновой подход к исследованию движения общественных систем из понимания их эволюции как волнового процесса со множеством переходов и критических «точек бифуркации», *исход которых заранее не предreshен...*»²⁶. Автор, таким образом, подчеркивает многовариантность и незавершенность циклического процесса.

Параллельно с творчеством Кондратьева к идеям циклизма пришел его друг и во многом единомышленник — П.С. Сорокин (1889—1968), волей исторических обстоятельств ставший главой американской (а не русской) социологической школы. Характеризуя развитие теории циклизма Ю.В.Яковец писал: «Если А.Л.Чижевский и В.И.Вернадский исследовали преимущественно природно-экологические циклы, Н.Д.Кондратьев — экономические циклы, то главный вклад Питирима Сорокина в формирование школы русского циклизма (включая русских ученых, творивших в эмиграции) состоит во всестороннем, пионерном исследовании *социокультурных циклов*»²⁷. В целом же труды Сорокина можно характеризовать как связующее звено между циклизмом первой половины XX в. и его современным социокультурным направлением.

Обычно принято характеризовать вклад Сорокина в развитие циклизма и культурно-исторической философии в целом последней по времени, небольшой, но в чем-то итоговой книгой «*Главные тенденции нашего времени*», опубликованной в 1964 г. и переведенной на русский язык в 1997. Однако следует согласиться с Ю.Давыдовым,

который отмечает, что большинство современных авторов начинает обзор творческого кредо ученого с означенного самим автором конца, оставляя без внимания генезис «итоговых прозрений» социолога и социального философа, тем самым подвергая «омертвляющей догматизации» его полные сомнений рассуждения и выводы. «Иначе и не может быть, когда живые и плодотворные идеи (пусть даже из самых лучших соображений) рассматриваются в отрыве от «долгой дороги», ведущей к ним, от мучительных сомнений и горьких разочарований, которые пришлось испытать автору на пути «трудной работы понятия», как сказал бы Гегель»²⁸.

Эволюция научного творчества Сорокина неотделима от его жизненного пути, на котором ему довелось испытать и кошмары большевистской революции с ее «ревтрибуналами», голодом, усугубляемых разрухой, и невзгодами вынужденной эмиграции. Не случайно в творчестве ученого, воодушевленного изначально стремлением познать свою Родину, особое место заняли социологические проблемы *революции и голода*. В этом заключалась глубочайшая трагедия судьбы Сорокина и его творчества. К тому же оно совпало с радикальным поворотом в развитии социологии от классической к неклассической стадии. Сорокин сумел преодолеть этот перелом. Вследствие этого двойного пресса произошел резкий разрыв Сорокина с классической социологией и совершился его переход на поприще постнеклассической социологии, сферой научного осмысления которой для него и стал *циклизм*.

Объективное основание циклизма как типа развития Сорокин находит в 3 главных тенденциях XX в. — 1) перемещение творческого лидерства человечества из Европейского Запада, где он был сосредоточен в течение 5 последних веков, в более обширный район Тихого океана и Атлантики, в Азию и Африку; 2) продолжающаяся лезинтеграция до сих пор преобладающего «чувственного типа» человека, культуры, общества и его системы ценностей; 3) возникновение и постепенный рост первых компонентов нового — *интегрально-социокультурного порядка*, его системы ценностей и типа личности»²⁹. Безусловно строгой математической периодичности в цикличности нет (ее нет даже в длительности солнечных циклов), однако это не дает основания для отрицания самой природы цикличности. Более того, как отмечает Сорокин, в процессе колебательных движений природных и социальных циклов происходит процесс кумулятивного накопления творческого потенциала, общее обогащение гено типа общества.

Исходя из своей концепции Сорокин выделяет три исторических социокультурных типа:

- чувственный;
- идеациональный;
- идеалистический.

Чувственная форма культуры общества, согласно Сорокину, базируется на уверенности, что истинная реальность и ценность является чувственно воспринимаемой и что за пределами реальности и ценностей, которые мы можем видеть, слышать ощущать во вкусе, прикосновении и запахе, нет другой реальности и нет реальных ценностей. Чувственной культуре соответствует *утилитаризм* в экономике и политике, гедонизм в этике. Эти же черты присущи и искусству, который имеет эмпирический характер, доступный непосредственному, «неподготовленному» восприятию. Оно отделяется от религии, бросает вызов морали, проповедует бытийную жизнь людей. В настоящее время *чувственный тип культуры*, господствовавший в Западной Европе и США в течение пяти столетий, претерпевает глубокий кризис. Он заключается в распаде чувственных форм культуры, общества, образа жизни и, по определению Сорокина, имеет величайший характер из всех кризисов истории западного мира.

Идеациональная культура общества характерна для средних веков. Она базировалась на том принципе, что истинная реальность или ценность — это сверхчувственный и сверхрациональный Бог и его Царство, как определено в христианском Символе Веры. «Слова св.Августина «Deum et animam scire cupio. Nihilne plus? Nihil omnino» («Я хочу познать Бога и душу. Ничего больше? Абсолютно ничего») ярко выражают это свойство идеациональной культуры»³⁰. К идеациональной культуре следует, по-видимому, отнести «заидеологизированные» социальные системы, в которых политическая и экономическая жизнь подчиняется жестко сконструированной идеологии. Таковыми были: «Москва — третий Рим», провиденциальные основы самодержавия, наконец, коммунистическая идеология. В настоящее время идеациональный тип наиболее присущ мусульманской культуре.

И современный — **Интегральный тип культуры общества**, который, согласно Сорокину, ориентирован на то, что «истинной реальностью-ценностью является Неопределенное Многообразие (Infinite Manifold), которое имеет сверхчувственные, рациональные и чувственные формы, неотделимые одна от другой. Все компоненты и его социальная жизнь ориентированы на этот принцип»³¹. Интегральный социокультурный тип обращает внимание как на эмпирические, так и на сверхэмпирические аспекты исторической реальности-ценнос-

ти. Наука, так же как философия и теология, начинают расцветать в нем, и они гармонично сотрудничают друг с другом. Искусство, по мнению Сорокина, выступает здесь также в единстве рациональных и сверхрациональных характеристик. «Социальное явление, — поясняет свою мысль ученый, — есть социальная связь, имеющая психологическую природу, реализующуюся в сознании индивидов, выступая в то же время по содержанию и его продолжительности за его пределы. Это то, что многие называют «социальной душой», это то, что другие называют цивилизацией и культурой, это то, что третьи определяют термином «мир ценностей», в противоположность миру вещей, образующих объект науки о природе»¹².

Таким образом, социокультурное развитие отнюдь не подчиняется безусловным законам, но само является творческой силой, которая, по выражению Герцена, по канве законов вышивает собственный узор. Учитывая это, Сорокин приходит к выводу: пока продолжается человеческая история, будет существовать и творческий *вечный цикл культуры с заранее непредсказуемым исходом*.

Подводя итог, заметим, что теория Сорокина всего одна из моделей социокультурного развития истории общества, а отнюдь не ее абсолютный слепок. Как отмечал сам автор, ритм исторического развития отнюдь не схож с барабанной дробью, или размеренным тактом, но имеет сложный размер и рисунок. Творческий потенциал народа, страны не может быть предрешен заранее. Он зависит как от внутренних возможностей и активности народа, от благоприятного или неблагоприятного соотношения внешних сил, так, в не последнюю очередь, от интенций самой истории.

1.3. Конструкты моделирования социально-исторических типов Российской империи

Принимая циклическую парадигму в качестве основы социально-философского моделирования истории России, необходимо учитывать следующие специфические особенности ее социально-исторического развития. *Во-первых*, Российская цивилизация пережила несколько циклов исторического развития, хотя ее самостоятельное развитие на 300 лет было прервано татаро-монгольским нашествием. *Во-вторых*, дальнейшее развитие Российской цивилизации происходило за счет социально вынужденной колонизации Евразийского континента и заселения его бескрайних просторов. *В-третьих*, необходимость выхода континентальной державы к теплым портовым

морям — Балтике, Тихому океану и Черному морю. *В-четвертых*, удержание такой территории под своим контролем требовало сильной государственной власти. В результате развитие Российской цивилизации происходило не столько под влиянием экономических факторов, сколько под влиянием военных и политических нужд государства. Его экономическое развитие, в том числе утверждение крепостного права, а позже — капитализма, в значительной мере было обусловлено этими же обстоятельствами. *В-пятых*, идеологической основой России, в отличие от Европы, было воспринятое от Византии православие. В силу этих обстоятельств Российская цивилизация развивалась преимущественно как *закрытое общество*, попытки «открыть» его носили либо военный, либо деструктивный характер (бунт, революция, революционный террор) и в редких случаях осуществлялись путем реформ.

За время своего существования Россия пережила пять циклов в развитии цивилизации, сохранив и приумножив при этом достижения русской культуры. Согласно характеристике Сорокина их можно охарактеризовать следующим образом:

- образование и конец Новгород-Киевской Руси, оборвавшееся нашествием монголов — чувственный тип;
- создание Великого княжества Московского и его конец, совпавший с концом династии — чувственно-идеациональный тип;
- основание царства Московского с утверждением новой династии Романовых, ее естественный переход на новый цикл развития смешанного типа с преобладанием идеационального;
- становление Российской империи, смешанный тип с апелляцией к чувственным, идеациональным и интегральным ценностям. Конец Российской империи;
- советская власть, опыт ее «перестройки» — смешанный тип;
- ныне Россия вступила в шестой цикл, исход которого, однако, остается открытым.

Выбирая **имперский цикл истории России** в качестве предмета моделирования, мы исходим, во-первых, из того, что для России САМОДЕРЖАВИЕ — это не только идеология или проективная модель, но историческая реальность, просуществовавшая 300 лет, если исчислять ее с момента избрания первого Михаила Романова (1613 г.) на российский престол и до отречения от престола последнего императора Всероссийского — Николая Романова. Во-вторых, самодержавие в России пережило полный цикл своего развития: от провозглашения идеологии самодержавия и утверждения его институтов, волны взлетов и кризисов, реформ и контрреформ, стабильности и

революционных флуктуаций, и естественным образом завершилось отречением царя от трона. **И еще:** многие социальные институты и культурные ценности самодержавия возрождаются сегодня, наполняются новым содержанием и обретают второе дыхание, прогрессивное или регрессивное — история покажет.

В предпринятом исследовании нас будет интересовать, прежде всего, *теоретико-конструктивная модель* самодержавия, ее *основополагающие конструкты*, фиксирующие существенные моменты ее развития в процессе волнового движения от просвещения к деспотизму, от реформ к контрреформам, от консерватизма к либерализму, от авторитаризма к анархии. Как всякое волновое движение, оно имеет и обратный ход маятника и одновременно чревато флуктуациями, точками взрывов с непредсказуемыми вариантами развития. В народе это сложное движение истории определяют как перемены «от хорошего царя к плохому», как иронически подметил А.С.Хомяков. В раскрытии противоречивой динамики этого волнового процесса саморазвития до полного завершения всего цикла мы и видим свою задачу.

Самодержавие заявило о себе как *социально-политическая система*, поэтому, естественно, нами должны быть определены его *политические и социальные основы*, отслежено их историческое *делание*, или конструирование. При этом мы придерживаемся *общей логики* исторического развития российского самодержавия, что позволяет выявить его *истоки, точки бифуркации — наивысшего подъема, или напротив, — кризиса, перепады реформ и контрреформ как попыток его реабилитации или радикальной реконструкции и, наконец, политики «третьей силы», ориентированной на его сокрушение «до основания!»* Что было «затем» — требует самостоятельного исследования.

При моделировании российского самодержавия необходимо учитывать, а возможно, и начинать с географического положения страны, или ее *месторазвития* (понятие, впервые введенное в науку П.Н.Милюковым и распространенное евразийцами), определяющее влияние природной среды на характер развития социума и возможность обратного воздействия социума на природу. Для России учет этого фактора имеет принципиальное значение в силу ее пространственной протяженности, объединяющей оба континента. Этот, казалось бы, второстепенный для классической науки фактор при новом постнеклассическом подходе приобретает фундаментальное значение. «В современной науке сформировалось новое видение природной среды, в которой протекает жизнедеятельность людей, — подчеркивает В.С.Степин. — Природа начинает рассматриваться не как конгломерат качественно специфических объектов (...), но как

целостный живой организм, преобразование которого человеком может проходить лишь в определенных границах. Нарушение этих границ приводит к изменению системы, ее переходу в качественно иное состояние...»³³.

Взаимосвязь человека с окружающей его средой характеризуются взаимобратимостью. Изменяя природу, человек изменяет самого себя, причем этот процесс отнюдь не является дорогой в рай. Природа, по выражению Тойнби, постоянно бросает роду человеческому «вызов» и от творческого потенциала «ответа» на него отдельных обособившихся социальных организмов зависит историческая судьба и характер дальнейшего отношения данного социума с миром. Так природа «бросила вызов» русскому народу в виде сурового климата и почти незаселенного пространства бесконечного на север и восток. Отсюда *особый тип вынужденной колонизации* Евразийского континента, обозначенный А.П.Шаповым, С.М.Соловьевым, В.О. Ключевским.

Как континентальная держава, имевшая свободный выход лишь к Ледовитому океану, Россия оказалась «запертой» от выхода в теплые и транзитные моря — Балтийское и Черное. Этот геополитический «вызов» на много лет определял направление внешней политики России от Ивана IV и Петра I до войны 1914—1917 гг. В новой форме он и в наше время сохраняет свое значение, тем более что Россия вновь оказалась отрезанной от теплых транзитных морей.

Влияние на характер народа оказывает не только природная, но и *геополитическая среда*, длительное соседство с другими народами, взаимодействие с ними. Длительное сосуществование Московского царства с Золотой Ордой, их своеобразный симбиоз наложил свой отпечаток на тип Московского государства и образ жизни народа, начиная от заимствования некоторых социально-политических и культурных навыков до военных столкновений и поисков социокультурного пространства мирного сосуществования³⁴.

Иной характер носили и носят отношения России с Европой, вызывая постоянные идеологические и политические дискурсы, переходящие порой в открытые военные столкновения. Петр, «прорубив окно в Европу», бросил вызов как Европе, так и самой России. Своеобразным идеологическим «ответом» на него стали не прекращающиеся по сию пору дискуссии «западников» и «славянофилов», дополненные «евразийцами». Накал этих дискуссий то ослабевает, то вспыхивает с новой силой. Мы исходим из того, что Россия, несмотря на ее межконтинентальное положение между Европой и Азией, по типу своей культуры сложилась как европейская держава, хотя и с вли-

ванием в нее азиатской крови. Это делает ее богаче, может быть загадочнее, позволяет быть посредницей между Европой и Азией, что придает ей статус «другой Европы»³⁵.

Политическая *легитимность самодержавия*, первоначально опиравшаяся на обычай и право наследования, начиная с Петра получает юридическое выражение в указах, сводах законов, которые требуют своей интерпретации. Правовые модели, как правило, имеют констатирующий характер, возникающие в период *ставшего* типа государственности. Для русской социально-правовой традиции характерно разграничение понятий *верховой власти* (Souverain) и *правительства*, или *управительной власти* (Gouvernement). *Верховная власть — едина, постоянна, непрерывна, державна, священна, нерушима, безответственна, территориально везде присуща*³⁶. Она есть источник всякой государственной власти. Правительство же в связи с необходимостью специализации предполагает разделение властей. Совокупность принадлежащих верховной власти прав есть полномочие, как внутреннее, так и внешнее. Юридически она ничем не ограничена. Напротив, она — верховный судья всякого права. В наибольшей мере этим атрибутам верховной власти *соответствует* именно *монархия*. Отсюда вытекает и само определение монархии. Согласно Н.М.Коркунову, в соответствии с Основными законами Российской империи власть самодержца определяется двумя статьями: I и 47. Ст. I определяет свойства власти, принадлежащей монарху. «Император Российский, — говорится в ней, — есть монарх *самодержавный и неограниченный*. — Повиноваться *верховой* Его власти не только за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает». Тут указаны три свойства самодержавной власти, разъясняет ученый: «*верховность, самодержавие, неограниченность*». Обозначение власти монарха как *верховой* показывает, что ему принадлежит высшая ни перед кем *не ответственная власть* в государстве. *Самодержавие и неограниченность* утверждают, что вся полнота власти сосредоточена в руках монарха. Правда, в Ст. 47 указывается, что власть русских самодержцев осуществляется на началах *законности* и этим она отличается от деспотии, однако, добавляется тут же, законности «от Самодержавной Власти исходящей»³⁷.

Самодержавие имеет силу и власть в той мере, в какой оно опирается на общественный строй, «народ», видящий в нем действительный оплот своего существования и, главное, верящий в это. В отличие от республиканских форм правления, социальной основой которых является *гражданское общество*, социальным базисом самодержавия является *сословный строй*, ни при каком другом строе оно не мыслимо. По определению другого юриста, А.Д.Градовского,

«под именем *сословий* разумеются отдельные группы подданных, между которыми сам закон установил наследственные преимущественные различия в правах и обязанностях. Следовательно, сословия, по самой своей природе, являются учреждением *государственным*»³⁸. Этим они отличаются от каст и от классов. Таким образом, считает ученый, сословия, во-первых, непосредственно связаны с государством, обслуживают его, а во-вторых, сословия дифференцированы по своим функциям, которые наследственно закреплены за ними, и иерархизированы по отношению друг к другу и государству. Эту иерархическую пирамиду и венчает фигура самодержца.

В процессе подготовки и проведения крестьянской реформы система, казавшаяся незыблемой, вдруг обнаружила глубину, сложность и противоречивость. Вот здесь-то и выяснилось, что основу социально-экономического строя, всей громадной пирамиды России составляет труд крепостного крестьянина. Опору в своем нелегком труде крестьянин видел в общине, которая регулировала отношения между ее членами, или «миром» и помещиком. Однако, по свидетельству Б.Н.Чичерина, община искусственно поддерживалась государством в фискальных и полицейских целях. В результате вся социальная пирамида общества — от помещиков, церкви и царя держалась на перераспределении 2/3 производимых крестьянством продуктов. Веками закрепленная, эта система вошла в традицию. Не случайно самодержавие видело свое последнее прибежище в крестьянской общине. И когда рухнула община — рухнула вся сословная система, на которой держалось самодержавие. Проблема же социального статуса крестьянства остается по сию пору.

Пореформенная эпоха перевернула социальные отношения в России. Самодержавие, представлявшее государство, перестало быть единственным субъектом истории. На ее авансцену выступили народные массы, связанные сложной сетью социальных отношений. Закладываются основы *гражданского общества*. Заслуга анализа истории с учетом глубокого переворота, совершившегося в пореформенной России, принадлежит ученику и оппоненту С.М.Соловьева В.О.Ключевскому. Главным объектом и движущей силой исторического процесса, по его мнению, являются условия жизни *человеческого общежития* и отношения, складывающиеся в нем между различными союзами людей. Государственная история лишь надстраивается над этой основой и часто развивается за ее счет. «Вековыми усилиями и жертвами Россия образовала государство, подобного которому по составу, размерам и мировому положению не видим со времен падения Римской империи. Но народ, создавший это государ-

ство, по своим духовным и материальным средствам еще не стоит в первом ряду среди других европейских народов... Мы еще не начали жить в полную меру своих народных сил»³⁹.

Начиная с середины XIX в., создаются *теоретико-идеологические модели, альтернативные самодержавию*. В начале они выступают в форме утопий литературных и рационализированных. Затем на почве критики существующего строя и соединения ее с европейскими теориями формируются альтернативные самодержавию социальные теории. Сюда следует отнести теории «русского социализма», «научного социализма», модели «капитализации России», ее либерального развития по общеевропейскому пути и др. Так воле монарха противопоставляется идеология и политика социальных сил.

Деятельность самодержавной, как, впрочем, и любой, власти находит выражение в *политике внутренней и внешней*. Политика как «вид рискованной (не гарантированной) коллективной деятельности в области властных отношений, участники которой пытаются изменить свой статус в обществе и перераспределить сферы влияния в контексте сложившихся исторических возможностей»⁴⁰, по определению А.С.Панарина, оказалась наиболее изученной исторической и социальной наукой как досоветского, так и советского периода. Однако заидеологизированность последней наложила односторонне партийный налет на историческую и социальную науку и табуировала некоторые сюжеты истории для их научного рассмотрения. Так политика российского самодержавия рассматривается преимущественно с негативных позиций, хотя ее усилиями была создана великая империя.

Важнейшим компонентом социально-политической жизни общества и, следовательно, конструктом построения его социально-исторических моделей является *идеология*. Идеологическое обоснование самодержавия, как правило, предшествовало и сопутствовало его политическому самоопределению. Его образцами могут служить «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским», екатерининский «Наказ», официальная идеология «православия, самодержавия народности», запущенная в оборот С.С.Уваровым, публицистика М.Н.Каткова, поучительная переписка К.П.Победоносцева, теоретические трактаты И.А.Ильина и Л.А.Тихомирова и др.

К идеологическим конструктам того же порядка следует отнести и *трактаты критического плана*, имеющие богатейшие традиции в русской социально-философской и публицистической литературе. Свое начало они, пожалуй, берут от Радищева, декабристов и «Философических писем» П.Я.Чаадаева, развитые в свободной эмигрантской печати А.И.Герценом и в условиях жесточайшей цензуры —

Н.Г.Чернышевским, продолженные народниками, либералами и социалистами. Обычно идеологические конструкты критического плана находятся под гнетом цензуры.

Если идеологии декларируются, т.е. лежат на поверхности общественной жизни, хотя и требуют научной интерпретации в плане их деидеологизации, то *повседневное* (обыденное) *сознание* дано человеку непосредственно, ибо повседневность — как ее определяет Н.Н.Козлова — есть «целостный социокультурный мир, как он человеку дан. Повседневность — судьба и возмездие»⁴¹. Человек, рождаясь, застает *этот* мир с его смыслами *данным* и, до определенной степени, *заданным*. Это определяет адекватность его поведения в мире и стабильность, устойчивость, самого жизненного мира. Но до поры до времени. Наряду со стремлением к стабильности в сознании народных масс теплятся *ожидания* лучшей жизни. Со временем жизненные установки индивидов, эмоционально и идеологически осмысленные, выходят за пределы заданной повседневности и требуют ее корректировки или радикальной перестройки даже в том случае, когда «народ безмолвствует». Под покровом «безмолвия» формируется общественное мнение народа. И если власть не умеет слушать это *молчание* и слабо реагирует на витающие в обществе *ожидания* еще не явного протеста, требующие изменения или прояснения социальных и политических отношений, — ее социальные конструкции исподволь расшатываются изнутри. Если же социально-политическая система замкнулась в своем консерватизме, несбывшиеся ожидания и критические настроения, накапливаясь под покровом старой системы, превращаются в материальную силу и взрывают ее, погружая социальную действительность на определенное время в состояние *смуты*. И лишь в том случае, если среди комплекса *новых идей* доминирует «умная» сильная и достаточно конструктивная идеология, она способна дать импульс разрешению кризиса и развитию системы, вовлекая в свою сферу новые силы и интеллектуальные потенции.

Данные фундаментальные, на наш взгляд, параметры или конструкты в их диалогическом контексте и должны быть приняты во внимание при построении наиболее репрезентативных моделей социально-исторической реальности любой страны, России в частности. Наряду с этим не следует упускать из вида случайные факторы. К ним можно отнести темперамент народа, благоприятное/неблагоприятное течение природных обстоятельств (вспомним знаменитое солнечное затмение в «Слове о полку Игореве»), наличие вовремя явившегося вождя, способного возглавить течение событий или придать им оптимальную форму (вспомним ставшее

классическим выражение С.М.Соловьева в «Чтениях о Петре Первом»: «Народ поднялся и собрался в дорогу, но кого-то ждали, ждали вождя, вождь явился»⁴²).

Однако не будем забывать, что все перечисленные нами конструкторы не ранжированы, а находятся в сложном циклически-волновом взаимодействии, когда аргумент в пользу одного решения вызывает контраргумент в пользу другого, апеллируя зачастую к давно забытым, либо не вполне проявившимся ценностям. Даже если в данной фазе восторжествовал какой-либо один вариант развития, «закрывший» другие альтернативы, то в другой фазе, когда условия развития изменятся, несостоявшиеся альтернативы могут осуществиться, хотя и в измененном виде.

Завершая экскурс в область методологии социально-исторического знания, мы приходим к подтверждению вывода П.Бергмана и Т.Лукмана, что «знание об обществе является (...) реализацией в двойном смысле слова — в смысле понимания объективированной социальной реальности и в смысле непрерывного созидания самой этой реальности»⁴³.

Примечания

¹ Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 11.

² См.: Давыдов Ю.Н. Парадигма и революция // Формирование новой парадигмы обществоведения. Материалы IV Кондратьевских чтений. М., 1996. С. 81.

³ Леонтьев В. Экономические эссе. М., 1990. С. 29.

⁴ Герцен А.И. С того берега // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 6. С. 34.

⁵ Тойнби А.Дж. Постижение истории. М., 1991.

⁶ Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 15.

⁷ Майнцер К. Сложность и самоорганизация // Синергетическая парадигма. М., 2000. С. 77.

⁸ Федотова В.Г. Метатеория — макросоциальный контекст // Социальное знание и социальные изменения. М., 2001. С. 12.

⁹ Ахиезер А.С. Критика исторического опыта. Т. III. М., 1991. С. 436.

¹⁰ Яковец Ю.В. Русский циклизм: новое видение прошлого и будущего. Н.—У., 1999.

¹¹ Мурьянов М.Ф. О космологии Кирика Новгородца // Вопросы истории астрономии. Сб. 3. М., 1974.

¹² См.: Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории. Гл. Теория культурно-исторических типов. М., 1999.

¹³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1991. С. 115.

¹⁴ Бердяев Н.А. Смысл истории. 171.

¹⁵ Там же. С. 155.

¹⁶ Термин — **ноосфера** введен в 1927 г. французским философом Э. Ле Руа, широко использовался Тейяром де Шарденом и стал одним из основополагающих понятий в научно-философской системе В.И.Вернадского.

- 17 *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 32.
- 18 Там же. С. 46.
- 19 *Чижевский А.Л.* Земное эхо солнечных бурь. М., 1976. С. 33.
- 20 *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры // *Кондратьев Н.Д.* Избр. соч. М., 1993. С. 24.
- 21 Там же. С. 47, 55, 56.
- 22 Анализ больших циклов конъюнктуры Кондратьева и развитие его идей представлены в работах: *Яковец Ю.В.* Русский циклизм: новое видение прошлого и будущего. Н.–У., 1999; *Пантин В.И.* Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М., 1997; *Панарин А.С.* Россия в циклах мировой истории. М., 1999; *Морозов Н.Д.* Ритмы истории: Системный анализ прошлого и проектирование будущего. М., 2001 и др.
- 23 *Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики. М., 1989. С. 101–102.
- 24 Кондратьеву наряду с А.В.Чаяновым и др. учеными инкриминировалось создание нелегальной «Трудовой крестьянской партии». Приговор по такому «делу» мог быть только однозначным — расстрел.
- 25 См.: Материалы «Кондратьевских чтений» I, II, III, IV, V.
- 26 *Пантин В.И.* Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М., 1997. С. 17.
- 27 *Яковец Ю.В.* Русский циклизм: новое видение прошлого и будущего. С. 52.
- 28 *Давыдов Ю.* Сайт Интернета: <http://www.i-u.ru>
- 29 *Сорокин П.* Главные тенденции нашего времени. М., 1987. С. 11.
- 30 Там же. С. 20.
- 31 Там же. С. 25–26.
- 32 *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 39.
- 33 *Степин В.С.* Саморазвивающиеся системы // Синергетическая парадигма. М., 2000. С. 22.
- 34 *Кульпин Э.С.* Россия между Западом и Востоком. М., 2001.
- 35 *Новикова Л.И., Сиземская И.Н.* Евразийский искус // Мир России — Евразия (Антология). М., 1995.
- 36 *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. Ч. 1. М., 1894. С. 60–62.
- 37 *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. Т. 1. СПб., 1908. С. 210, 211.
- 38 *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права // *Градовский А.Д.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 7. СПб., 1901. С. 186.
- 39 *Ключевский В.О.* Курс русской истории // *Ключевский В.О.* Соч.: В 9 т. Т. 1. М., 1987. 61.
- 40 *Панарин А.С.* Философия политики. М., 1996. С. 7.
- 41 *Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советской эпохи. М., 1996. С. 13.
- 42 *Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом // *Соловьев С.М.* Соч.: В 18 кн. Кн. 18. М., 1995. С. 38.
- 43 *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 111.

ГЛАВА II. САМОДЕРЖАВИЕ — МОДЕЛЬ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА

II.1. Создание Российской империи как «ответ» на «вызов» истории

Петр Алексеевич Романов — младший сын от второй жены царя Алексея Михайловича Тишайшего (1629–76), прозванного так за то, что он позволял управлять своим наместникам по их разумению, и лишь приглядывал за тем, чтобы в государстве была *тишь* и *Божья благодать*. Казалось, что Петру, как надежде отца, следовало бы продолжать его линию. Но он был свидетелем кровавой распри между конкурирующими феодальными родами — Милославскими и Нарышкиными (родня царевича по матери), двух стрелецких бунтов с публичными казнями неугодных бояр, церковного раскола, принявшего форму жесткого антагонизма и, главное, угасания государственного уряда России. Г.К.Котошихин — (первый политэмигрант или изменник?) дал нелицеприятную критику состояния быта политической и управленческой системы Московского царства. Так он характеризовал сложившийся стиль государственного управления на заседаниях Боярской думы: «...иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвещают, потому что царь жалует многих в бояре не по разуму их, но по великой породе, и многие из них грамоте не ученые»¹.

Обретя, как царь, самостоятельность (1689), Петр сделал резкий рывок, чтобы вырваться из этого «сонного царства» и вдохнуть жизнь в развитие Российского государства. При всем разнообразии дел и свершений Петра их связывает единая и целеустремленная идея, которой он не изменял никогда — это идея *великого Государства*, чуть позже — *Российской империи*. Петр всецело уверовал в спасительную силу абсолютистского государства и, по образному выражению И.В.Сыромятникова, «всей мощью своей железной руки налег на рычаги заведенной им государственной машины, установленной в стране

великих возможностей»². Реализации этой идеи он подчинил все силы нации, требуя неукоснительного служения ей всех, от рядового дворянина, купца, церковного служки до самого царя («на троне вечный был работник»). Основанием этой пирамиды оставался труд крепостного крестьянина, который одновременно стал основной тягловой единицей и поставщиком «солдатчины».

Таким образом, модернизация Петра превратила самодержавное государство в чудовищного Левиафана, требующего постоянного служения ему и жертвоприношений. Действительно, поднятая деятельностью Петра волна модернизации была мощной и неукротимой. Во имя интересов Государства он не считался с интересами отдельных сословий и лиц. Ему в жертву он принес и собственного сына. Отбросив расшатанное в церковном расколе предшествующего царства православие как краеугольный камень легитимности самодержавия, он обрел новое более мощное ее основание в идее *государственности*. В итоге мы с полным основанием можем характеризовать тип самодержавия, сложившийся в результате модернизации Петра, как *сословно-этактистский* и сугубо прагматический. В общем-то, эта идеология вполне соответствовала духу XVII века, духу Лейбница, Пуфендорфа, Гуго Гроция, идеи которых хорошо были известны «Ученой дружине» Петра. Феофан Прокопович широко использовал их в обосновании самодержавной власти Петра в своем главном труде «Правда воли монаршей», этой, по определению Ключевского, краткой энциклопедии государственного права петровской эпохи. Торопиться с реализацией этой идеи Петра побуждали как внутренние причины — продолжающаяся после церковного раскола смута, культурная отсталость общества, так и внешние — великая, но рыхлая и необустроенная Россия представлялась весьма соблазнительной приманкой для шведской и польской короны³.

Если приложить критерий цикличности к модернизации государства Петром, то открывается полный *чувственно-интегральный цикл*, так как не было той области в государстве, которой не коснулась бы рука преобразователя во имя интересов Государства.

Модернизация государства была начата Петром с *просвещения* в самом прямом смысле. Он не побоялся поставить своих приближенных и себя самого в роль любознательных учеников. «Великому посольству», снаряженному в Европу, последняя открылась, по выражению Ключевского, «в виде шумной и дымной мастерской с машинами, кораблями, верфями, фабриками, заводам», «обилием книг, газет»⁴. Сравнение, по возвращению домой, было неутешительным.

Петр понял, что в случае сохранения такого уровня развития России грозит участь превратиться в «сферу чужих интересов» или быть разодранной Польшей, Швецией, Турцией на куски.

Вернувшись из-за границы, Петр сразу же приступил к реформам. Может показаться капризом деспота-самодура, что начал он едва ли не с указа о бритье бороды и ношения европейского платья. Но в этих экстравагантных мерах тоже был свой резон, они означали радикальную смену стиля поведения и мышления. И Боярская дума, и ближайшее окружение царя, и приказные люди вынуждены были действовать соответственно своему новому облику. Одновременно было запрещено народу становиться на колени перед государем и снимать шапку, проходя мимо его дворца.

Поражение, нанесенное Петру в 1699 г. шведским королем Карлом XII, послужило на пользу дела, заставив его обратиться к радикальной модернизации армии. В 1705 г. Петр первым в Европе вводит обязательный рекрутский набор. Позже на Азовском и Балтийском морях был заложен военный флот. В разгар Северной войны, при первой победе над шведами, Петр велит закладывать в устье Невы новый город-крепость Петербург, желая тем самым утвердиться на море *и войти в Европу*. С 1712 г. Санкт-Петербург стал столицей страны.

Модернизация армии потребовала от Петра проведения радикальных реформ в различных государственных сферах. Так, по свидетельству историков, еще во время Северной войны с 1700 по 1720 гг. было издано более 1700 законодательных актов⁵. Большинство из них относилось к наиболее важным сторонам российской жизни: модернизации армии и флота, строительству заводов, фабрик, закладки городов и крепостей. Так в 1721 г. на реке Исети был заложен металлургический завод и крепость, ставшие позже г.Екатеринбургом. К концу Северной войны Петр несколько изменил свою политику в области экономики. Наиболее жесткие монополии были отменены, стало поощряться частное предпринимательство, но зато всемерно усиливался бюрократический надзор, который, хотя и другими методами, но также пристально держал под контролем развитие промышленности и торговли.

С 1720 по 1725 гг., когда положение России в мире в должной мере укрепилось, последовал новый законодательный прорыв, направленный теперь уже в основном на модернизацию государственного управления, социальных отношений и культуры. Петр заново перестроил весь государственный аппарат, используя в качестве образца шведские учреждения, приспособивая их к российским условиям. Так были определены полномочия Сената как высшего законосовеща-

тельного, отчасти даже законодательного органа; вместо изживших себя приказов созданы коллегии — новая форма государственного управления; взамен несостоявшейся патриархии на основе Духовного регламента утвержден статус Синода; введена Табель о рангах, которая, с одной стороны, не позволяла недорослям родовитых дворян отсиживаться по домам или делать карьеру за счет родительских протекций, с другой — открывала возможность неродовитым чиновникам через заслуги перед Отечеством переходить в разряд дворянства. Одновременно была проведена губернская реформа, дополненная позже провинциальным делением, учреждены городские магистраты.

Неуклонно расширялись пределы Российского государства. Параллельно с укреплением позиций в Прибалтике Россия тихо, но неуклонно продвигалась на Восток. Уже в 1705 г. православные миссионеры доходят до Камчатки. А вскоре Беринг, дойдя до края Российской земли, достиг Америки, открыв пролив, отделяющий ее от «нашей» Азии. На путях русских первопроходцев по мере возможности возводятся крепости, фиксирующие границы Российского государства. Так шаг за шагом Россия превращается в великое государство, раскинувшееся на просторах Восточной Европы и Азии. За заслуги перед Отечеством Сенат удостоил царя титулом *императора*. С тех пор и Россия обретает *имперский* статус.

Среди консервативных оппонентов Петра — его современников и современников наших — бытует мнение, что дело рук петровых — недолговечно. Однако основанные им учреждения просуществовали долго: Сенат и Табель о рангах — до 1917, Синод — до 1918, губернское деление — до 1924 г. Больше всего нареканий в адрес Петра у историков вызывает замена патриархии синодом. Однако перестройка церкви была начата не Петром, а Никоном при Алексее Михайловиче, и перед Петром стояла задача лишь завершить ее. Объективно же в результате церковной реформы было расчищено пространство для *светской культуры*. На этой основе Петром был предпринят ряд реформ культурно-просветительского значения: положено начало бесплатному школьному образованию, основана Академия наук; открыта кунсткамера — первый естественный музей и при нем библиотека; основана первая газета в Москве — «Ведомости», а затем и «Петербургские Ведомости» и проч. При этом церковно-славянский язык заменен современным общепотребительным — русским. Регулярно молодые люди отправляются на учебу в Европу и одновременно европейские специалисты приглашались на службу в Россию. «Царю, желавшему во что бы то ни стало видеть в России и школы и ученых, иметь и переводы известных сочинений и первоначальные учебни-

ки, нужны были помощники, а ими могли быть, на первый раз, только те из русских, которые чему-нибудь учились и что-нибудь знали», — пишет известный исследователь истории просвещения на Руси П. П. Пекарский. Однако, замечает он, «образ мыслей киевских ученых (на которых ориентировался его отец — Алексей Михайлович — Авт.) не согласовался с направлением и образом мыслей Петра: его намерения и его цель состояли в практическом применении на русской почве начал, выработанных современною наукой в государствах, преимущественно протестантских, к чему, разумеется, киевские ученые были мало способны по самому свойству и складу своего образования»⁶.

Именно реформами Петра было положено начало культурному диалогу между Россией и Европой, что послужило базой для развития национального самосознания в соответствии с ее новым положением в европейском сообществе. Это отметил и такой крупный историк-аналитик, как А. Тойнби: «Стратегия Петра Великого была направлена на то, чтобы при включении России в западное сообщество в качестве равноправного члена сохранить ее политическую независимость и культурную автономию в мире, где западный образ жизни уже получил широкое признание. Это был первый пример добровольной самовестернизации незападной страны»⁷.

Однако реализация этого государственно-стратегического плана дорого обошлась русскому народу. Для обеспечения военных, административных, культурных преобразований и покрытия непомерных расходов был осуществлен ряд экономических реформ, резко усугубивших крепостное право. Одновременно были введены новые налоги и прежде всего *подушная подать*, легшая тяжким бременем на податные сословия, увеличены косвенные налоги на самые ходовые товары: табак, соль, деготь и др., что порождало социальную напряженность.

Но в оправдание великого реформатора повторим аргументы К. Д. Кавелина: размах и глубина осуществленных Петром реформ сделали развитие страны по «общечеловеческому пути» необратимым. Не случайно и Вл. Соловьев, сравнивая значение деятельности Петра Великого с христианизацией Руси Св. Владимиром, характеризовал обоих как *исторических деятелей*, которые, на много опережая потребности общественного развития страны, *делали историю*.

Естественно, что Петр *делал историю* и в тех условиях мог ее *делать* только как *самодержец*. В воинском артикуле, включенном в свод законов Государства Российского, записано: «Его Величество есть самовластный Монарх, который никому на свете о своих делах ответа дать не должен; но силу и власть имеет свои от Государства и земли,

яко христианский Государь по своей воле и благомнению управлять»⁸. Примечательно, что в Артикуле религиозное обоснование самодержавства заменено властью, которую самодержец имеет *от Государства и земли, т.е. народа*.

Однако модернизация самодержавия на основе тотальной зависимости всех сословий от государства действительно была доведена Петром *до предела*. Дальше по этому пути самодержавие развиваться не могло. Противоречивость модернизации Петра особенно остро почувствовал В.О.Ключевский. «Реформа Петра была борьбой деспотизма с народом, с его косностью. Он надеялся грозой власти вызвать самодеятельность в порабошенном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства — это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешенная»⁹.

Но, несмотря на это, идея приоритета *государственности* была воспринята наиболее дальновидными потомками Петра. Она послужила скрепой при монархической чехарде XVIII века. Эта идея выполяет свою конструктивную роль и в настоящее время.

Однако чтобы традиционное общество привыкло к социальным и политическим инновациям, неизбежно должна была произойти *откатка назад*, или, выражаясь языком Кондратьева, — «понижательная волна». И она наступила после смерти царя-реформатора.

Петр не оставил закона о престолонаследии. Это породило цепь государственных переворотов, сопряженных с насилием, что подрывало ресурсы и престиж самодержавия. Попытка государственного переворота при Анне Иоановне в пользу «конституционно-аристократической монархии» закончилась торжеством мелкого и среднего служилого шляхетства — по польскому образцу и укреплением самодержавной, пусть и бездарной, власти в лице Анны Иоанновны. «Так кончилась десятидневная конституционно-аристократическая русская монархия XVIII в., сооруженная 4-недельным временным правлением Верховного тайного совета», — иронизирует В.О.Ключевский¹⁰. Однако идея *аристократической конституции*, ограничивающей власть царя, сохранилась в памяти олигархического дворянства.

Очередной государственный переворот 25 ноября 1741 г. завершился возведением на трон дочери Петра — Елизаветы. 20-летнее царствование Елизаветы Петровны можно охарактеризовать как полное

единодушные императрицы и ее подданных в лице привилегированного сословия — дворянства. Не случайно Ключевский характеризует период правления Елизаветы как «начало *дворяновластия*». И все же дух французского Просвещения с его внешним блеском проникает в «русское общество». И.И.Шувалов переписывался с Вольтером. А.П.Сумароков пишет трагедии в духе Расина и Корнеля. Растрелли-сын украшает Петербург постройками в стиле французского барокко. В духе времени происходит смягчение нравов и просвещение. В 1755 г. в Москве открыт, задуманный еще Петром, университет; положено основание Академии Художеств.

В последние годы жизни перед Елизаветой, как и перед Анной, встал вопрос о наследнике престола. Выбор оказался не очень удачным. В качестве наследника был признан внук Петра и племянник Елизаветы, родившийся и воспитанный в Голштинии, ценивший свое звание герцога Голштинского выше короны Российской империи. Имея в виду продолжение династии, Елизавета озаботилась женить его на немецкой принцессе Софии Фредерике Августе, принявшей в православии имя Екатерины Алексеевны. Что касается Петра III, то его раболепное преклонение перед Фридрихом II и всем немецким стилем жизни вызывало возмущение русских дворян-патриотов. Екатерина — чистокровная немка — казалась более русской, чем родной внук Петра. Однако с правлением этого, по выражению Ключевского, «случайного гостя на русском престоле», связано одно событие решительно изменившее направление развития русского самодержавия. Мы имеем в виду его «*Манифест о вольности дворянской*» 18 февраля 1762 г., который совершенно *освободил дворян от государственной службы*, что шло вразрез с сословной политикой Петра I. Служба государю и Отечеству становилась *частным делом дворянина*, делом его чести или карьеры. Социальные последствия этого Манифеста трудно переоценить. Во-первых, в России появилось *первое вольное сословие*, которое было вправе распоряжаться своей судьбой. Просвещение европейского образца стало потребностью и модой. И, во-вторых, очень скоро монархам Всея Руси пришлось осознать три истины: 1) просвещение рождает не терпящий самовластья *дух свободы*, который не могут удовлетворить никакие сословные привилегии и подачки. Так среди дворянства выделилась наиболее просвещенная прослойка — *зародыш будущей интеллигенции*; 2) место служилого дворянства в коридорах власти заняла *бюрократия*, в результате открывался путь *бюрократизации самого самодержавия*; 3) и это, пожалуй, самое важное: освобождение дворян от обязательной службы государю или государству лишало крепостное право по отношению к крес-

тяням *правового и морального оправдания*. Логику этого исторического процесса задним числом четко обозначил Б.Н.Чичерин: московские цари, строя самодержавное государство, во имя его централизации лишили свободы *все сословия*. Все должны были нести государево тягло. Прежде всего «были укреплены» бояре и служилые люди, затем — посадские, наконец — крестьяне. Таким образом, согласно Чичерину, «закрепощение одних влекло за собой закрепощение других». Но когда государство окрепло и отпала надобность пользоваться принудительным трудом, начался обратный процесс: «сначала были освобождены дворяне, затем городские сословия и, наконец, крестьяне»¹¹. Так поняли манифест и крестьяне, ожидая вольности для себя. *Вся дальнейшая история развития русского самодержавия будет вращаться вокруг этой проблемы, ища выходы в вынужденном обращении к реформам, ибо, оставляя нерешенным этот вопрос, самодержавие обрекло себя на гибель.*

II.2. Модель просвещенного абсолютизма

Екатерина была шестой императрицей, пришедшей к власти на штыках гвардейцев. О ее легитимности нельзя всерьез говорить не только потому, что она, как все жены Российских императоров, была иностранкой, но главным образом потому, что она участвовала в заговоре против законного самодержца — своего мужа Петра III. К тому же уже был законный наследник — ее собственный сын Павел. Коронация Екатерины с обязательным обрядом помазания была прямым кошуномством, на которое спокойно пошла церковь. И тем не менее Екатерина II оказалась *самой русской* и, пожалуй, *самой самодержавной* после Петра I императрицей на русском троне. Она проводила последовательно *русскую политику*, направленную на укрепление мощи и международного престижа Российской империи. Окруженная фаворитами, основные решения по внутренней и внешней политике она всегда принимала сама, выслушав советы своих любимцев, она побуждала их к действиям в заданном *ею направлении*. И сама императрица в письме к Я.Гримму признавалась: «Я говорила это тысячу раз: я гожусь только для России», и четко определила свое место в истории России, приказав выгравировать на памятнике Петру: «Петру I — Екатерина II».

Одной из первых проблем, вставших перед новой императрицей, было отношение к Манифесту о вольности дворянской Петра III. Манифест был с удовлетворением воспринят дворянством; Екатери-

на не могла выглядеть хуже. Вместе с тем освобождение дворян от обязательной воинской или гражданской службы лишало законного и нравственного основания закрепощение крестьян за помещиками. Своей *Жалованной грамотой дворянству (1785)* Екатерина II попыталась снять это противоречие, придав ему правовое основание. Хорошо усвоив уроки Монтеスキё, который придавал особое значение аристократии как *опоре монархического строя*, Екатерина, пользуясь своим неограниченным правом, «даровала» дворянскому сословию ряд дополнительных привилегий. Во-первых, поместья приравнивались к вотчинам и в равной мере становились *собственностью помещиков*. Во-вторых, дворянство приобретало корпоративно потомственный статус. Лишить дворянина его звания, состояния и привилегий можно было только по сословному суду, решение которого лишь подтверждалось государем. Все это порождало новое самосознание дворянства как привилегированного сословия, в котором цари теперь видели «*опору трона*».

В контексте нашего исследования царствование Екатерины представляет для нас особый интерес еще и потому, что оно прошло стадии от *просвещенного самодержавия* до авторитарного самодержавства. Под влиянием Монтеスキё и Беккариа она сама попыталась сформулировать принципы *просвещенного самодержавия для России* в своем «Наказе», написанном для собранной ею Уложенной комиссии. Однако Екатерина подвергала тексты своих французских наставников своеобразной обработке применительно к условиям России. По сути дела «Наказ»¹² представляет собой изложение широкой просвещенческой программы, приспособленной к условиям российского самодержавия. Законодательная инициатива императрицы охватывала все сферы общественной жизни, начиная с общих соображений о государственном устройстве и кончая проблемами воспитания.

Прежде всего, Екатерина исходила из утверждения, что «Россия есть Европейская держава» (6). В подтверждение тому она ссылается на авторитет Петра Великого, который, введя европейские нравы и обычаи в российскую среду, нашел такие преимущества, каких и сам не ожидал. Это, по мысли императрицы, свидетельствует о том, что народ русский, восприимчивый к европейской культуре, к ней и принадлежит. Усвоив от Петра I имперскую идею, Екатерина II развивает ее в «Наказе» и всемерно реализует в своей внешней политике. Прекрасно понимая, какую опасность для престола представляет бездействующая армия, она стремилась задействовать ее в любой военной операции, развязанной в Европе, и всегда на благо России.

Исходя из геополитического положения России, Екатерина приходит к утверждению, что единственной государственной формой, пригодной для России, является *просвещенное самодержавие*. «Российского государства владения простираются на 32 степени широты и на 165 степеней долготы по земному шару». Такому государству соответствует самодержавный государь, «ибо никакая другая, как только соединенная в его особе, власть не может действовать сходно с пространством толь великого государства». «Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и в конец разорительно» (8, 9, 11). В духе идей просвещенного абсолютизма императрица заверяет подданных, что такая власть отнюдь не имеет в виду лишить их вольностей, напротив, она направлена к улучшению благосостояния народа, ибо будет опираться на закон.

Основанием тому, полагает автор «Наказа», является *приоритет закона перед властью*, в том числе властью монарха, хотя только монарху в самодержавном государстве *принадлежит исключительное право законотворчества*. Но коль скоро закон принят, нарушать его не позволительно никому. В духе либерально-просветительских идей Екатерина в различных вариантах повторяет мысль, что законы издаются во имя блага государства и каждой личности и ни в коей мере не должны стеснять ее свободы, если только последняя не идет в ущерб государству в целом. «Ничего не должно запрещать законами, кроме того, что может быть вредно или каждому особенно, или всему обществу» (41). Для незыблемого сохранения законов надобно, чтобы они были настолько совершенны, чтобы порождали у каждого гражданина уверенность, что они направлены на его благо.

В духе просвещенного этатизма решает Екатерина и вопрос о вольности граждан весьма оригинальным способом: «В государстве, то есть в собрании людей обществом живущих (различие между государством и обществом здесь еще не проводится), где есть закон, вольность не может состоять ни в чем ином, как в возможности делать то, что каждому *надлежит хотеть* и чтоб не быть принуждену делать то, *чего хотеть не должно*» (37) (выделено нами — *Авт.*). Государство является гарантом вольности гражданина, его уверенности в своей безопасности. Этим определяется приоритет государства по отношению к вольности отдельного гражданина. Но для того чтобы граждане были законопослушны, надлежит при формулировании законов учитывать уровень «народного умствования». Поэтому, с одной стороны, следует издавать законы в удобопонимаемой форме, а с другой — необходимо «приготовить» умы людские к введению и пониманию наилучших законов (58). Так либеральные установки здесь, как, впрочем, и других местах «Наказа», сочетаются с общими идеями просвещения.

Касаясь экономической сферы, Екатерина положила в ее основу главный принцип либерализма: «не запрещать и не принуждать». Единственное, что может позволить себе правитель в этой сфере, — это «премия и разъяснение». Из этой категории, естественно, исключались крепостные, хотя главной сферой экономического благосостояния страны Екатерина не без основания считает земледелие. «Земледелие есть первый и главный труд, к которому поощрять людей должно» (313). В развитии этой темы императрица вступает в явное противоречие с российской реальностью: «Не может земледельство процветать тут, где никто не имеет ничего собственного. Сие основано на правиле весьма простом: «Всякий человек имеет более попечения о своем собственном, нежели о том, что другому принадлежит; и никакого не прилагает старания о том, в чем опасаться может, что другой у него отымет» (295, 296). Этот общий принцип откровенно повисает в воздухе, ибо состояние крепостного труда крестьянина, не имеющего собственности и работающего на чужой земле из-под палки, явно противоречило «Наказу». Впрочем, в сочиненном Екатериной «Наказе» этот важнейший вопрос попросту обойден.

Этот пробел чуть позже восполнил А.И.Радишев в своей книге «Путешествие из Петербурга в Москву». «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала». С этих слов, по определению Н.А.Бердяева, родилась русская интеллигенция¹³. «Звери алчные, пиявицы ненасытные, — обращается он к дворянам-рабовладельцам, — что крестьянину мы оставляем: то, чего отнять не можем, воздух. Да, один воздух /.../ Закон запрещает отъяти у него жизнь. — Но разве мгновенно. Сколько способов отъяти ее у него постепенно! С одной стороны почти всесилие; с другой немощь беззащитная. Ибо помещик в отношении крестьянина есть законодатель, судия, исполнитель своего решения, и пожеланию своему, истец, против которого ответчик ничего сказать не смеет»¹⁴.

И хотя строптивый вольнодумец был строжайше наказан, либеральные идеи, запущенные императрицей в общественный обиход, не прошли бесследно. Развитие либерально-демократических идей продолжил Н.И.Новиков, осмелившийся в своих журналах полемизировать с императрицей, в том числе и по крестьянскому вопросу, за что без суда и следствия был заключен в Шлиссельбургскую крепость. Но это не остановило развитие общественной мысли, породившей целую серию записок, проектов, сочинений либеральной и демократической ориентации, заполнивших российское интеллектуальное пространство.

Французская революция и восстание Пугачева побудило Екатерину резко поменять курс и вернуться на стезю спасительного *самодержавного авторитаризма*. Знаменательно, однако, и то, что Пугачев в своих «прелестных письмах» использует авторитарную «стилистику» от имени якобы чудом спасшегося Петра III, хотя и с иным ее наполнением. Иной стилистики народ еще не приемлет. Жуткие потрясения пугачевского бунта породили в настроениях господствующего класса тягу к усилению центральной власти. Это играло на руку самодержавным амбициям наследника Екатерины — Павла. Но одновременно с этим возрастала тяга к свободе.

Пятилетнее царствование Павла стало переходным от просвещенческой политики Екатерины к деспотизму, когда все государственно-политические и общественные отношения строились по модели прусской военной машины. Однако общество не рассталось с просветительскими идеями. На этой почве назревал раскол между обществом и самовластием царей.

II.3. От просвещенного абсолютизма к мистическому деспотизму

Просветительские идеи Екатерины были изначально унаследованы Александром. С этим были связаны надежды, которые возлагало на него общество. И тем не менее с именем Александра I связан блеск и нищета просвещенного самодержавия. Динамика его правления носит характер угасающей кривой, когда взлеты просветительски либеральных начинаний переходят к охранительно консервативному абсолютизму и завершаются мистическим деспотизмом. На то есть объективные основания и причины личностного характера.

Сын императора-деспота и любимый внук просвещенной бабки-императрицы, переписывавшейся с Вольтером; ученик радикального республиканца Лагарпа, знакомившего его с идеями Локка, Руссо, Мабли, Гиббона... и одновременно добросовестный выученик прусским плацпарадным маневрам Павла; основатель кружка молодых реформаторов, мечтавших о либеральных преобразованиях страны, передавший бразды правления страной верному сатрапу-деспоту Аракчееву и тем *предавший* идеалы молодости; вольнодумец и мистик; самодержец милостью Божией и актер на троне — *он вобрал в себя все противоречия уходящего века Просвещения*.

Придя к власти в результате молчаливого согласия на переворот, закончившийся убийством отца, Александр всю жизнь испытывал чувство вины за это невольное, или вольное(?), преступление. (Известно, что Александр в отрочестве в тайне от Екатерины, мечтавшей видеть внука императором в обход сыну, присягнул на верность Павлу, известно также, что чуть позже он участвовал в подготовке заговора.) Вместе с тем в связи с ожиданиями, которые связывала с ним просвещенная дворянская молодежь, после 5-летнего непредсказуемого деспотизма Павла Александр принял имидж *просвещенного монарха*, не чуждого либеральным идеям. Однако за этим образом скрывался неустойчивый характер, любовь к позированию. Отсюда зыбкость, двойственность Александра, готового играть красивую роль и страшась ее. Не случайно Пушкин называл его «властителем слабым и лукавым», Герцен — «коронованным Гамлетом», а Наполеон — «русским Тальма». Действительно, Александр никогда не был самим собой, а всегда тем, кем *хотели его видеть*. Ходило множество слухов, что он тяготится своим положением императора всероссийского, и надеется скоро, *совсем скоро*, покинуть престол и уйти в частную жизнь или монастырь. Но уж слишком многим он поведал эту интимную мечту, чтобы поверить в нее.

Александр вступил на престол в 1801 г. на 24-м году жизни. При своем вступлении на царствование, омраченном кровью отца, он заявил, что принял власть по повелению Божьему, дабы «Даровать России свободу и предохранить ее от посползновений, деспотизма и тирании — вот мое единственное желание».

В царствовании Александра можно выделить пять периодов, в ходе которых резко менялись его идеалы от либеральных мечтаний к мистическому деспотизму. В целом же развитие этой кривой шло по «понижательной» линии.

Первый этап — 1801—1805 гг., можно охарактеризовать как порыв молодого императора, воодушевляемого *ожиданиями* соратников и друзей, к либеральным преобразованиям в духе просветительских идей. Так в это время один за другим, без всякой связи следуют либеральные указы, направленные против деспотизма отца: объявлена политическая амнистия, охватившая 156 человек, в том числе Радищева, помилованы жертвы политических репрессий, в основном чиновники и армейские чины, многие из них возвращены к своим должностям; уничтожена тайная экспедиция — секретная пыточная полиция Павла; запрещены пытки во время следственного дознания; запрещено публично сечь служителей церкви кнутом; открыты университеты в Харькове, Казани, Педагогический институт в Петербур-

ге; разрешен свободный въезд и выезд за границу и ввоз из-за границы всяческой литературы; разрешено учреждение частных типографий; восстановлена жалованная грамота дворянству и городам. Этому сопутствовала религиозная терпимость, в том числе негласная легализация масонов, прекращение преследования раскольников и проч., и проч. Все это, естественно, не могло не вызвать восторга публики и преклонения перед императором, которому общественным мнением было присвоено имя «Благословенный». Царь, которого подданные почитали «Благословенным», в душе был человеконенавистником. Однажды в частной беседе он признался: «Я не верю никому, я верю лишь в то, что все люди мерзавцы», но, будучи актером по призванию, он умел прятать свое отношение к людям за обольстительной улыбкой.

С первых же шагов царствования нового императора вокруг него сплотился «Негласный комитет» молодых друзей царя из высших аристократических кругов, на заседаниях которого с участием царя велись просвещенные беседы, обсуждались самые смелые проекты социальных и политических реформ. Впрочем, подобные беседы отражали общий дух эпохи Просвещения и велись едва ли не во всех салонах Петербурга. Так или иначе, идея *конституционализма, законодательного ограничения самодержавной власти* и на этой основе политического устройства государства занимала определенное место в «сокровенных планах» Негласного комитета. Итогом этих многообещающих бдений стало преобразование государственного управления. В 1802 г. устаревшие коллегии были заменены министерствами, чуть позже принят новый регламент Сената. К подающим надежды результатам деятельности Негласного комитета следует отнести закон 1803 г. о *«вольных хлебопашцах»*. Этому предшествовал гуманный прецедент: С.П. Румянцев, отпустивший на волю из одного из своих имений крепостных с землей, потребовал узаконить эту акцию. Но закон лишь подтвердил право помещиков отпускать на волю крестьян с землей безвозмездно или за выкуп. Крестьяне при этом переходили в разряд вольных хлебопашцев и поступали под надзор государства. Однако этот закон носил приватный характер: в царствование Александра было заключено всего 160 сделок, преимущественно выкупных. Одновременно была проведена регламентация крепостнических отношений в прибалтийских губерниях. Что касается общего освобождения крестьян, то члены Негласного комитета посчитали, что к этому вопросу следует подойти со временем и очень осторожно с условием согласия помещиков.

Под эгидой Негласного комитета **М.М.Сперанским**, безродным политическим мыслителем, был написан весьма смелый для того времени трактат «Размышления о государственном устройстве империи» и передан одним из членов комитета для ознакомления царю. Критически оценивая политические уложения России как не соответствующие законам разума, автор высказывает достаточно смелое для того времени суждение: «Во всяком государстве, коего политическое положение определяется единым характером государя, закон никогда не будет иметь силы, народ будет все то, чем власть предержавшая быть ему повелит»¹⁵. Трактат имел предварительный характер и потому не требовал ответа, что устраивало Александра. Однако позже он жаловался друзьям, что слишком уж автор урезал прерогативы его — императора — власти.

Под давлением консервативных кругов, видевших в «Негласном комитете» «шайку якобинцев» и, главное, ввиду практической безысходности деятельность Негласного комитета скоро угасла сама собой. Остыл к своим начинаниям юности и сам Александр. Однако деятельность комитета, просвещенные разговоры его членов, становясь достоянием общественности, формировали общественное мнение, способствовали развитию вольнодумства.

Второй этап — 1805—1812 гг. — период военно-дипломатической деятельности Александра с Наполеоном и урегулирования дипломатических отношений с главами европейских держав. И хотя Александр и не считал себя великим стратегом, но мнил великим дипломатом, результатом его деятельности на этом поприще стал Тильзитский мир, вынужденный союз с Наполеоном и невыгодная России континентальная блокада против Англии, имевшая пагубные последствия для русской торговли и внутренней жизни страны¹⁶. Общество, разочарованное в Тильзитском мире, и особенно в континентальной блокаде, которая больно ударила по хозяйственной деятельности помещиков, возлагала вину за них на Александра, популярность которого быстро таяла. Это побудило императора вновь прибегнуть к испытанному средству — будированию реформаторских настроений и чаяний в обществе. Сам он уже мало верил в них, но тем охотнее раздавал поручения на разработку проектов реформ разным людям. Такое поручение наряду со Строгановым и Аракчеевым получил и Сперанский. (Кстати следует отметить, что проект Аракчеева не был лишен своих достоинств, в частности в нем предлагалось решение крестьянского вопроса через выкупную операцию посредством государства.) Но в отличие от других проект Сперанского «Введение к уложению государственных законов» отличался цельностью и в меру-

либеральным характером. По существу в нем развивалась идея конституционной, или опирающейся на закон — *правильной монархии*. В этой работе Сперанский впервые проводит различие между государством и гражданским обществом, между государственным и гражданским правом. Такое разграничение и предусматривает необходимость ограничения власти самодержца законом. «Если бы права гражданской власти были неограниченны, если бы силы государственные соединены были в державной власти в такой степени, что никаких прав не оставляли бы они подданным, тогда государство было бы в рабстве и правление было бы деспотическое». Задача, согласно Сперанскому, состоит в том, «чтобы правление, доселе самодержавное, поставить и учредить на неперменном законе»¹⁷.

Поскольку первым и основополагающим политическим принципом либерализма является разделение властей, постольку в его реализации Сперанский видел основной смысл своего «Уложения». При этом, учитывая общий настрой императора, Российская империя была представлена им как «государство нераздельное, монархическое, управляемое державной властью по законам государственным». Державная власть собирает в единое законодательную, судную и исполнительную власть и приводит их в действие. Так законодательная власть закрепляется за Государственной думой, высшую судную власть осуществляет Сенат, исполнительную власть отправляет Комитет министров. Их объединяет состоящий из высших государственных сановников, назначаемых самим монархом, Государственный совет, который является совещательным органом при императоре, духовно от его лица и по его поручению координирующим всю деятельность властей. Своеобразие проекта Сперанского состояло и в том, что органы власти законодательной представлены в нем, как строящиеся путем выборов *снизу—вверх*: от волостных, уездных, губернских и затем уже Государственной думы. Этим, считал он, обеспечивается участие народа в управительной деятельности государства.

Одобрив в целом проект, Александр начал реформирование власти с создания Государственного совета и образования Министерств. На этом его реформаторский порыв и завершился. К тому же против проекта Сперанского резко выступила консервативная часть общества. Главным его оппонентом стал первый историограф государства Российского Н.М.Карамзин, написавший по этому поводу адресованную императору Записку «О древней и новой России», в которой убеждал монарха, что кроме неограниченного единовластия никакой иной строй для России неприемлем. И хотя Александр принял Записку Карамзина холодно, его заигрывания с конституцией вскоре

прекратились. Всеобщее недовольство «поповичем» возрало, в частности, и в связи с продолжающимся расстройством финансов, в котором обвиняли Сперанского. Под давлением консерваторов Сперанский в марте 1812 г. был уволен со службы и выслан в Нижний Новгород, а затем в Пермь.

Третий этап — 1812–1815 гг. На этом этапе на плечи русского народа выпали безмерные тяготы Отечественной войны и одновременно триумф величайшей победы над Наполеоном, которую он одержал под водительством М.И. Кутузова. А лавры победы осенили *чело Александра как самодержца* («случайною пригретый славой»).

Действительно, предвидя тяжелый ход войны, император, переживший не одно поражение от французских войск, когда война шла на территории Европы, позволил уговорить себя не принимать участие в военных действиях, предоставив это генералам, чтобы тень неизбежных трудностей войны не омрачила его славы.

В июне 1812 г. заранее подготовленная Наполеоном 600-тысячная «великая армия», перейдя Неман, вступила в пределы России. Две русские армии, Баркляя де Толли и Багратиона, составляли около 200 тысяч человек и, конечно, должны были отступать перед колоссальными силами неприятеля. Нашествие неприятеля на Россию вызвало подъем патриотических чувств во всех слоях русского народа, а отступление наших войск вызвало всеобщее недовольство и ропот против главнокомандующего «немца» — Баркляя де Толли. Уступая общественному мнению, Александр назначил главнокомандующим войсками популярного, но не любимого им старого генерала М.И. Кутузова. Вопреки нетерпению Александра Кутузов не торопился давать французам сражения. Русская армия продолжала медленно с боями отступать, деморализуя французских мелкими стычками и фактически направляя их наступление в наиболее неблагоприятном для Наполеона направлении. В результате при продвижении вглубь России французская армия все более слабела, неся большие потери от военных действий партизан, и испытывала большие затруднения в снабжении провиантом и фуражом, так как русское население на пути продвижения французских войск уходило вместе со своей армией, оставляя неприятелю опустошенную землю.

Хотя избранная Кутузовым тактика оправдывала себя, но он понимал, что оставлять неприятелю Москву без решительного боя с нравственно-патриотической точки зрения было невозможно. Поэтому он счел вынужденным остановиться (в 130 верстах от Москвы возле Можайска), чтобы дать неприятелю генеральное сражение. Сражение это произошло 26 августа 1812 г. при с.Бородине и отличалось

необыкновенным упорством и кровопролитием, — обе стороны понесли огромные потери; русская армия удержала свои позиции и готовилась возобновить бой на другой день, но осторожный главнокомандующий дал приказ об отступлении. 2 сентября французы заняли Москву, заблаговременно оставленную русскими войсками и почти всеми жителями. Наполеон, возомнивший себя победителем, обратился к Александру с предложением мира, но не получил никакого ответа.

Между тем в Москве начались пожары, охватившие весь город и способствовавшие окончательной деморализации и дезорганизации французской армии. 7 октября Наполеон дал приказ об отступлении и покинул Москву (практически бежал), бросив армию на произвол судьбы. Под ударами русской армии окруженная казаками и партизанами французская армия таяла в поспешном отступлении, которое к началу ноября превратилось уже в беспорядочное бегство. К концу года почти вся «великая армия» погибла; лишь жалкие остатки ее перешли границу на р. Березина, т.е. вышла за пределы России. Царский манифест от 25 декабря 1812 г. объявил о полной ликвидации неприятельского нашествия, при отражении которого «Войско, Дворянство, Духовенство, купечество, народ, словом, все государственные чины и состояния, не щадя ни имуществ своих, ни жизни, составили единую душу, душу вместе мужественную и благочестивую, толико же пылающею любовью к Отечеству, колико любовью к Богу»¹⁸.

По изгнании противника с Русской земли Кутузов считал, что Отечественная война закончена и не дело русской армии, уставшей в боях, участвовать в европейских распрях, при том, что они будут использованы во вред России. Практически так оно и было, именно в европейских баталиях и дипломатических альянсах формировалась антирусская коалиция, завершившаяся крымской кампанией. А между тем по выходе армии на Эльбу Александр, почти публично выражая сомнение в способностях Кутузова, сам возглавил армию и таким образом стяжал себе славу победителя, тем более что в апреле 1813 г. Кутузов умер, и славу делить было не с кем.

Четвертый этап (1812—1818) можно обозначить как решающее участие Александра в восстановлении дореволюционной монархической Европы и его роли в организации «Священного союза».

После уничтожения «великой армии» Александр *возложил на себя миссию освобождения Европы* от ига Наполеона и двинул свои войска в Германию. Пруссия, а потом и Австрия примкнули к нему и начали общими силами (в союзе с Англией) борьбу против Наполеона. В октябре 1813 г. в трехдневной «битве народов» под Лейпцигом союзни-

ки одержали решительную победу над Наполеоном, а 1 января 1814 г. русские войска во главе с Александром перешли французскую границу. И уже в марте 1814 г. союзные, в том числе русские, войска вступили в Париж. 6 апреля Наполеон отрекся от престола и был сослан на остров Эльбу, в утешение ему был оставлен титул императора. Говорят, что такую «милость» поверженному Наполеону союзники оказали по инициативе Александра, который вообще стремился «потрясти» Европу своими милостями.

Теперь, когда основной враг был низвергнут, Александр купался в славе как главный спаситель Европы от «революционного чудовища». В ореоле славы он позволил себе забыть о раненых и просто неустрашенных русских солдатах, бедствовавших в Париже. Перед лицом Европы он позволил себе забыть и о годовщине Бородинской битвы. Здесь в салонах Парижа судьба свела его с баронессой Крюденер, которая сыграла большую роль в мистическом закодировании Александра. В беседах с ней он почувствовал себя воплощением Божественного откровения.

В сентябре 1814 г. собрался «Венский конгресс» глав государств-победителей для обсуждения и устройства европейских дел после ликвидации наполеоновских завоеваний. Однако в 1815 г., когда заседания конгресса еще продолжались, Наполеон вдруг снова появился во Франции, и армия перешла на его сторону. Союзникам вновь пришлось открыть военные действия. Наполеон был разбит англичанами и пруссаками при Ватерлоо и сослан на остров св. Елены, где он и умер в 1821 г.

Собравшиеся в Вене монархи заново кроили и перекраивали политическую карту Европы. Александр чувствовал себя здесь спасителем Европы. Свое признание он получил как создатель и главный идеолог *Священного союза*, актом заключения которого 14-го сентября 1815 г. завершился Венский конгресс. По замыслу мистически настроенного Александра «Священный союз» должен был вносить в международные отношения «начала мира и правды, взаимной помощи, братства и христианской любви». Именно на этом поприще Александр почувствовал себя боговдохновенным творцом мира. Однако за его спиной, а часто и его руками, действовал прагматичный Меттерних. В результате Союз скоро превратился в оплот европейской реакции, стремившейся к сохранению абсолютизма и подавлению освободительного движения народов. В течение 1818–1822 гг. «Священный союз» не раз принимал решения о вооруженной поддержке легитимных (монархических) правительств против народных восстаний. В беседе с прусским королем Фридрихом Вильгельмом в 1818 г. Александр

жаловался: «Я перестал заблуждаться насчет благодарности и преданности людей и потому обратил все мои помышления к Богу»¹⁹. Однако и сам он на практике разделял ту же политику. Так в 1821 г., когда вспыхнуло восстание в Греции против турецкого владычества и все русское общество ожидало, что Александр окажет поддержку единоверным грекам, он встал на точку зрения монархического легитимизма, признав греческое восстание революцией против законного монарха (турецкого султана!), отказал грекам в помощи. Страх перед революцией и тайными обществами возобладал в Александре. «Я покидаю дело Греции, — заявил Александр на конгрессе, — потому что усмотрел в войне Греков революционные признаки времени». Так Александр предпочел борьбу с национально-патриотическим выступлением греков за свою независимость, чем оказал неоценимую услугу Турции. В результате Россия навсегда рассталась с национальной идеей овладения средиземноморскими проливами и Константинополем. Это решение обескуражило общественное мнение России и окончательно лишило Александра его ореола «благословенного». В то же время, исходя из династически-политических соображений, Александр счел за благо «даровать» конституцию присоединенной к России Польше. В речи на польском Сейме в марте 1818 г. он говорил о культурном превосходстве Польши перед Россией, что и позволило ему немедленно после освобождения страны «даровать» ей конституцию, «благодетельное влияние которой», он надеялся, «с помощью Божией» распространить и на Россию, «как только начала столь важного дела достигнут (в ней) надлежащей зрелости»²⁰. Однако по возвращении в свое «любезное Отечество» он забыл о своих намерениях. О конституции здесь теперь говорили только в тайных обществах.

Пятый этап (1821—1825) — мистический деспотизм последних дней Александра.

Александр, занятый организацией дел «Священного союза», поручил управление в стране своему другу Аракчееву, «верному псу самодержавия». Император понимал, что он не может рассчитывать на армию, которая из Отечественной войны и заграничных походов вынесла иные, чем он, настроения и идеи, главной из которых была идея конституционного преобразования России, о чем когда-то Александр позволял себе говорить и с чем он окончательно порвал. Повидимому, до него доходили слухи о тайных обществах в армии, позже это были открытые донесения, бороться с «заговорщиками» он не мог, не нарушая идеалов воинского братства.

Возможно, отсюда родилась его идея военных поселений, огражденных от дурного влияния извне. Реализовать эту идею он и поручил безгранично преданному Аракчееву. И хотя последний весьма

критически отнесся к идее своего хозяина, напомнив ему, что по существу это возрождение стрельцов, с которыми в свое время боролся Петр, в назидание критикам, в том числе Аракчееву, Александр заявил: «Военные поселения будут, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чугуева»²¹. Александр оказался неумолимым, и верный слуга Аракчеев реализовал идею своего хозяина. Военные поселения оказались подстать «потемкинским деревням», только бесчеловечными по своему содержанию. На поверхности в них все было по регламенту, составленному самим Александром, а внутри царил беспредел ненависти и доноительства.

Фанатично-мистический настрой императора получил свое выражение и в сфере народного просвещения. В 1817 г. Министерство народного просвещения было слито с духовным ведомством, в результате образовалось Министерство духовных дел и народного просвещения, в задачу которого входило насыщение всех изучаемых дисциплин идеей божественного откровения. В соответствии с этой установкой из программ университетов были исключены такие дисциплины, как геология, так как она противоречит постулатам Священного писания, и уж, конечно, философия как дисциплина, подрывающая своим скептицизмом религиозное воспитание юношества. В соответствии с этой программой губернатор Симбирска и попечитель Казанского округа учинил полный разгром системы образования Казанского университета, предлагая вообще закрыть его. Император милостиво повелел ему «исправить» систему преподавания в соответствии с идеалами «Священного союза». Аналогичную «чистку» провел в Петербургском университете его попечитель Рунич.

Летом 1822 г. произошло событие, окончательно изменившее внутренний мир царя и соответственно его практические дела. Он встретился с монахом Фотием — фанатичным радетелем «истинной веры». Через некоторое время монах стал настоятелем Юрьевского монастыря Новгородской губернии. Под его влиянием царь окончательно отказался от своих прежних либеральных взглядов: он отдал распоряжение прекратить существование тайных организаций в России, в том числе и масонских.

Александр много путешествовал по стране, считая, что тем самым он познает ее. Последней его поездкой стал Таганрог, где он заболел и умер. Он, конечно, знал о тайных обществах, как не забывал и о своей причастности к убийству отца. Может быть, поэтому неопределенность его характера к концу жизни возросла. Однако последнее распоряжение в своей жизни он отдал об аресте всех выявленных членов тайных организаций²².

Подававший в начале царствования блестящие надежды, он умер, так и не оправдав ни одной из них. По определению французского академика Анри Труайя «При вступлении на престол он был окружен благоговейным обожанием подданных, но не оправдал ничьих надежд, не проведя в жизнь ни одной из обещанных стране либеральных реформ. Новый прилив народной любви окружил его после победы над Наполеоном, но, вернувшись в Россию из заграничных походов, он снова предал доверие нации, превратившись в самодержавного властелина. Якобы просвещенный Господом, он стал вдохновителем репрессий как в России, так и в Европе. То и дело взывая к христианскому милосердию, он создал в Европе Священный союз, а в России каторгу военных поселений»²³.

«Блистательный век Александра» завершился по его смерти восстанием декабристов, которые стремились реализовать на деле различные модели либерального благоустройства Российской Империи от конституционной монархии до парламентской республики, о которых в свое время любил порассуждать в «Негласном комитете» и Александр.

II.4. Абсолютное самодержавие как тип власти

Николай I — третий сын Павла — пришел к власти после неразберихи в престолонаследии, вызвавшей недоумение общества, но, главное, под угрозой переворота и «ценой крови своих подданных». Но шляхетские перевороты в истории царствования Романовых случались и ранее. Иногда они удавались — и тогда к власти приходил угодный шляхетству император или императрица, другой раз не удавались, и участники заговора были справедливо наказаны. На этот раз Николай понимал: произошло что-то другое, более основательное. Во-первых, в заговоре участвовал почти весь цвет дворянских офицеров, вчерашних героев Отечественной войны. Во-вторых, заговор был направлен не «за» или «против» какого-то претендента на престол, а на перестройку общественного строя, основными пунктами которой выступал крестьянский и конституционный вопрос. И, в-третьих, в этом процессе Николай вынужден был действовать и как главный обвинитель, и как судья, и как палач, чего ему никогда не могло простить общество. Изображая доброго палача он собственной рукой заменил средневековую казнь пяти смертникам путем четвертования повешением, и это несмотря на то, что смертная казнь была отменена еще императрицей Елизаветой.

В отличие от своего старшего брата — Александра «Благословенного», которому все само, казалось, плыло в руки, Николаю пришлось строить сценарий своего царствования самому — с начала до конца. Участвуя в допросах декабристов, он требовал, чтобы документы допросов ему регулярно представлялись для дополнительного изучения²⁴. Аналогичным образом позже он поручил написать находящемуся в крепости М. Бакунину «Исповедь» и досконально с назидательными пометками на полях изучал ее. Так через изучение отрицательного опыта Николай понял, что перемены в обществе необходимы²⁵. При этом перед ним естественно возникал вопрос, кто станет опорой самодержавия в этом трудном деле, если сословие, достигшее исключительных сословных льгот и считавшееся опорой трона, теперь само проявило стремление к достижению политических прав и руководству обществом. И царь понял, что опираться он может исключительно на свои собственные силы, как *абсолютно самовластного монарха*, и на всецело подчиненную ему *бюрократию*.

Это — новый тип власти и строить его предстояло ему — Николаю I. Этим определяется иная кривая в деятельности Николая по сравнению с Александром. В ней можно выделить **четыре фазы** развития: **1)** шок, едва ли не обвал власти в декабре 1825 года; **2)** медленный и упорный подъем до общественного признания *абсолютно самодержавной* власти императора; **3)** ужесточение реакционности системы вследствие революционных волнений в Европе и польского восстания; **4)** тотальный кризис всей системы в Крымской войне, сопровождаемый ростом общественного самосознания.

Но на первых порах переход из бездны заговора к стабильности самодержавия ему в определенном смысле удался. Он начал с ликвидации просчетов александровского царства: отменил военные поселения, вернул из ссылки М.М. Сперанского и приспособил его к делу. Неконтролируемого, как всякий поэт, А.С. Пушкина он вызволил из забвения, и настроил его музу «на службу Отечеству», заявив, что будет личным его цензором. Он использовал также многих видных деятелей александровской эпохи на службе новому режиму (П.Д. Киселев, В.П. Кочубей, М.М. Сперанский, Е.Ф. Канкрин и др.). Однако Николай понимал, что эти люди — ненадежное украшение престола, но не его опора. И их необходимо постоянно держать в поле зрения. В качестве надежной опоры власти должно стать САМОДЕРЖАВИЕ, опирающееся не на расположение везомнившего о себе дворянства, а на безлично бюрократический аппарат. Определенной управительственной программы, ввиду полной, им самим признанной неподготовленности к правлению, у него не было. Выработать нечто вроде программы ему помогли идеи Н.М. Карамзина.

Карамзин был убежденным сторонником самодержавия и в обосновании его необходимости для России исходил из утверждения Екатерины II о невозможности при всяком другом образе правления сохранить единство русского государства ввиду его обширности и многословности его подданных. В то же время на роль самодержавного монарха он смотрел *как на служение* Отечеству. Соответственно роль подданного в самодержавном государстве рисовалась Карамзину не в виде бессловесного рабства, а как роль гражданина, обязанного безусловно повиноваться монарху, но долженствующего свободно и искренно заявлять ему свои взгляды²⁶. Эта утопическая по существу теория Карамзина давала широкий простор самовластию, к которому Николай склонен был по своей природе.

Наставления Карамзина не пропали даром. По окончании следствия и суда над декабристами Николай издал 13 июля 1826 г. Манифест, в котором, после подробного перечня «возмездия преступникам» вплоть до *четвертования*, содержится призыв ко «всем состояниям» соединиться «в доверии к правительству», на основе «любви к Монарху преданности к Престолу», которые являются «природными свойствами народа». И далее в назидание тому же народу указывалось, что «не от дерзостных мечтаний всегда разрушительных, но свыше усвершаются постепенно отечественные установления, дополняются недостатки, исправляются злоупотребления. В сем порядке постепенного усовершенствования всякое скромное желание к лучшему, всякая мысль к утверждению силы законов, к расширению истинного просвещения и промышленности, достигая к нам путем законным, для всех отверстым, всегда будут приняты Нами с благоволением»²⁷.

В связи с вышеизложенным недоумение вызывает снисходительная оценка, данная Николаю I маститым ученым М.О.Гершензоном. «Николай не был тем тупым и бездушным деспотом, каким его обыкновенно изображают, — пишет он. — Отличительной чертой его характера, от природы вовсе не дурного, была непоколебимая верность раз усвоенным им принципам, крайнее доктринерство, мешавшее ему видеть вещи в их подлинном виде»²⁸. В этой «верности принципам» не малая доля иезуитства, проявившаяся в допросе и приговоре декабристов, в недостойной «игре» с Бакуниным. Наконец, сошлемся на один документ, приведенный самим автором в своей книге. Один из пограничных чинов доложил императору, что при попытке пересхода границы через р. Прут пойманы два еврея, и, желая выслужиться перед ним, он добавил, что за такой проступок их следует расстрелять. На что «преданный принципам император», привыкший выступать в роли судьи, вынес свой вердикт: «Виновных прогнать сквозь

тысячу человек 12 раз. Слава Богу, смертной казни у нас не бывало и не мне ее вводить»²⁹. И это сказано после 5 виселиц декабристов, которыми он «милостиво» заменил четвертование.

И все же реализовать свой утопический идеал Николаю в каком-то смысле удалось. *Апогей самодержавия* — так охарактеризовал царствования Николая I либеральный историк А.Е.Пресняков³⁰. Идеалом и прообразом Николая в качестве *самодержца* был Петр Великий. Николай только упускал из вида, что времена стали другими, и масштаб личности был не тот. А если говорить о той модели, которую реально он придал самодержавию за время своего царствования, то наиболее точно ее сумел выразить случайный гость Петербурга маркиз де-Кюстин: «Русский государственный строй это — строгая военная дисциплина, вместо гражданского управления — это перманентное военное положение, ставшее нормальным состоянием государства»³¹, «военно-бюрократическая машина», подытожит он свои наблюдения. Аналогичную характеристику дает Николаю и Пресняков: всякая самостоятельность мысли и деятельности представлялась ему недопустимым «вездельствием и противоречием», и вся надежда была на строгую исполнительность и беспрекословное поведение»³².

Действительно, по аналогу военной службы была построена вся система управления от волостной канцелярии до Государственного совета. Военизация государственного аппарата распространилась и на административное управление. Во главе большинства губерний были назначены военные генерал-губернаторы со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями. Николаю казалось, что бюрократический аппарат, построенный по военному образцу, сможет держать под контролем всю жизнь общества и по мере необходимости регулировать ее. Но хорошо известно, что машина может долго работать и на холостом ходу.

Как истинный самодержец Николай стремился не только во все вникать сам, но ни на минуту не выпускать руководства страной из своих рук. В этих целях при императоре была учреждена Собственная Его Императорского величества канцелярия — своеобразная «*вертикаль власти*». В I Отделение ее стекались все производимые в кабинетах государства дела, попадая под бдительное око самого императора. Однако в России продолжал действовать созданный еще в 1649 г. Свод законов. И чиновники вынуждены были пользоваться указами, которые подшивались без всякой системы, один вслед за другим в толстые книги. Склонный к порядку, Николай поручил упорядочение старого Свода и кодификацию новых законов возвращенному из ссылки М.М.Сперанскому. В этих целях было создано

II Отделение Собственной Его Императорского величества канцелярии. Самым значительным деянием этого института власти стало издание Полного Свода Законов Государства Российского с 1649 по 3 декабря 1825 г. включительно, что составило 45 томов. Новый Свод законов государства Российского, составленного просвещенным либералом, открывался статьей, утверждающей незыблемость самодержавия: «*Император Российский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться его верховной власти не только за страх, но и за совесть, сам Бог повелевает*». Так и только так могло быть определено самодержавие, хотя практически это определение оставалось пустым, что прекрасно понимал Сперанский.

Одновременно с работой над кодификацией законов, которые должны были послужить надежной опорой самодержавия, в ход был запущен другой, более действенный механизм управления — тайный сыск, идея которого принадлежала А.Х. Бенкендорфу. В секретной записке Николаю о реформе полиции он писал, что ее приемы широко используются в обыденной практике. Речь идет о перлюстрации служебной и частной переписки, что позволяло держать власть в курсе всех происходящих событий. К этому может быть присовокуплено и доносительство, специально по службе или добровольное за небольшую мзду или покровительство. Эта записка положила начало III Отделению Собственной Его Императорского величества канцелярии с включенным в него корпусом жандармов, т.е. политической полиции, в ведение которой перешли все политические и наиболее крупные уголовные дела. Бенкендорф, как автор проекта, стал главой III Отделения и корпуса жандармерии — политической полиции. По свидетельству современников, никогда еще притязательная самонадеянность этой власти не поднималась в России так высоко, как в николаевское время. Она стремится поглотить и воплотить в себе всю общественность. Дополняло III Отделение Канцелярии IV Отделение, ведавшее чрезвычайными ситуациями. Через этот мощный бюрократический механизм власть самодержца действовала *помимо нормальной системы правительственных учреждений*, что создавало систему взаимной слежки и доносительства. Таким образом, в стране образовался худший вид двоевластия, когда одна власть могла списывать на другую все свои недочеты и провалы.

Николай прекрасно понимал, что основным из нерешенных вопросов, доставшихся ему в наследство, остается *крестьянский вопрос*, являющийся сердцевиной общего вопроса о *состоянии всех сословий*; но крестьянский вопрос нельзя было решить, не затрагивая интересов помещиков. Для обсуждения этой проблемы начиная с 1826 г.,

возникают один за другим 9 Секретных комитетов с участием в них именитых сановников. Мозговым центром этих комитетов был П.Д.Киселев, который довольно успешно провел реформу государственных крестьян. Однако решение этой задачи облегчалось тем, что государственные крестьяне были лично свободными, и реформа лишь предусматривала изменение управления ими. Реформирование же положения помещичьих крестьян при любом исходе не могло не затронуть интересов «*основного сословия*» империи, «*опоры трона*» — помещиков. Для решения этой, в принципе неразрешимой, задачи и было создано V Отделение собственной Его Императорского величества канцелярии, во главе с Киселевым. Однако работа по этой программе была ограничена принципом *неприкосновенности помещичьей земельной собственности*. Все попытки Киселева обойти или как-то нейтрализовать этот запрет встречали обструкцию со стороны членов комитета — крупных земельных магнатов. Признав, что крепостное право есть очевидное зло, Николай выразил *волю помещиков*, заявив, что прикасаться к нему в настоящее время было бы делом гибельным. Цитированный выше де-Кюстин заметил по этому поводу, что самодержавие Николая имеет свои пределы. Он становится в тупик перед сопротивлением объединенных помещиков.

Волна революционного движения, прокатившаяся в 30-х годах по Европе, впрямую задела Россию: 17 ноября 1830 г. вспыхнуло восстание в Варшаве, разросшееся в длительную 9-месячную войну, окончить которую удалось с помощью привлечения вооруженных сил и откровенных репрессий (отмена конституции, ссылка в Сибирь, куда до того были сосланы декабристы). Это соответствовало **третьему репрессивному этапу** николаевской политики.

Европейская революция и польское восстание вызвало брожение умов молодежи. Это потребовало создания соответствующей новым обстоятельствам *идеологии*, которая бы укрепила моральный дух *русской нации*. Автором новой идеологии принято считать товарища министра народного просвещения С.С.Уварова. В докладной записке на имя императора он сумел кратко сформулировать новую идеологию. Настаивая на необходимости сочетания образования и воспитания в целях формирования полезных и верноподданных слуг царя и Отечества, Уваров подчеркивал, что в этих целях необходимо «постепенно завладевши умами юношества, привести оное почти нечувствительно к той точке, где слиться должны, к разрешению одной из труднейших задач времени, образование правильное, основательное, необходимое в нашем веке, с глубоким убеждением и теплой верой в истинно русские охранительные начала *Православия, Самодержавия,*

Народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего Отечества»³³. При этом под православием имелась в виду не «внутренняя правда» самостоятельной русской церкви, о которой мечтали славянофилы, а сама православная церковь как незыблемый оплот самодержавия. Под народностью понимался идеализированный народ, в духе оперного Ивана Сусанина, готового положить жизнь за царя. Идея же самодержавия была облечена в белые патриархальные одежды. Такая формулировка и приобрела статус *идеологии официальной народности*, получив мощную поддержку в официальной прессе.

Николай по достоинству оценил рвение своего верноподданного слуги, продвинув его по службе с заместителей в министры. Вдохновленный этим Уваров к десятилетию своего управления приписал себе едва ли не спасение России от общественной бури, потрясшей Европу. В новой Записке царю он снова повторяет и разъясняет свои педагогические принципы: «Надлежало укрепить отечество на твердых основаниях, на коих зиждется благоденствие, сила и жизнь народные; найти начала, составляющие отличительный характер России и ей исключительно принадлежащие. (...) Без любви же вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть... Самодержавие составляет главное условие политического существования России... Наряду с сими двумя национальными началами находится и третье, не менее сильное, народность»³⁴. Уваров публично высказывался, что главной задачей своего управления Министерством он ставит: сдерживать наплыв новых идей в Россию с тем, чтобы продлить ее юность, и что если ему удастся задержать ее развитие лет на 50, то он умрет спокойно³⁵. С.М.Соловьев иронизировал по этому поводу, утверждая, что Уваров придумал свою триединую формулу: *православие* — будучи безбожником, *самодержавие* — будучи либералом, *народность* — не прочитав за всю свою жизнь ни одной русской книги и писавший исключительно либо по-французски, либо по-немецки³⁶. Как позже отметит П.Н.Милюков, при Николае абсолютизм окончательно перестал быть «просвещенным»³⁷. Именно с царствования Николая *Россию начинают противопоставлять Европе*.

События 1848 г. повлекли за собой изменение в еще более реакционную сторону внутренней политики Николая. Он отказался от всяких преобразований в области крестьянского вопроса и недоверие его к просвещению достигло своего апогея. Когда получены были известия о Февральской революции во Франции, Николай тотчас же попытался создать коалиционный оплот против распространения революционного движения; но прежде, чем его предложения дошли до

Берлина и Вены, там также произошли революционные взрывы. 14 марта 1848 г. Николай издал манифест, полный угроз по отношению к революционерам. А через неделю после манифеста принимая дворян Петербургской губернии, он приглашал их забыть все неприятности, «подать между собой руку дружбы, как братья, как дети родного края, так, чтобы последняя рука дошла до него», и обещал им, что под его главенством никакая сила земная их не потревожит. Здесь он уже не выглядел твердым ортодоксом, но беспомощным самодержцем, ищущим традиционной поддержки у дворянства.

Однако в реакционное царствование Николая I обозначился социальный парадокс, отмеченный Герценом: «времени наружного рабства» сопутствовало время «внутреннего освобождения». Действительно, усиление реакционного режима отнюдь не вело к умиротворению или духовному обнищанию общества. Напротив, в нем порождался разброс общественного мнения, в котором любое идейное направление оказывалось востребованным. Правительство лишь успевало «отсекать» наиболее крайние. Начались попытки прокладывания новых путей независимой мысли при помощи таких новых журналов, как «Московский Вестник», основанный в 1826 г. кружком московских молодых шеллингианцев, «Московский Телеграф» Полевого, основанный при участии князя П.А.Вяземского, «Телескоп» Н.И.Надеждина, «Современник» А.С.Пушкина, а также альманахов, издававшихся Дельвигом, Максимовичем и др. Одни из них закрывались по цензурным соображениям, но тут же на их месте возникали новые, часто те же, но под другим названием. Не будем забывать, что николаевская эпоха стала золотым веком русской культуры. Кульминацией этой нарождающейся свободной мысли стало «Философическое письмо» П. Чаадаева, которое, по словам Герцена, произвело впечатление «выстрела раздавшегося в темной ночи».

Отсюда напрашивается важный теоретический вывод в духе П. Сорокина: *политической и идеологической реакции, упадку социально-исторического развития, после периода некоторого замешательства, противостоит подъем идейного свободомыслия, которое становится оплотом независимой культуры и прологом к следующему, более прогрессивному витку истории.*

В новое время, проходившее под знаком революции 1848 г., инстинкт самосохранения побудил Николая встать в ряды европейской контрреволюции, возложив на себя функцию международного жандарма. 14 марта 1848 г. он опубликовал Манифест, в котором призывал всех русских защищать «неприкосновенность пределов империи», к борьбе «за Веру, Царя и Отечество» и к победе, которая даст право

воскликнуть: «с нами Бог, разумеете народы и покоряйтесь, яко с нами Бог». Этот изобретенный им призыв он любил повторять по любому поводу. Но Крымская война показала, что «Бог не с нами». Перед смертью это понял и Николай. Он умирал с сознанием, что оставляет сыну тяжелое наследство, что тридцать лет его деятельности во имя долга самодержавия и величия России обернулись крахом.

Примечания

- 1 См.: *Котошихин Г.О.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1913. С. 19.
- 2 *Сыромятников Б.И.* «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. Ч. 1. М.—Л., 1943. С. 152.
- 3 *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Первого. М., 1986. С. 428.
- 4 *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Т. 4. С. 25.
- 5 См.: *Водарский Е.Я.* Петр I // *Вопр. истории.* 1993. № 6. С. 69.
- 6 *Пекарский П.П.* Введение в историю просвещения в России. СПб., 1862. С. 4.
- 7 *Тойнби А.Дж.* Постигание истории. М., 1991. С. 564.
- 8 ПСЗРИ (1649 г.) Собр. I. Т. 5 (1713–1719). С. 1830.
- 9 *Ключевский В.О.* Цит. соч. С. 203.
- 10 Там же. С. 206.
- 11 См.: *Чичерин Б.Н.* Собственность и государство. М., 1882. С. 23.
- 12 Екатерина. Наказ. В издании Чечулина. СПб., 1907. В скобках указаны номера статей «Наказа».
- 13 См.: *Бердяев Н.А.* Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 66.
- 14 *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву // *Радищев А.Н.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 227, 378.
- 15 *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М.—Л., 1961. С. 56.
- 16 *Тарле Е.* Континентальная блокада. СПб., 1913.
- 17 *Сперанский М.М.* Проекты и записки. С. 147, 154, 222.
- 18 ПСЗРИ с 1649. Собр. I. Т. 32. (1812–1814). С. 486–487.
- 19 Цит по: *Сахаров А.Н.* Александр I. М., 1998. С. 252.
- 20 Цит по: *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 117–118.
- 21 *Кизеветтер А.А.* Император Александр I и Аракчеев // *Кизеветтер А.А.* Исторические очерки. М., 1912. С. 301.
- 22 Александр I // История России в портретах: В 2 т. Сайт Интернета: <http://www.peoples.ru>.
- 23 *Труайя А.* Александр I Северный сфинкс // *Жэксмо.* 2003. С. 465.
- 24 См.: *Экитут С.А.* В поисках исторической альтернативы. М., 1994.
- 25 См.: *Гершензон М.О.* Николай I. М., 2001.
- 26 *Кутиков В.* Сайт — <http://www.museum.ru> (1812) Persons/romanov/nik pav.html
- 27 ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 11 (1825–26). С. 753–774.
- 28 *Гершензон М.О.* Цит. соч. С. 5–6.
- 29 Там же. С. 80.

- ³⁰ *Пресняков А.Е.* Апогей самодержавия. Николай I. Л., 1925.
- ³¹ *Маркиз де-Кюстин.* Николаевская Россия. М., 1990. С. 53.
- ³² *Пресняков А.Е.* Цит. соч. С. 43.
- ³³ Цит. по: *Барсуков Н.* Жизнь и труды Н.П.Погодина. Кн. 4. СПб., 1891. С. 82–83.
- ³⁴ *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 2, ч. 2. М., 1994. С. 300.
- ³⁵ См.: *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 176.
- ³⁶ *Соловьев С.М.* Мои записки // *Соловьев С.М.* Соч.: В 18 кн. Кн. 18. М., 1995. С. 571, 572.
- ³⁷ *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 2, ч. 2. С. 30.

ГЛАВА III.

КРИТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ОППОЗИЦИЯ КАК ПРЕДВЕСТНИЦЫ РЕФОРМ

III.1. Формирование гражданской оппозиции: от интеллектуализма к критической рефлексии

До начала XIX века образованная часть российского общества, его духовная элита, шла вместе с властью, составляла окружение двора. Именно ее представители занимали крупные государственные посты: В.Н.Татищев, М.М.Щербатов, С.Е.Десницкий, Д.А.Голицын, Г.Р.Державин — все они были чиновниками на службе у самодержавия. Оппозиции фактически не было, если таковой не считать дворцовые заговоры, но последние осуществлялись теми, кто сам хотел стать властью.

Даже воцарение Александра I вполне подходит под эту схему, и вряд ли можно его самого и его окружение, мотивировавшее свержение сумасшедшего венценосца интересами Отечества и желанием дать России конституционные свободы, считать гражданской оппозицией. — Для этого заговорщикам не хватало должного самосознания в качестве таковой, соответственно гражданской ответственности за содеянное, и необходимого уровня критической рефлексии. М.М.Сперанский тоже не был в этом отношении оппозиционером: предлагая свои «Размышления о государственном устройстве империи» и более поздние проекты реформ, он наивно полагал, что выполняет «социальный заказ». Иными словами, духовная элита не видела себя вне служения существующей власти, даже когда замышляла ее трансформацию по «европейским образцам», сама же власть в своих действиях вполне могла опираться на образованную часть общества, позволяя ей иногда впадать в иллюзии относительно своих намерений, дабы сохранить этот союз.

Отдельно стоит фигура Н.А.Радищева, с которого, можно сказать, обозначился распад этого союза. С «Путешествием из Петербурга в Москву» (1790) связано начало не просто критики существующей

власти, а неприятие ее как главной причины бедственного, бесправного положения основной части населения, защита свободы человека как «бесценного дара», гарантом которой является Закон. Начиная с Радищева в общественной мысли утвердился традиция, основанная на убеждении, «что возможно всякому быть соучастником в благоденствии себе подобных». Но оппозиция не может существовать в одном лице, а Радишев в своем протесте был одинок — во всяком случае в то время, о котором идет речь.

После войны 1812 года мотив покаяния и протеста становится постоянным элементом мироощущения духовной элиты, которая в подавляющей части являлась уже не правящей. Кончался короткий период в российской истории, когда духовная жизнь общества и власть находились хоть и более в воображаемом, чем реальном, но все-таки единстве. Последнее начинает уступать место очевидному расколу, свидетельствующему о нарушении, по терминологии А.С.Ахиезера, «социокультурного закона соответствия» общественных структур их исторически выработанному культурному основанию. Декабрьское восстание 1825 года стало кульминацией этого раскола. Совсем еще недавно не отделявшая себя от самодержавия образованная часть общества показала готовность следовать собственным принципам в качестве способной на революционные действия оппозиции.

Цели восстания, даже определенные «вчерне», подтверждают это: низложение самодержавия, созыв Учредительного собрания, введение гражданских свобод, освобождение крестьян, облегчение солдатской службы¹. Слова П.Каховского «народ, для которого мы восстали» могут расцениваться, как «знаковые» в гражданском развитии духовной элиты российского общества, — и совсем неважно, что в ее конфликте с самодержавием народ был на стороне царя, а сам Каховский был одержим идеей царубийства. Важно, что в лице декабристов в России сформировалась оппозиция, предложившая свой проект преобразования государственного устройства, основанный на критическом осмыслении европейской и собственной истории (Французской революции и Отечественной войны 1812 года), закончившая с упованиями на «просвещенного монарха», несущая в полной мере гражданскую ответственность за собственные действия («погибнуть, чтобы указать путь будущим поколениям»), способная на выбор исторической альтернативы — застою и реакции было предпочтено движение страны по умеренному варианту европейского пути развития.

Поражение декабристов стало огромной национальной трагедией. И дело не только в том, что были «раздавлены» лучшие интеллектуальные и нравственные силы нации, но и в том, что было покончено с реальной оппозицией, а значит, пусть и с малой, возможностью реформ. «Восстание декабристов подвело черту под короткой, но чрезвычайно важной эпохой в истории освободительной борьбы в России — эпохой, когда было еще возможно более или менее синхронно с другими европейскими революциями несколько ускорить буржуазные преобразования в громадной европейской стране»². Этого не произошло, на наш взгляд, не потому, что оппозиция была слаба, что у нее не было реальных сил (хотя, конечно, и этот фактор имел значение), а потому, что интеллектуально (да и нравственно) она к этому была недостаточно готова: критическая рефлексия — необходимый элемент реформаторства — не достигла необходимого уровня. Результатом стал тот факт, как пишут Е.Г.Плимак и И.К.Пантин, что «царизм, задушивший общественное преобразование в 1825 году, через три с небольшим десятилетия уже вынужден будет *сам* встать во главе освободительного процесса». Правда, «выполнил он свою миссию плохо: 1861 год породил и год 1905 и год 1917»³.

Разгром декабрьского восстания вошел «черной страницей» в историю российского самодержавия. Николай I, вступив на престол, поклялся, что пока он жив революция не проникнет в Россию. С его воцарением стало очевидно, что не только революции, но и существенным переменам еще долго не быть. Как отмечалось выше (см. гл. II), уже его первое обращение к народу от 12 мая 1826 г. не оставляло на этот счет никаких сомнений: «Должно повиноваться, а рассуждения свои держать про себя». Собственно, и «про себя» рассуждать не рекомендовалось. Власть воспрещалось не только бранить, но и хвалить. И как апофеоз утверждения самодержавия — заявление: «деспотизм составляет сущность моего правления, но он согласен с гением нации». Начинался этап политической реакции. Подавлялись даже малые проявления своеволия, свободомыслия, опасными признавались все, кто пытался жить независимой духовной жизнью и дерзал рассуждать вместо того, чтобы безгласно повиноваться⁴. «Усовершенствованная» система управления, и прежде всего III Отделение его Императорского Величества Канцелярии, насаждала страх, равнодушие и доносительство. Неудобных изолировали от общества — домашний арест, принудительный медицинско-полицейский надзор, запрет на публикации, вынужденная отставка из ар-

мии, заключение в крепость, ссылка, каторга, отдача в солдатчину. Как свидетельствует М.Лемке, никакая книга или статья не могла появиться на свет, если она в чем-то была индивидуальна — «все под ранжир»⁵. Говоря словами П.А.Вяземского, в России не было в то время общества, а было одно народонаселение. И все это на фоне беспрецедентной нищеты, рабского образа жизни народа, произвола и самоуправства со стороны имущего сословия.

В эти годы «ужасающего кошмара» (Герцен) среди части дворянства получило распространение трагически-отчужденное отношение ко всему русскому, некоторые увидели спасение в сближении с Западом на почве католицизма (С.П.Печерин, И.С.Гагарин), другие не видели и в этом шансов на включение России в сообщество цивилизованных народов. «Дело в том, — писал в своем эпатазирующем философическом письме П.Я.Чаадаев, — что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежали ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось»⁶.

Хорошо известна оценка этого письма Герценом — он уподобил его выстрелу, раздавшемуся в темную ночь. Современники не могли понять, был это сигнал или зов на помощь дошедшего до отчаяния человека, или весть о начинающемся рассвете — важно, что Письмо, ставшее мрачным обвинительным актом против самодержавия и общества, пробудило кого от спячки, кого от тяжелого нездорового сна. И ситуация к концу 30-х годов начала приобретать новые черты.

С виду страна продолжала «стоять на месте», но подспудно, как это и бывает в кризисное время, в ней зрели силы духовного обновления. А через несколько лет начался тот удивительный взлет общественной мысли, который будет долго вызывать восхищение потомков и о котором его современники будут вспоминать, как о «замечательном десятилетии»⁷. К интеллектуальной жизни пробуждалось новое поколение, и загнать его обратно в начало тридцатых годов было невозможно. Выражением ситуации стала кружковая деятельность демократически настроенной студенческой молодежи — братьев В.В. и П.В.Критских, П.Н.Сунгурова, Н.В.Станкевича, Т.Н.Грановского, А.С.Герцена и Н.П.Огарева. По воспоминаниям Б.Н.Чичерина, кружки были легкими, «которыми в то время могла дышать сдавленная со всех сторон русская мысль»⁸.

Питательной почвой новых настроений стал возродившийся интерес к философии Нового времени, к системным построениям Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля⁹. Обращение к западной философской

мысли инициировало попытки объяснения всемирной и собственной истории с позиций «всеобщих отвлеченных начал». Как известно, интерес к всеобщей (европейской) и отечественной истории (прошлому, настоящему и будущему России) оформился в спор славянофилов и западников, вошедший в историю русской культуры как «эпоха возбужденности умственных интересов» (Герцен). И хотя в своих построениях те и другие понимали «всеобщие начала» по-разному (Просвещение — у Киреевского, Личность — у Кавелина, Расстрепанная импровизация истории — у Герцена), общим было признание естественной закономерности в историческом движении, единой логики исторического процесса. На этом фоне складывалось убеждение, что историко-социальный анализ предполагает необходимое философское мировоззрение, выводящее, подобно ариадниной нити, из лабиринтов и тупиков истории.

Но главным объединяющим началом стала критика существующего положения вещей — в культуре, экономике, политической жизни страны. «Это был переломный этап в русской общественной жизни: зарождалось то, что можно было бы назвать русским самосознанием. Находясь в оппозиции к существующему режиму, осознавая, что настоящее положение вещей неудовлетворительно, эта активная часть прогрессивной интеллигенции в жарких диспутах, иногда даже в спорах на очень отвлеченные темы, искала те пути, которые могли бы привести к изменению рутинной русской жизни 30-х годов.»¹⁰ Охваченная настроениями идейно-нравственного возрождения думающая часть общества была озабочена и тем, что происходило на Западе: пиитет к развитой Европе соединялся, с одной стороны, с критическим отношением к «язвам пролетариата», с другой стороны, с неоднозначностью оценок ее революционных потрясений. Правда, сохраняя черты дворянской идеологии, общественная мысль в своих поисках будет оставаться относительно спокойной к идеям гражданского общества, правового государства, конституционной гарантии прав и политических свобод¹¹. Не случайно именно в это время родилась довольно сомнительная, с точки зрения ее реализации, да и с точки зрения демократической направленности, модель реформирования самодержавной власти К.С.Аксакова: «Правительству — право действия и, следовательно, закона, народу — право мнения, следовательно, слова»¹². Но требование «права действия правительству» определит направленность и содержание будущих, уже недалеких, реформ российского общества.

Первым, наиболее значимым, свидетельством пробуждения национального самосознания стала теория русского социализма, которая ниже будет предметом нашего анализа. Это «пробуждение» ста-

нет возможным потому, что критика, утверждаясь в качестве принципа философствования и отношения к действительности, перерастет в *критическую рефлексию*. В этой связи примечательна информация о новых настроениях из доклада Бенкендорфа Николаю I: «Молодежь, т.е. дворянчики от 17 до 25 лет, — писал шеф III Отделения, — составляют в массе самую гангренозную часть империи. Среди этих сумасбродов мы видим зародыш якобинства, революционный и реформаторский дух, выливающийся в разные формы и чаще всего прикрывающийся маской *русского патриотизма*»¹³.

Интенцией критической рефлексии как «инструмента очищения и развития сознания»¹⁴, свободного от интеллектуальной невменяемости, являются поиски выхода из тупиков на основе позитивного знания. При этом и она сама, и ее результаты становятся факторами социальных преобразований, развития истории. «Рост рефлексии, — пишет А.С.Ахиезер, — означает усиление способности человека делать свою историю, самого себя предметом своей воспроизводственной деятельности, содержанием своей культуры, своего действия, предметом своей озабоченности, своей критики»¹⁵. Критическая рефлексия связана с сопоставлением предмета критики с идеальным образцом, задаваемым разумом. Это такая форма творческого созидания, в которой момент отрицания подчинен продуктивной деятельности по конструированию объекта (неважно — мыслимого или реального). И еще один момент: критическая рефлексия, отличная от нигилистического, созерцательного неприятия действительности, гарантирует социальное моделирование от опасностей *безответственности*, следствием которой может быть разруха, хаос, нарушение правопорядка, распад социальных структур, девальвация сложившихся национальных традиций и системы ценностей, другими словами, стирание грани между «плохой действительностью» и «хорошим будущим». Если говорить о критической рефлексии относительно истории, то она является свидетельством процесса становления и развития человека в качестве ее субъекта, показателем (и одновременно фактором) преодоления господства ее стихийных сил, когда человек начинает осознавать свою роль в ее осуществлении и перестает искать причины катастроф только в ней самой. Критическая рефлексия — это такой уровень критики, когда человек становится способен критиковать самого себя и свои практические действия в поисках не «злых демонов», а путей выхода из сложившихся исторических ситуаций.

Новая форма философского самосознания в лице критической рефлексии обозначила перелом русской общественной мысли, вехой которого стал поворот к интерпретации социальных реалий с пози-

ций философского мировоззрения, обращенного к авторитету Знания, интеллектуальный прорыв к социальной реальности. Критическое самосознание, субъектом которого явилась наиболее прогрессивно настроенная часть общества, уже не ограничивалось созерцательной критикой. Его составляющей стало проектирование будущего страны, правда, в рамках умозрительных схем всеобщей истории, но в центре этого проектирования встал вопрос, надолго определивший общее построение моделей российской истории и будущего российского общества — вопрос об отношении России к Европе и месте ее в европейской цивилизации.

Нельзя сказать, чтобы этот вопрос был новым, даже можно сказать, он был совсем не новым, но в сороковые годы XIX века именно он, утратив теологическое содержание, определил пафос прогностических изысканий социальной критики. Нам же важно подчеркнуть следующее: в это время в структуре философско-исторических построений конструктивно преобразующая работа разума (даже в рамках утопического сознания) начинает соотноситься со знанием, с одной стороны, и с состоянием общественной жизни людей, с другой стороны. Эмоционально-оценочное отношение к действительности, всегда сопровождающее любые критические изыскания, дополняется *сциентистским*.

Теперь от критики требуется выявление целесообразных (с точки зрения естественных законов истории) оснований бытия и соотнесения их с существующими реалиями. «Научное расколдовывание мира» распространялось на сферу социального проектирования и на его исходный элемент — *общественный идеал*, с которым теперь соотносилась не религиозная Вера, не просвещенный Разум, а научное Знание. В этой связи напомним сформулированный значительно позже, но выражающий суть рассматриваемой нами критически-познавательной ситуации как нельзя точно, «Закон о трех стадиях» О.Конта. Конт отмечал: «Изучая ... весь ход развития человеческого ума в различных сферах его деятельности, от его первого простейшего проявления до наших дней, я, как мне кажется, открыл главный, основной закон, которому это развитие подчинено безусловно ... Этот закон состоит в том, что каждая из наших главных идей, каждая из отраслей нашего знания проходит последовательно три различных теоретических состояния: теологическое, или фиктивное; состояние метафизическое, или абстрактное; состояние научное, или положительное»¹⁶. Для России середины XIX века такое состояние очевидно наметилось, правда, в виде тенденции, но тенденции, четко пробивавшей себе дорогу. И не случайно именно в это время соци-

альная философия обратится к идее, позже сформулированной позитивизмом, — к пониманию высшей стадии человеческого общества как развитой формы *социального порядка*. — Идеи, которая ляжет в основание социального моделирования, определит содержание общественного идеала, а с ним и предлагаемых умозрительных (и не умозрительных) моделей.

Итак, к концу сороковых годов пафос социальной критики определяла ориентация на позитивное (соотносящееся со знанием) преобразование бытия в соответствии с предлагаемыми общественным идеалом критериями, которые вошли в проективную работу на правах ее структурообразующих элементов. В сложившемся познавательном контексте общественный идеал приобретал значение генофонда социума, содержанием которого мыслилась некоторая константа в виде общественного строя (порядка), сохраняемая при всех переменных времени (если эти перемены не разрушают исторически сложившуюся общность) и фиксирующая главное направление движения по пути совершенствования — достижение справедливого, благополучного, свободного, «хорошего общества», если говорить на современном социологическом сленге.

Конечно, общественный идеал есть обязательный спутник всякой критики, поскольку критическое отношение к действительности предполагает, что ее субъект дистанцируется от последней в форме оценочного отношения к ней (в противном случае критика как «разлад с действительностью» просто невозможна). За спиной каждого идеала всегда кроется неудовлетворенность настоящим и стремление к совершенству, позволяющее человеку возвыситься над миром реалий. Но на уровне критической рефлексии общественный идеал перестает быть догматом веры в возможность «прыжка в иной мир», идесей, обосновывающей возможность перерыва временной необходимости истории. Он, оставаясь моделью будущего (желаемого) общества, начинает восприниматься в соотнесенности с объективным движением истории и со знанием, что в ходе развития всякое сущее *не преобразуется, а преобразуется*, что настоящее и будущее зримыми нитями связано с прошлым.

Характеризуя *должное*, общественный идеал находит свое место в структуре знания, постигающего сущее в том смысле, что в системе мироощущений человека он выступает не как самодовлеющая сущность, а как средство ориентации в действительности с целью ее преобразования в выбранном направлении, как регулятивный принцип человеческой (не только практической) деятельности и одновременно как критерий ее оценки. На уровне критической рефлексии об-

щественный идеал обосновывает идею бесконечного развития, приобретая значение, как писал П.И.Новгородцев, критерия для различения «вечных святынь от временных идолов и кумиров», для определения пути, по которому не просто должно, а следует идти¹⁷.

В этом качестве он всякий раз выступает не отвлеченной нормой, «предносящейся» человеческому уму, а результатом интеллектуального творчества. Он вырастает из идеи (одновременно обосновывая ее), что историческая жизнь всегда будет областью бесконечных исканий (в этом смысле «дурной бесконечностью»), способных, однако, через их практическое осуществление *приближать* человеческую жизнь к совершенным формам. Иными словами, на уровне критической рефлексии основным определением идеала в его отношении к миру эмпирической жизни становится «понятие о нем как о требовании вечного совершенствования»¹⁸, не имеющего «логического конца», но в своем временном, поэтапном осуществлении коррелирующего с социальным бытием, которое формирует его исторически-конкретное содержание. Такой идеал, по выражению Новгородцева, не может быть ни бескрылым, ни бестелесным: включая элемент неосуществимости, он вместе с тем оказывается достаточно «заземленным». Делая критику соизмеримой с запросами и нуждами социальной практики, он в силу своей недостижимости в мире вещей выводит ее за границы трансцендентного, что и определяет меру ее практической целесообразности.

Безусловно, ориентация всякого идеала на абсолютное «таит в себе опасность нежелательного преодоления некоей рациональной грани, за которой благо может перейти в свою противоположность», т.е. в идол¹⁹. С этим связан один из основных парадоксов общественного идеала. Вот почему для него важна включенность в реформаторскую практику в качестве идеального конструкта для оценки действительности, с точки зрения меры долженствования. Ибо только практика полагает реальные границы, отделяющие его от грез и фантазий, от превращения цели исторического движения в идол, подчиняющий себе жизнь поколений. Если прибегнуть к современной метафоре, то смысл общественного идеала сопоставим с функциональной целесообразностью строительных лесов, с помощью которых человек строит свою жизнь²⁰. Идеал — руководство к действию и цель этого действия. Здесь руководство — сфера практических преобразований, цель — сфера сознания.

Другими словами, единство идеального и материального (практического) в общественном идеале на этапе критической рефлексии имеет для последней столь же фундаментальное значение, как для

научного знания. С учетом этого факта критический анализ истории должен осуществляться, как говорил С.Н.Булгаков, «по двойственному критерию: при свете временной целесообразности, преследования очередных задач истории, и при свете религиозного сознания, чувства вечности, живущего в душе.» — Ибо «равнодействующая истории идет по диагонали, определяющейся этими двумя перпендикулярами и более приближающейся то к тому, то к другому»²¹.

И еще одно, существенное для нашего рассмотрения проблемы, замечание. Способность сознания сформулировать идеал, пригодный к реализации в ходе реформаторской практики, свидетельствует не только о необходимом уровне критики, но и о достигнутом уровне развития самой действительности, ставшей объектом критики. Этот уровень связан с ее готовностью войти в новый исторический цикл и принять связанную с ним форму бытия. В этот период на первый план выдвигаются проблемы цели и смысла человеческого существования и соответственно проблемы социального идеала и социальной критики. Поэтому критическая рефлексия всякий раз инициируется кризисным состоянием общества, когда у возможности выявляются векторы ее реализации, а исторический выбор становится требованием времени, когда история бросает «Challenge» (вызов) существующему, а общество переводит свой «Response» (ответ) на уровень практических действий.

Это тот этап в развитии действительности, с которым связано не только «брожение умов», но и «брожение общественных форм», которое убеждает людей в целесообразности и в правомерности вмешательства в исторический процесс. В такой ситуации абсолютное в идеале приобретает значение *мотива* человеческой деятельности, что, в свою очередь, делает идеал и связанную с ним критическую силу ума «двигателем» реформации. В свою очередь апробация (хотя бы частичная и поэтапная) идеала, включение его в практику социальных преобразований открывает историческую перспективу и для самого идеала: его содержание корректируется, наполняется новым, соответствующим требованиям времени, смыслом.

В 40–50-х годах XIX века критическая рефлексия спровоцировала появление целого ряда моделей исторического развития российского общества. Каждая из них имела свой «код» расшифровки будущего страны — славянофильский (историософские построения И.В.Киреевского, А.С.Хомякова, модель самодержавной власти И.К.Аксакова), социалистический («русский социализм» А.И.Герцена и Н.П.Огарева), либеральный, он же западнический (концепция всеобщей истории К.Д.Кавелина и теория правового государства

Б.Н.Чичерина), натурфилософский (учение о культурно-исторических типах Н.Я.Данилевского), чуть позже — консервативный (идея о стадиальности развития культур Н.К.Леонтьева). При всем своеобразии каждой их объединяло одно — *утопизм*. Наиболее репрезентативной, с точки зрения характеристики состояния общественной мысли и степени влияния на общественное мнение, была конструкция «русского социализма».

III.2. Социалистическая утопия как социальное конструирование реальности

«Русский социализм» по времени возникает позже западных социалистических учений и уже по одному этому последние не могли не стать его теоретическим источником. Но у отечественной социалистической утопии были свои особенности: в ней одновременно с европейскими идеями пульсировали те, которых не знал западный социализм. Прежде всего — это требование отмены крепостного права. Можно сказать, писал Герцен, что весь русский вопрос заключается в вопросе о крепостном праве. Антикрепостнический пафос включал протест против царского самодержавия, то и другое определили общую направленность развития социалистической идеи: защита прав земледельца и «свободы лица» (Герцен). В общем, социально-экономические и политические реалии России середины XIX века оказали достаточно существенное влияние на содержание и характер отечественной социалистической утопии.

«Русский социализм» был тесно связан с социал-демократическим движением, стоявшим в оппозиции не столько к классово-буржуазной, сколько к сословно-феодальной организации российского общества. И поэтому он по многим параметрам может быть расценен как крестьянская утопия — из-за обращенности к крестьянству как к социальной силе, представлявшейся способной на те преобразования, которые связывались с социалистическим идеалом, из-за иллюзий в отношении исторической роли крестьянской общины, и, наконец, из-за исходной посылки, которой стала идея возможности для России «перескока» из одного исторического времени в другое. В русской утопии эта идея имела специфическое преломление, во-первых, в связи с неприятием «язв капитализма», остававшегося для России середины XIX века исторической перспективой, и, во-вторых, в связи с необходимостью решить «крестьянский вопрос». В такой ситуации содержание социалистической утопии по необходимости от-

ражало интересы *маргинальных* общественных сил, несло печать одновременно революционно-демократических, либеральных и консервативных ориентаций.

Разработка доктрины относилась ко времени, когда внутри николаевского режима складывалась новая оппозиция из будущих участников реформы 1861–1881 гг. Это было время кризиса и новых надежд, ожиданий, т.е. вполне подходящее для взлета утопического сознания и развития социалистических идей. Что же касается последних, то их распространению в немалой степени способствовал пробудившийся в 30-х годах интерес к европейской философской мысли, в рамках которой сенсимонизм, учение Фурье и социальные эксперименты Оуэна занимали заметное место и, конечно, не могли не вызвать интереса у русской общественности. Исходная посылка Сен-Симона — «все, что было в прошлом, и все, что произойдет в будущем, образует один ряд», вполне «ложилась» на разрабатываемую отечественной философией прогрессистскую идею как в ее идеалистически-религиозной, так и в материалистической интерпретации.

Но в целом «русский социализм» не отходил от европейского утопического мышления Нового времени, более того, общая парадигма последнего получила дальнейшую разработку. Если говорить об ее особенностях, то прежде всего необходимо отметить отказ от мысли внезапного, т.е. неподготовленного предшествующим развитием цивилизации, появления справедливого, идеального общества в пользу идеи «прорастания» будущего из настоящего, формирования общественного идеала «здесь и сейчас», в недрах экономической структуры и культуры существующего общества. В начале XIX века утопия эпохи Просвещения с ее верой в преобразующую силу Разума, способного сформулировать систему ценностей, адекватных природе человека, и тем самым «открыть шлюзы» для прогрессивных изменений, уступает место утопии, исходящей из концепции линейного развития, из признания закономерной, естественной связи между прошлым, настоящим и будущим, между целью истории и историческим бытием.

На этом теоретико-познавательном фоне в утопическом сознании утверждается заимствованная из философии истории идея значимости существующего как основания для будущих социальных форм, а восприятие истории начинает подчиняться «стратегическому плану настоящего». Модели будущего теперь находят в реальном бытии не только исходный материал, но и почву для своей апробации. Прежде смутные и расплывчатые идеи об обустройстве будущего общества начинают корректировать с возможностями и тенденци-

ями развития существующего. Новая связь между бытием и утопией превращала ее идеал в «осмысленную, перемещенную в будущее, цель, которая благодаря прогрессу постепенно и хотя бы в некоторой степени получает свою реализацию в нашем (наличном — *Авт.*) обществе»²². Достижение будущего исторически конкретизируется, оно «привязывается» к возможностям и исторической перспективе настоящего. Принимая во внимание сказанное, отметим те черты утопического сознания, которые, сохранившись в утопии Нового времени и выявившись в «русском социализме», предопределили его развитие и место в истории отечественной общественной мысли в качестве идеологии оппозиции 40–50-х годов XIX века²³.

Во-первых, «русский социализм», как и любая утопия, строится вокруг определенного общественного идеала. Утопист, как правило, не знает средств воплощения в жизнь предлагаемой модели, он может ошибаться в вынесенном им диагнозе, в определении причин «социального недуга», но он знает ту общую «мерку», в соответствии с которой следует осуществлять изменения в обществе. Этой «меркой» выступает защищаемый им общественный идеал, который он прикладывает к действительности, исходя из убеждения о целесообразности истории, а в Новое время — исходя из идеи, что направление ее развития связано с процессом совершенствования форм общественной жизни.

Во всех утопических построениях общественный идеал выступает как имманентная цель истории. С устремлением к достижению этой цели связан позитивный, конструктивный смысл утопии. Утопия тем и отличается от мечты, что в ее основании лежат некоторые общие (нравственные, политические, эстетические, социальные) нормативные принципы построения мира. Поэтому утопическое сознание — телеологично по своей природе. «Утопист обязан мыслить и толковать историю, — писал Г.В.Флоровский, — в категориях телеологических — как развитие, как развертывание врожденных и предположенных задатков, как прорастание и созревание зерна, как самоосуществление некоего «плана» или «энтелехии»²⁴.

Опираясь на защищаемый общественный идеал, утопическое сознание постулирует расхождение «должного» и «действительного», но одновременно как бы и снимает его «приравнением» общественного идеала факту эмпирического будущего. Флоровский, обращая внимание на этот момент утопизма, обвинял его в недозволенном «этическом натурализме», утверждающим веру в самоценность и преобразующую силу социальных форм. Вместе с тем он отмечал, что рассмотрение идеала как «части эмпирической действительности» со-

держит идею о предельной действенности добра как силы. «Этический натурализм хочет быть этикой воли, а не только регистрирующей этикой оценки. Он мечтает о воплощении совершенства, преодолевает таким образом отрешенный морализм этики формального долга»²⁵. В этом, по его мнению, состоит самый большой соблазн утопии и ее притягательная сила. Именно эта черта утопического сознания в наибольшей степени реализовалась в «русском социализме», что во многом объясняет, почему его идеи смогли увлечь своей «соблазнительностью» следующие поколения и пережить свое время. Отголоски этой модели стали созвучны идеологическим устремлениям приверженцев социализма в XX веке.

Следует отметить, что с «этическим натурализмом» связана и другая составляющая утопического сознания — его консерватизм. Ведь, разлагая мир на позитивные и негативные элементы, оно всякий раз испытывает потребность проделать обратную работу, замещая вытесненные «негативные элементы» сконструированными позитивными, желает вернуться, условно говоря, к некоторой статике. В этом контексте возникает вопрос: а не убивает ли утопия саму идею будущего? «Самая ужасная тирания никогда не стремилась к такому безусловному задержанию прогресса, как многие утопии, намеревавшиеся стереть всякую тиранию с лица земли», — не сомневался А.Свентоховский²⁶. «Общественный утопизм есть выражение веры в завершимость, в конец прогресса», — утверждал Флоровский. Думается, однако, что позитивное содержание утопизма, как выражение надежд человека на будущее, всечеловеческой установки на лучшее (то, что Э.Блох назвал «принципом надежды» в утопии) сильнее этих негативных моментов. К тому же у утопического сознания есть защитные механизмы: заземляя общественный идеал в конкретное общественное устройство, оно одновременно поднимает человека над повседневностью и ее целями — сытостью, благополучием, богатством, бытовым мешанством. Неприятие последнего, как сопутствующая сторона «этического натурализма», есть его интенция, хотя и не всегда реализующаяся, и потому все-таки не статика, а динамика является сутью утопии. «Русский социализм» с его критикой капиталистической цивилизации — ее культурных ориентаций, системы ценностей, образа жизни, стандартов социального поведения — в наибольшей степени отвечал этой интенции.

Во-вторых, всякая утопия — это *предвосхищение* будущего, основанием которого является идея целесообразности истории. Как разновидность ценностного подхода к действительности, реализующегося в конструировании желаемого мира по образцу, утопия «объек-

тивно всегда ориентирована на опережающее отражение социальной жизни»²⁷. С одной стороны, это ведет к своеобразному логическому провиденциализму — в истории предопределен круг возможных превращений по пути к идеальному состоянию. Но, с другой стороны, именно в силу этого утопия вполне может оказаться *«преждевременной истиной»*. Ведь любая утопия своими корнями уходит в существующую реальность — и потому, что ее содержание определяется критикуемым «социальным материалом», и потому, что она всегда выражает чьи-то интересы и устремления, отражая структуру сложившихся в обществе приоритетов (культурных, экономических, политических), и потому, что лежащие в ее основании социальные нормативы, несмотря на их всеобщность, всегда исторически-конкретны, поскольку детерминированы в конечном счете реальными потребностями живущих людей.

Хотя порой, заимствуя свой материал из действительности, утопия придает им до неузнаваемости причудливые формы. В этом смысле она подобна «кривому зеркалу», в котором мир отражается в «перевернутом виде». Но как бы зеркало не искажало реальность, оно все-таки отражает те объекты, которые находятся перед ним. Поэтому утопические модели всегда несут черты исторически определенной ступени развития бытия, и то, что было утопией сегодня, может стать действительностью завтра. В этом смысле она вполне может быть *«преждевременной истиной»*. Этот момент отмечал еще Ф.Энгельс (что, как известно, не помешало ему дать разрушительную критику утопизма), который писал: утописты прошлого «гениально предвосхитили множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно»²⁸.

В-третьих, поскольку утопическое моделирование — это всегда своеобразное «интеллектуальное обновление» существующего (в нем усиливается или отрицается то, что имеется в реальной жизни), любая социальная утопия «есть обратная проекция настоящего в прошлом или будущем (...) Утопия как бы удваивает мир, надстраивая над реальным миром ирреальный мир мечты»²⁹. Но смоделированная по логике «интеллектуального произвола» реальность начинает жить по своим собственным (когда рациональным, а когда иррациональным) законам, становясь своеобразным дублем действительности, который входит в ткань общественного сознания в качестве одного из тех его элементов, которые могут стать на какое-то время его структурообразующей составляющей. (Например, идея коммунизма и ее роль в развитии общественного и индивидуального сознания в социалистический период истории нашей страны.)

Поэтому утопия может обладать немалой конструктивной силой. Несогласие человека принимать мир таким, каким он для него существует, подкрепленное картинami возможного и желаемого будущего, будоражит мысль, вводит в состояние эмоционального напряжения, порождает чувство дискомфорта и решимость к переменам, провоцирует на акции гражданского неповиновения. Биполярное напряжение между реальностью и желаемым формирует сознание, в соответствии с которым люди начинают понимать, что вполне могут перестроить мир, исходя из своих представлений о должном. И в этом смысле утопия способна на *преобразующее воздействие*. Эта черта утопического сознания есть один из главных критериев, отличающих ее от мечты, фантазий, тоже конструирующих мир в ключе «контрфактического моделирования». С утопией связана *следующая* после фантазии ступень освоения социальной реальности. «В первой фазе люди, сказавшие «нет» обществу, в котором они живут, ожидают изменения существующего порядка в результате внезапного, сверхприродного и внешнего воздействия; во второй фазе люди полагают, что сами способны установить новый общественный порядок. (...) Вторая фаза требует человеческого действия»³⁰. Автор наиболее популярной сегодня концепции утопии К. Мангейм придерживается и более радикальной оценки природы и роли утопии, выделяя действенный характер последней как сущностную характеристику утопического сознания вообще. Таковым он называет только то трансцендентное по отношению к бытию сознание, которое, «переходя в действие, частично или полностью взрывает существующий в данный момент порядок вещей»³¹.

Таким образом, способность оказывать воздействие на сознание и поведение людей в направлении развития их критической рефлексии и роста социальной активности — это сущностная характеристика утопического сознания, выражающая его действенный характер. Что касается «русского социализма», то можно без большого преувеличения сказать, что на его идеях сформировалось не одно поколение людей, вошедших в отечественную историю как не просто несогласных с самодержавием, но активно участвующих во всех акциях по его устранению — начиная от террора по отношению к членам царской фамилии, кончая революционными действиями по его низложению.

В-четвертых, критический пафос утопии делает связанное с ней моделирование будущего своеобразным эпифеноменом реформаторства: ее критический компонент порождает недовольство существующим, а образ совершенного устройства — жажду созидания нового. «Утопия — мать всех реформ, всех усовершенствований в истории общественной жизни», — считал А. Свентоховский³². «Во всех рефор-

маторских движениях заключен элемент утопии; без него они даже и немислимы», — отмечал А.Фойгт³³. Утопия — «это интерпретация существующего порядка и — в большинстве случаев — программа его изменения», — уверен М.Ласки³⁴. «Утопия и реформаторство», — называет свою работу Х.Мараваль. Может, все это и несколько завышенные оценки роли утопического моделирования, но бесспорно, что, погружая человека в состояние неудовлетворенности и поиска лучших форм социальной организации, побуждая (а точнее, вынуждая) к отысканию способов преобразования, реконструкции действительности, утопия, несомненно, становится в какой-то момент *предвестницей* будущих реформ. Она не только подготавливает общественное сознание к ним (что само по себе чрезвычайно важно, ибо ни одна реформа не может рассчитывать на успех, если общественность, массы к ним не готовы), но и выявляет в реальности «точки роста» ее возможной трансформации, перестройки.

Можно сказать, что существо всякой утопии связано с той особенностью человеческого сознания, что оно постоянно склонно *строить планы*. Это свойство соотносится в равной степени как с жадой совершенства жизненных форм, с потребностью преобразования мира в этом направлении, так и с желанием, данным человеку от природы, «заглянуть в будущее», «навести мосты» между последним и настоящим, т.е. приблизить будущее к собственному бытию, хотя бы в фантастических грезах. Поэтому даже в случае, когда утопический проект очень далек от действительности, он выступает как поиск путей решения существующих социальных задач. И, наверное, не случайно Томас Мор, создав свою «Утопию», в поисках ответа на вопрос «что делать?» включился в политику (в деятельность, наиболее соответствующую его статусу), стал членом Королевского совета, а затем лорд-канцлером. Правда, что тоже, видимо, не случайно, плохо кончил — через 18 лет был обезглавлен. Но, наверное, есть основания говорить о его Утопии как об интеллектуальном прорыве к реформам XVI века и к революции в XVIII веке. Во всяком случае, фантазирующие утописты и воинствующие реформаторы связаны в истории какой-то одной логикой.

Наверное, поэтому во всех реформаторских движениях неизбежно присутствует утопический элемент. Поэтому любой проект как идеальная модель содержит элемент желаемого, осуществление которого может и не обеспечивать предлагаемая реформа, поэтому моделирование социальной реальности с необходимостью сопряжено с идеализацией, отрывом от действительности, с погружением, в той или иной степени, сознательно или бессознательно для его субъекта,

в утопию. Давно доказано, что между практическим и теоретическим разумом есть «зазор», и в этом, объективно заложенном несоответствии планируемых изменений результатам реформаторской деятельности, кроется своя правда. Силу инерции быстрее преодолевает не разум, а желание получить скорейший результат, стремление человека выдавать желаемое за действительное. Опыт показывает, что чаще всего именно утопический элемент реформ мобилизует массы, «обвораживая» иллюзией близости их результатов. «Перед людьми, одушевленными общим стремлением к какой-нибудь политической цели, всегда должно быть знамя, девизом которого являлось бы нечто утопическое, лежащее за пределами действительно осуществимого», — отмечал А.Фойгт³⁵.

Поэтому реформаторы часто превращаются в утопистов, сознательно выбирая утопическую конструкцию: в противном случае, не имея в запасе привлекательных фантазий, они имеют шанс не получить поддержки даже у вполне умеренно («разумно») настроенной части населения. Но утописты — это, конечно, не реформаторы, ибо интенцией утопического сознания является коренное переделывание мира. Несогласие утописта с действительностью носит тотальный характер, чаще всего он думает не о замене каких-то «плохих» элементов действительности «хорошими», а о коренной перемене всего положения вещей. Всякая утопия есть по своей сущности бунт, и как всякий бунт бескомпромиссна. — Или все, или ничего. Не приемля форм социального компромисса, утопист в рядах реформаторов чувствует себя «чуждым элементом». Он — максималист, он хочет сначала «разрушить все до основания», а только потом строить свой совершенный мир. Последнее приближает его скорее к фигуре не реформатора, а революционера. Но это уже другая тема для разговора и другой сюжет из истории отечественной общественной мысли.

Подведем итог сказанному. В утопические мечтания человеческую мысль, таким образом, вводит не только необузданная фантазия, а и своеобразная логика самой мысли. Утопических выводов, как замечает А.Валицкий, требует какая-то «изначальная аксиома». Последняя, думается, связана с природным свойством, стремлением человека увидеть в потоке исторических событий скрытую от его глаза цель, связать ее с общественным идеалом, и на этом основании вынести свой суд над историей. Утопия рождается из потребности ответить на вопрос о смысле жизни и будущем человечества. Эта черта человеческого сознания составляет его родовую сущность, входит в неразрушаемый временем его архетип.

Но каждому народу и каждому поколению суждено создавать свой Остров Мечты в соответствии со своими национальными, культурными, историческими традициями, в соответствии с духом своего времени и достигнутым уровнем цивилизованности. В конце 40-х годов XIX века создала свой Остров Мечты и отечественная философско-общественная мысль. Им стала социалистическая утопия Герцена и Огарева, получившая по их собственной презентации название «русский социализм». Эта модель не выпадает из обозначенной выше парадигмы утопического сознания, но у нее были свои особенности. Ниже мы остановимся на тех из них, которые сделали ее провозвестницей более поздних социальных проектов и определили ее значимость в осуществлении социальных реформ в России во второй половине XIX века.

III.3. «Русский социализм»: наука опыта и расчета

Конструкция «русского социализма» не была первой попыткой отечественной мысли по созданию социалистической утопии. Первый шаг в этом направлении сделали еще декабристы, усомнившиеся в целесообразности не только царского самодержавия, но и Великой Французской революции. Одной из основополагающих идей «Русской Правды» Пестеля было неприятие капиталистической цивилизации, как заменившей «феодальную аристокрацию» «аристокрацией богатства», и компромисс частного и общественного землепользования. Но важными для развития социалистической утопии оказались не столько эти идеи, сколько направленность рассуждений и предложенного поиска, которая и позволяет считать «Русскую Правду» Прологом русского утопического социализма. Эстафета была подхвачена новым поколением оппозиционеров.

В 40-е годы развитие идеи социализма шло параллельно с критикой французского утопического социализма, выстраивающейся на двух основаниях. Первое — тяга к рационализму, сложившаяся на базе интереса к немецкой философии, второе — стремление привязать социалистический идеал к российским реалиям. Первое определило достаточно строгую концептуальную разработанность идеи социализма на основе гегелевского учения о диалектике и антропологического материализма Фейербаха, связь философской и социальной метафизики. По признанию Герцена, социализм стал казаться «естественным силлогизмом философии, применением логики к государству». Второе установило корреляцию идей социализма с русской крестьян-

янской общиной. «Мы русским социализмом, — писал Герцен, — называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта. (...) от общинного владения и общинного управления»³⁶. Оба момента — рационализм и «крестьянский» идеал обуславливали друг друга. Их взаимосвязь, лежащая в основании критики западных утопий, определила вектор обозначившегося перелома в мировоззрении самих приверженцев социализма: на место увлечения, эмоционального интереса к идее приходит рациональное отношение с целью превращения ее в «die Philosophie der Tat» (философию действия).

Идея социализма разрабатывалась в парадигме утверждавшегося сциентистского подхода к анализу истории и растущего интереса к политической экономии как основе наук об обществе. В «Русском социализме» утопизм соединился с научным реализмом, а философская рефлексия с «наукой опыта и расчета». Это была утопия Нового времени и это была Русская утопия, отличная от разработанных и широко известных утопических построений Сен-Симона, Фурье, Оуэна, хотя их влияние, особенно Сен-Симона, было настолько значимым, что в некоторых вопросах теории социализма Герцен и Огарев до конца жизни оставались его последователями.

В конструкции «Русского социализма» можно вычленить два пласта. Один пласт — теоретическое обоснование идеи социализма в контексте историософской интерпретации исторического процесса (в рамках утверждавшегося сциентистского подхода к анализу истории). Другой пласт — содержание общественного идеала, лежащего в основании предложенной модели будущего общества, основанием которого явилась критика капиталистической цивилизации и идея социальной справедливости как условия свободного развития личности.

1. Теоретическим основанием социализма стала историософская концепция Герцена исторического процесса. Мы настаиваем, что вне контекста этой концепции понять смысл «русского социализма» нельзя — конструкция лишается ее внутреннего стержня. Этим стержнем является теоретически обоснованная идея естественно-закономерного хода истории, отрицание в ней какой-либо предзаданной цели как «ее конечного пункта». Потому что цель истории, если о таковой говорить, не в будущем человечества, а в его настоящем. — Именно так отвечает Герцен в работе «С того берега» на вопрос своего собеседника, как возможно развитие истории без цели и тем самым без смысла. «Каждый исторический миг полон, замкнут по-своему, как всякий год с весной и летом, с зимой и осенью, с бурями и хорошей погодой, — объяснял Герцен. — Оттого каждый период нов, свеж, исполнен своих надежд, сам в себе носит свое бла-

го и свою скорбь, настоящее принадлежит ему»³⁷. Назначение каждой исторической фазы — она сама, ее настоящее, понимаемое как процесс самореализации существующего. (Вот почему смотреть на конец, а «не на самое дело» — величайшая ошибка.) В таком контексте социализм есть общественное состояние, которое, с одной стороны, может быть только результатом полной самореализации предшествующей фазы общественного развития, а с другой стороны, он, оставаясь моделью совершенного (а точнее сказать более развитого) общества лишается «модуса должностования», который обязательно сопутствовал всем прежним утопиям, приобретая «модус обязательности».

Так понятая историческая необходимость расставляла новые акценты в понимании взаимосвязи настоящего и будущего: между ними нет причинно-следственной связи, поэтому жизнь живущих поколений не должна приноситься в жертву будущему. «Если прогресс — цель, то для кого мы работаем? — восклицал Герцен. — Кто тот Молох, который по мере приближения к нему тружеников, вместо награды пятится и в утешение изнуренным и обреченным на гибель толпам, которые ему кричат: *Moriture te salutant*, только и умеет ответить горькой насмешкой, что после их смерти будет прекрасно на земле»³⁸. Этот тезис обозначил, пожалуй, одну из самых сильных сторон концепции «русского социализма». К сожалению, он не был услышан последующими защитниками его идей, а ведь в нем было серьезное предупреждение от главного соблазна — соблазна жертвенности, за которую так легко спрятать несостоятельность будущих проектов и неумение организовать настоящее. Истории не нужны жертвы — они есть тот балласт, который не позволяет будущим поколениям восстановить реальную связь его с прошлым.

Согласно герценовской концепции история открыта в своем развитии — она никуда не идет, и потому готова идти всюду, если это возможно, т.е. «если ничего не мешает»³⁹. Она, как и природа, ненавидит фронт, «бросается во все стороны», отвергая «правильный марш вперед». История склонна к «растрепанной импровизации», она «пользуется всякой нечаянностью, стучится разом в тысячу ворот», «бросается во все стороны» и постоянно готова к бесчисленным вариациям даже «на одну и ту же тему». «При отсутствии плана и срока, аршина и часов развитие в природе, в истории не то что не может отклониться, но должно беспрестанно отклоняться, следуя всякому влиянию и в силу своей бесконечной страдательности, происходящей от отсутствия определенных целей»⁴⁰, ибо в истории дремлет бесконечное число возможностей.

Некоторые склонны были усматривать в такой интерпретации исторического процесса защиту стихийности, «философию алогизма», как, например, В.В.Зеньковский. Констатировать это приходится с сожалением, потому что, как показало время, идея Герцена вполне укладывается в современную синергетическую парадигму философско-исторического знания⁴¹. С позиций последней точнее было бы говорить о «бунте» Герцена против логического редукционизма и просветительского историзма в пользу реализма, нежели о защите стихийности. Пафос мыслителя, повторяем, был связан с протестом против выстраивания истории по заранее предписанному плану. Трудно согласиться и с оценкой более близкой к нам по времени: Е.Г.Плимак и И.К.Пантин склонны в размышлениях Герцена о многовариативности истории (какое направление она выберет — кто знает?) усматривать проявления скептицизма⁴².

В самом деле, к этому выводу вполне можно прийти, да, собственно, Герцен и не был бездумным оптимистом и рационалистом. Но, думается, в общем контексте его концепции истории эти рассуждения все-таки являются свидетельством другой позиции — отрицания каких-либо форм провиденциализма. Хотя, наверное, и Герцен, и Огарев не всегда находили нужную меру, отстаивая эту позицию, и весьма вероятно, что сомнения относительно возможности рационального и разумного, с точки зрения человеческого здравого смысла, хода истории им были не чужды. Но ведь и реалии располагали к такого рода скептицизму: поражение Французской революции не могло не внушать беспокойства за будущее европейской цивилизации, а следовательно, и России: «куда ни посмотришь, отовсюду веет варварством: из Парижа и из Петербурга, снизу и сверху, из дворцов и мастерских». Да, горечь была, но, думается, вера в Историю — тоже. Рассмотренная интерпретация исторического процесса обосновывала существенные для концепции «русского социализма» методологические посылки, а именно.

Первая посылка. Принадлежность России к европейской цивилизации отнюдь не обрекает ее идти тем же путем, каким идут народы Европы, и повторять пережитые ими исторические формы общественного порядка. У России могут быть свои, не исключено более перспективные, вариации на тему «европейской истории». (Доказательством правильности этого тезиса, добавим, стали беспрецедентные в своем роде реформы 1861—1881 гг., в ходе которых Россия продемонстрировала во многом отличный от европейского, но не менее результативный, опыт построения гражданского общества.) Причина этого согласно герценовской концепции историчес-

кого процесса кроется не только в особенностях ее геополитического положения, ментальности населяющих ее народов, национальных и исторических традициях и т.п., но и в том, что такая вариация не противоречит, более того, вытекает из самой природы исторического процесса как такового, из закона, по которому происходит развитие всеобщей истории.

Вторая посылка. Социализм — это не «пристань», к которой стремится приплыть человек в своих мечтаниях о справедливом обществе, и не итог, не конец истории (как в равной степени и самих исканий), а *этап исторического развития*, корни которого в настоящем. Поэтому, конструируя будущее, надо как бы «переворачивать модель наоборот», исходить из того, что какие-то ее элементы вполне могут стать не отдаленной, а близко лежащей перспективой — для истории, склонной к постоянной импровизации, такой вариант вполне логичен. По этой же причине развившись во всех своих фазах, может, даже до крайностей и нелепостей, социализм сам станет историческим плацдармом для развития более совершенных общественных форм, потому что вечна игра жизни, потому что у истории нет конца пока живо человечество.

Третья посылка. История вправе экспериментировать, народы — тоже. Если есть реальные предпосылки, любая возможность может осуществиться. Ход истории не предопределен, в его формулу входит много изменяемых начал, в том числе и возможность случая. В экономически отсталой стране разворот к социализму может произойти и по воле последнего, как говорится, «*ouigo pas*»? Эта вероятность даже более реальна именно для отсталой страны, поскольку ее социально-экономические и политические реалии дают широкий простор для «пробных зигзагов» истории.

Из этих методологических посылок родилась стержневая, структурообразующая идея «русского социализма» — *идея «перескока»* Россией фазы капиталистического развития. Правда, идея подкреплялась (наверное, чтобы отдать дань отечественной традиции) ссылками на достаточно популярную мысль о преимуществах «отсталых народов». Но у приверженцев «русского социализма» она была полностью лишена социального мистицизма и свободна от флера какого-либо русофильства. Идея покоилась на трезвой оценке российских реалий. «Мы в некоторых вопросах потому дальше Европы и свободнее ее, — писал Герцен, — что так отстали от нее. (...) Либералы боятся потерять свободу — у нас нет свободы; они боятся правительственного вмешательства в дела промышленности — правительство у нас и так мешается во все; они боятся утраты личных прав — нам их

еще надобно приобретать»⁴³. В общем, доводы, конечно, как бы мы сказали сегодня, популистские, не по существу. Но они не означали признания, что источником развития России может стать ее отрицательный потенциал. За ними стояла другая мысль: «Мы можем и должны пройти через скорбные, трудные фазы исторического развития наших предшественников, но так, как зародыш проходит низшие ступени зоологического существования»⁴⁴. Сама же мысль, не выражая биологического редуccionизма, формулировалась, исходя из общей посылки о схожести законов природы и истории в смысле их «естественной заданности».

В защите возможности некапиталистического развития высвечивается линия противостояния будущей либеральной модели: в «русском социализме» нет места проблемам гражданского общества, поскольку оно фактически отсутствовало в России середины XIX века. Гражданское общество — это проблема другого исторического цикла, другого витка Российской истории. Сначала необходимо решить вопросы, связанные с обеспечением его экономических и политических предпосылок, для чего необходима отмена крепостного права и коренное изменение формы государственного устройства. Социализм может создать такие предпосылки, а дальше все зависит от успехов его развития.

В такой постановке проблемы защитники «русского социализма» смотрели как бы дальше либералов, точнее, были более их, как это ни покажется странным, реалистами. В рамках самодержавия становление гражданского общества может растянуться надолго и осуществляться болезненно, сопровождаясь обострением социальных противоречий, что вызовет к жизни силы, готовые на насильственные действия против власти. (Этот именно сценарий и продемонстрировала российская история.) Такое развитие ситуации осложнит процесс трансформации. У социализма, считали его защитники, для решения этой проблемы есть свои резервы и ресурсы, потому что в своей сути он близок к *идеям реформирования*. Сильная акцентировка этой составляющей утопического сознания позволяет назвать «русский социализм» *Новой утопией*, проложившей путь для более поздних моделей социального переустройства — уже в условиях некоторых его завоеваний.

Важно также отметить особые предостережения Герцена относительно характера осуществления некапиталистического пути развития: последний требует своих организационных мер, своей подготовительной работы с тем, чтобы устоять перед искушением «перескочить сразу — от нетерпенья». Новая организация общественной

жизни не должна насаждаться принудительными средствами или силой авторитета ее непосредственных инициаторов, — она должна иметь реальную почву. Процесс ее становления не должен сопровождаться ломкой исторически сложившихся форм социально-экономической жизни, для России таковой является крестьянская община. На Западе ее не было — там не было и предпосылок для «перескока», в России она была — и это давало ей свой исторический шанс. Возможно, он заведет в тупик. А возможно, и нет. Но в любом случае «общинный социализм» вполне реален, хотя и выражает лишь «частный случай» нового экономического устройства, новой гражданственности, одно из их приложений»⁴⁵.

Обращение к крестьянской общине придавало учению более ясную очерченность, ставя его на конкретную почву, давало адекватную его природе (право каждого на землю, коллективное владение землей, мирское управление) «общественную единицу» и переводило разговоры о социализме из Европы в Россию. В обращении к общине можно усмотреть связь со славянофильской моделью российской истории, но эта связь все-таки внешняя, ибо защита общинных принципов в «русском социализме» продиктована не склонностью культивировать национальную самобытность, а желанием соединить достижения западной цивилизации с особенностями жизни русского народа. Но главное — признавалась внутренняя противоречивость общины, усматривавшаяся в признании последней, с одной стороны, права каждого на пользование землей, т.е. права на свободное самовыражение в сфере хозяйственной деятельности, с другой стороны, системы обязательных общинных регламентаций, которые ставили границы развитию человека тем, что «присваивали его независимость».

Это противоречие считалось преодолемым, собственно, с разрешением его и связывалась задача социализма. Социализм освободит общину от примесей, внесенных в нее монголизмом, бюрократией, немецкой военщиной, крепостничеством, от чуждых ей наслоений. «Дайте общине свободно развиваться, — убеждал Огарев, — она договорится до определения отношений лица к общине; она (...) даст право независимости лицу»⁴⁶. На чем основывалась эта уверенность — сказать трудно, но очевидно одно: община мыслилась способной в процессе развития снять преграды, ограничивающие свободное самовыражение и развитие отдельного человека. И только при *этом* условии она обеспечит утверждение социалистических принципов хозяйства и общественных норм жизни.

Установка на сохранение общины как социально-экономической ячейки преобразованного общества определила главное направление построения будущего России: Европа пойдет *«пролетариатом к социализму, мы социализмом к свободе»*⁴⁷. Существенно, что при этом уповании на экономическую и духовную силу общины авторы «русского социализма» оставались западниками, ибо задача виделась в том, чтобы, сохраняя народное начало, связанное с общественным правом собственности и самоуправлением, усвоить образцы и достижения европейской культуры. Видимо, сказывался тот факт, что все-таки «Россия проделала свою революционную эмбриогению, — как они сами признавали, — в европейской школе»⁴⁸, что идеи социализма разрабатывались под влиянием западной философской культуры в целом и философской мысли в частности.

Итак, модель «русского социализма» строилась на базе материалистической интерпретации всеобщей и российской истории, она имела явно выраженный *сциентистский* характер, в ней модус должностования уступал место строгой концептуальной обоснованности. В этой связи можно вспомнить оценку ее П.И.Новгородцевым, считавшим, что *«самую веру в социализм Герцен растворяет в вечном потоке истории»*. В теории «русского социализма» трудно отделить социалистическую утопию от теории исторического процесса, но и последнюю невозможно представить в чистом виде, т.е. без обращенности к социалистическому идеалу. Для России задачи социализма связывались с общими задачами модернизации российского общества, с освобождением его от *«азиатской стоячести»*. (Не случайно во многих работах Герцена «русский социализм» стоит в одном ряду с «американской моделью развития».) Вот почему, будучи «русским», социализм в теории тяготел к достижениям научного знания своего времени, европейской духовной культуры.

2. Общественный идеал «русского социализма» вырос из критики капитализма, основанием которой был антропологический материализм Фейербаха и соответственно отношение к человеку как к субъекту истории. Капиталистическое общество не устраивало прежде всего (что естественно для всякой социалистической утопии) эксплуатацией труда и социальным неравенством. Социализм противопоставлялся ему как идеал разумности, справедливости, социального равенства. Но не в меньшей степени капитализм не устраивал складывавшимся в его рамках образом жизни — *буржуазным мещанством*, озабоченным только «столовой и спальней», индивидуализмом и ничем не обуздываемым стяжанием, убивающими в человеке субъектное, творческое начало. Капиталистическая цивили-

лизация не устраивала тем, что слишком заземляла человеческие порывы и интересы, мешая человеку понять и реализовать свое «положение рулевого» в общественной жизни и в истории. И это, считали авторы концепции, есть не меньшее зло, чем физическое насилие над личностью. Человеку необходимо сознавать, чувствовать себя не просто свободным, но именно субъектом той реальности, в которой он живет. Поэтому в знаменателе вопроса «кто виноват» в новой теории стоял вопрос «что делать?». Впрочем, эта устремленность на активное включение человека в процесс делания жизни есть черта, свойственная всей отечественной мысли. «В неразрывности теории и практики, отвлеченной мысли и жизни, иначе говоря, в идеале «целостности» заключается (...) одно из главных вдохновений русской философской мысли», — писал В.В.Зеньковский⁴⁹. В «русском социализме» эта черта вплеталась в ткань общественного идеала, придавая ему неповторимый динамизм.

Напомним, что в утопии общественный идеал соотносится с гармоничным, лишенным социальных противоречий состоянием общества. Для Герцена и Огарева социализм есть этап истории, в своей динамике связанный, как и все предшествующие, с постоянной борьбой старого и нового, с переходом из одного состояния в другое, с преодолением противоречий, свойственных ему как и любому другому обществу. Конечно, это иные противоречия, нежели те, что знает капиталистическая цивилизация, но они есть и будут, потому что история — это движение, это смена хаоса и порядка, это постоянно бурлящий поток. В этой связи интересна герценовская типология самого социализма, которую можно вывести из его работ. Придавая ей принципиальное значение, некоторые исследователи обращают внимание на тот факт, что с конца 40-х годов Герцен начинает различать коммунизм и социализм, подчеркивая их преходящий характер, выделять «коммунизм» как наименее развитую форму социализма. В его работах появляется ряд категорий — «коммунизм», «коммунистический социализм», «социализм», предостережения, что зловещий, кровавый «коммунизм» будет господствовать в первой фазе будущих революционных событий в Европе, чтобы потом завершиться выработкой более гуманных форм «социализма». В свою очередь последний «разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, после чего займет место консерватизма» и будет побежден грядущей, неизвестною нам революцией⁵⁰.

Тогда возникает вопрос, что определяет содержание социалистического идеала в «русском социализме»? Ведь во всех утопиях с ним связываются некоторые константы общества, фиксирующие его ста-

тичное состояние в смысле достигнутого и желаемого. Для Герцена и Огарева социалистический идеал — это скорее не состояние, вернее, не столько состояние, сколько исторически меняющаяся *система ценностей*, которой человечество руководствуется, осваивая социальную реальность, моделируя ее будущее. Конечно, в таком значении общественный идеал выступает в любой утопии, но его значимость в качестве структурообразующего принципа конструирования будущего может быть различной и место «идеала-мерки» вполне может занять «идеал-идол». «Русский социализм» в наибольшей степени, нежели другие социалистические утопии, свободен от идолопоклонства в связи с отмеченной выше позицией: социализм есть этап в развитии человечества и потому связанный с ним идеал общественного устройства не скован жесткими нормативами.

Важен и еще один момент. В модели Герцена и Огарева будущее общество предстало не только изобильным, благополучным, справедливым и свободным, но и обществом, обеспечивающим формирование личности, готовой к *социальному действию*, способной включиться в исторический процесс. История развивается по объективным законам, более того, как уже отмечалось, свободна от теологической направленности, «бросается во все стороны», но люди все-таки «не нитки и не иголки в руках фатума, шьющего пеструю ткань истории», потому что «хозяина нет, рисунка нет, одна основа» и человек может переменить узор ковра³¹. История допускает вмешательство человека в ход исторической необходимости: она готова идти с каждым и каждый может вставить в нее «свой стих». Но этот стих должен быть «звучен» — в противном случае он не будет услышан историей. «Услышит — не услышит» — зависит от того, сможет ли человек вынырнуть из рутины повседневных забот. Может показаться, что авторы отказывали человеку в праве на повседневность, требуя от него постоянной мобилизации жизненных сил на благо всех, каждодневного героизма и революционного подвижничества. Нет, речь шла о другом — о том, чтобы наполнить повседневную жизнь людей смыслом творчества, свободного самовыражения, нравственных поисков. Задача именно из области идеала, потому что народ в своей массе в ситуации повседневности бывает далек от таких побуждений, и классики отдавали себе в этом отчет. Так Герцен отдавал себе отчет и в том, что в своей массе народ не только склонен к мешанскому образу жизни, но и к слепому повиновению, к проявлению так называемого стадного сознания. «Народы, массы — это стихии, океаниды, — писал Герцен в книге «С того берега»; — их путь — путь природы, они, ее ближайшие приемники, влекутся темным инстинктом, безотчетными

страстями, упорно хранят то, чего достигли, хотя бы оно было дурно; ринутые в движение, они неотразимо увлекают с собой или давят все, что попало по дороге, хотя бы оно было хорошо. Они идут, как известный индийский кумир, все встречные бросаются под его колесницу, и первые раздавленные бывают усерднейшие поклонники идола»⁵². Поэтому пафосом общественного идеала стало неприятие буржуазного мещанства.

Выбрав такое направление его разработки, авторы «русского социализма» поставили себя в позицию, принципиально отличавшую их от предшественников, да и современников тоже. Их критика пороков капиталистической цивилизации была упреждающей в двойном смысле: с одной стороны, критикуемый капитализм для России еще не стал реальностью, с другой стороны, критикуемая реальность еще не проявила себя в развитой форме, была схвачена суть тенденции, которая выразится в полной мере лишь в будущем. Критическому анализу были подвергнуты те явления, которые в XX веке будут названы «бегством от свободы» и станут объектом внимания и тревожных размышлений Х.Ортеги-и-Гассета, Э.Фромма, Г.Маркузе. Герцен и Огарев, обосновывая содержание социалистического идеала, не только смогли подняться над своим временем, но и разглядели историческую перспективу с ее «болезненными точками роста». Их идеал потенциально противостоял «одномерному человеку» современной развитой промышленной цивилизации.

«Язвы капитализма» заставляли искать социальных гарантий от них, и они были найдены — в такой организации общественной жизни, при которой развитие общества (системы отношений и общественного порядка) спаены воедино с развитием человека, его духовности, культуры. Социализм мыслился как сообщество свободных, всесторонне развитых людей, а формирование гармоничной личности представлялось как его важнейшее социальное измерение. Немного позже тезис обретет несколько другую формулировку, но это не изменит его сути: коммунизм есть общество, «где свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех». Но это уже не Герцен и Огарев, а Маркс и Энгельс.

Общественный идеал включил нравственное самосовершенствование человека, что было новым для утопии. Без воспитания в каждом — уже *сегодня*, а не завтра, как предлагали прежние утописты — критического отношения к себе и миру, без целенаправленных стараний внедрять в жизнь (свою и окружающих) такие формы организации труда, жизни, которые, с одной стороны, основываются на добротворности, с другой — культивируют честное предприниматель-

ство и принцип соперничества, построение нового общества невозможно. Иными словами, социализм должен быть подготовлен *культурно*, и в этой подготовке «человеческий капитал», как бы мы сказали сегодня, играет существенную роль. Поэтому пафос социалистического идеала был обращен именно к живущему поколению и, надо сказать, не остался без ответа: ему российское общество обязано появлением того типа людей, которые взволновали общественность 60-х годов XIX века, сподвигнув ее на «уход в народ» — акцию, может, и сомнительную с точки зрения здравого смысла, но понятную и оправданную с точки зрения общественной морали. В гражданскую оппозицию вошел жаждающий действий разночинец, видящий в таком поведении и способ преобразования действительности, и достойную форму индивидуального поведения. Отсюда мысль о возможности «переноса» из будущего в настоящее «все, что можно перенести» (Чернышевский). В этой связи примечательна модель поведения, предложенная позже в романе Н.Г.Чернышевского «Что делать?».

В структуре теории «русского социализма» общественный идеал приобрел не только культурное, но и *экономическое обоснование*, что было связано с обращенностью его авторов к экономическому фактору исторического развития. Это не было новым словом в утопическом моделировании, ведь к этому времени были уже разработаны проекты Сен-Симона, Фурье и Оуэна. Но общая направленность критики капитализма и материалистическая интерпретация исторического процесса придавали этому обоснованию *новаторский* характер, во всяком случае тот здравый смысл, который в известной мере выводил его за границы утопии. «Твердыню собственности и капитала надобно потрясти расчетом, двойной бухгалтерией, ясным балансом дебета и кредита», — был уверен Герцен⁵³. Той же позиции придерживался и Огарев: «Без всякого сомнения социализм связан с наукой действительного опыта и расчета, — писал он. — (...) А наука опыта и расчета без сомнения связана с философским реализмом, она не может взять себе другого основания, не изменяя самой себе»⁵⁴. Надо заметить, что такой позиции придерживались представители и экономической науки. Именно в это время (конец 40-х годов) о необходимости соединения социалистической утопии с политической экономией писал экономист проф. Петербургского университета В.А.Милютин, утверждавший, что это сближение внесет в утопию знание законов исторического развития (придаст характер «научной формулы»), приблизит ее к действительности и позволит понять ее в соответствии с ее собственными задачами. Результатом станет новая

наука об обществе, цель которой виделась в приложении открытых истин к жизни и в преобразовании экономического устройства соответственно с требованиями разума и общей пользы.

Философский реализм — это материалистическое мировоззрение, «наука опыта и расчета» — это политическая экономия XIX века. На их базе «наука общественного устройства все больше и больше приходит к необходимости принять за свое средоточие экономические отношения общества», переводя задачи социального развития «из неопределенности слишком широкой постановки в пределы, яснее очерченные». В таком контексте социалистический идеал обретал исторически-конкретные черты. Соединение политической экономии с учением о социализме разворачивало последний к реальной жизни, укрепляло его «научным началом»⁵⁵. Чуть позже идея была подхвачена другим защитником «общинного социализма» — Чернышевским, для которого экономическое обоснование социалистического идеала стало методологической установкой, позволившей сделать главный вывод: *социализм есть неизбежный результат социально-экономической истории человечества*⁵⁶.

В характеристике всякого общественного идеала важное значение имеет вопрос о том, *какими* социальными средствами предполагается его достижение. Этот вопрос является важным и для характеристики «русского социализма». В поисках ответа на него Герцен и Огарев следуют сенсимонистской традиции, обращаются к опыту Французской революции, признавая ее исторически-закономерный характер. Однако ее разрушительная стихия наводила на мысль скорее о ее неразумности, нежели об исторической целесообразности, свидетельствуя о пагубности насилия вообще как средства решения социальных задач. Заметим, что уже в первой своей работе «О месте человека в природе» (1832 г.) Герцен определяет якобинскую диктатуру, как «темный кровавый терроризм». От оценок он постепенно переходит к концептуальному осмыслению и террора, и насилия.

В этом отношении важно его известное письмо «К старому товарищу», которое можно рассматривать как своеобразное духовное завещание следующим поколениям. Исходный тезис формулируется достаточно жестко: «Я не верю в серьезность людей, — пишет Герцен, — предпочитающих ломку и грубую силу развитию и сделкам»⁵⁷. Эту оценку он перенесет и на пролетарскую революцию как способ реализации социалистической идеи, хотя найдет объективное основание для разрушительной направленности последней: «пролетариат будет мерить в ту же меру, в которую его мерили», и поэтому социалистические идеи явятся «при зареве горящих дворцов, на развали-

нах фабрик и присутственных мест»⁵⁸. Пролетарская революция как стихия насилия не может стать мостом между настоящим и будущим, — слишком разрушительны ее интенции, слишком велика опасность перерождения революционных действий в революционный авантюризм, в практику манипулирования сознанием слепой толпы. В революционном огне может погибнуть главный капитал, в котором «наслоилась летопись людской жизни и скристаллизовалась история», и тогда из всего былого и нажитого будет сделана скучная мастерская, вся выгода которой будет состоять в одном пропитании. «Насильем и террором распространяются религии и политики, учреждаются самодержавные империи и нераздельные республики, насильем можно разрушать и расчищать место — не больше. Петроградизмом социальный переворот дальше каторжного равенства Гракха Бабефа и коммунистической барщины Кабе не пойдет. Новые формы должны все обнять и вместить в себе все элементы современной деятельности и всех человеческих стремлений. (...) Не душить одни стихии в пользу других следует грядущему перевороту, а уметь все согласовать — к общему благу»⁵⁹.

Переход к социализму, укоренение социалистического идеала в реальную жизнь людей следует осуществлять деятельностью «развивательной». К таковой Герцен и Огарев относили Вольное слово, критическую рефлексию гражданской оппозиции, экономические реформы, политику, включающую методы компромисса и уступок. Ставка делалась на последние: «Проповедь нужна людям, — проповедь, неустанная, ежеминутная, — проповедь, равно обращенная к работнику и хозяину, к земледельцу и мешанину. Апостолы нам нужны прежде авангардных офицеров, прежде саперов разрушения, — апостолы, проповедующие не только своим, но и противникам»⁶⁰.

В контексте изложенного правомерным звучит вопрос: тогда в чем состоял утопизм предложенного «русским социализмом» общественного идеала, если политическая экономия придавала ему характер вполне «научной формулы» (Милютин), а осуществление предполагало практику социального реформирования? Кроме отмеченных выше моментов, утопизм состоял в том, что нельзя видеть в обращенности к экономике *гарантию* научной истинности. История импровизирует не только с общественными формами жизни, но и с людьми — их сознанием, психологией, мотивацией, стихией массовых действий и даже национальным менталитетом. Люди, конечно, как говорил Герцен, не «куклы», но это не значит, что они не выбирают себе «кукловодов», при этом сознательно и добровольно, а порой вопреки собственным интересам. Правда, эти просчеты привержен-

цев «русского социализма» история выявит позже, а в середине XIX века предложенная модель выглядела вполне реалистичной, более того, в силу своего очевидного здравого смысла она стала своеобразной интеллектуальной «стартовой площадкой» для разработки разнообразных социальных моделей. Но главное — она в немалой степени способствовала сближению идеи социализма с начавшимся в России революционно-демократическим движением. Впрочем, трудно однозначно ответить на вопрос, что стало первопричиной этого союза. На смену убеждению, что «и слово есть дело» (тезис 40-х годов), пришло сознание, что все-таки должно быть именно дело, конечно, подкрепленное необходимым словом, т.е. идеей. Этим был открыт путь для следующего этапа развития социалистической утопии: она соединилась с революционно-демократическим движением и отныне они будут идти в одном потоке.

Соединение социалистической утопии с революционно-демократическим движением свидетельствовало о превращении ее в факт революционной борьбы. Последнее фактически возвестило о начале конца социалистической утопии в ее классическом варианте. Идеи социализма переместились в область практики. Правда, как показал исторический опыт, сам по себе этот факт не освободил их от утопизма, ибо и практические действия могут завести в «историческое никуда», но принципиально изменился характер теоретических изысканий. Концепция Герцена, Огарева и Чернышевского сменилась теориями, в которых концептуальные основы классиков конкретизировались в программы социального действия.

Это время совпало с активной пропагандой социалистических идей, в которую включились блестящие публицисты — Н.А.Добролюбов, М.О.Михайлов, Н.В.Шелгунов, Н.А.Серно-Соловьевич, Д.И.Писарев, П.Г.Заичневский. Они заговорили о социализме другим языком, да, собственно, и о другом социализме. Их усилиями идеи социализма переводились на уровень прикладных разработок, связанных по большей части с тактикой революционной борьбы. Исповедуя идею, что борьба за социальную справедливость есть личная задача индивида, которую он должен осознать в качестве своего внутреннего долга, новое поколение сформулировало идею социализма одновременно как политический и нравственный принцип, как модель социального трансформирования и индивидуального поведения. И мало кто увидел в этом будущую «ловушку» для социалистического идеала.

«Действенное народничество» выступило как против пережитков крепостничества, так и против буржуазного пути развития России. Социалистический идеал был размыт социал-демократической

волной, «Русский социализм» потеснили идеи П.Л.Лаврова, К.Н.Михайловского, П.Н.Ткачева, В.В.Берви-Флоровского. Предметом бурных обсуждений и острых споров стали вопросы о формах революционной борьбы: чему отдать предпочтение — усилению пропаганды социалистических идей в народе, призывам к бунту против самодержавия, массовому террору в отношении представителей властных структур, покушениям на членов царской семьи? Широкий отклик получают идеи анархизма, вставшего на защиту общественной самоорганизации, покоящейся на началах самоуправления. Правда, во всех этих идеях было не мало утопизма — упования на разрушительную силу массовых действий, веры, что насилие может породить согласие, что воля и свобода тождественны в своей сути⁶¹.

Среди тех, для кого единение социализма с практикой революционной борьбы стало предметом тягостных и тревожных раздумий, был и Герцен. Он смог как бы приоткрыть занавес истории и увидеть, что произойдет через несколько десятилетий: «Замечено, что у оппозиции, которая открыто борется с правительством, всегда есть что-то от его характера, но в обратном смысле, — писал он. — И я уверен, что существует известное основание для страха, который начинает испытывать русское правительство перед коммунизмом — это русское самодержавие наоборот»⁶². В этом же ключе звучат и предостережения против скорой ломки общественных институтов, организующих социальную и индивидуальную жизнь, обеспечивающих сложный и многогранный процесс социализации живущего и подрастающего поколения. Революционный эксперимент с формами общественного устройства непозволителен пока не достигнуто необходимое для этого «*совершеннолетие большинства*», ибо «нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены *внутри*. (...) народам легче выносить насильственное бремя рабства, чем дар излишней свободы»⁶³, ибо у свободы есть свои лабиринты и тупики. Как говорится, имеющий уши, да услышал бы. — Не услышали. Крестьянская социалистическая утопия уступила место пролетарской большевистской, но эта последняя пока не заявила о себе «во весь голос». Ее время еще не пришло.

Российская история подходила к новому этапу своего развития, историческую необходимость и назначение которого выразило новое поколение оппозиционеров, связавших свою идеологию с *либерализмом*, исходивших из естественных прав человека на свободу, безопасность, на сопротивление насилию как со стороны отдельных лиц, так и государства в целом, из признания правового государства гарантом гражданских свобод, из приоритета личности по отношению к обществу.

III.4. Либерализм у истоков Великих реформ

Самая общая предпосылка любой реформы — интеллектуальный прорыв к реальности как к предмету критики и объекту социальных преобразований, сближение сознания и практической деятельности в «точке исторического выбора», ставящей человека перед необходимостью определения направления и способов трансформирования бытия в соответствии с поставленной целью. Это есть общее условие адекватности реформаторской деятельности состоянию и перспективам развития социума, а соответственно и ее успешности. Иными словами, предпосылкой реформ является такой уровень рефлексии, при котором критическое осмысление общественного развития и возможностей индивида в качестве его субъекта переступает границы сознания и становится принципом практики. Это в свою очередь свидетельствует об «усилении способности человека сделать свою историю, самого себя предметом своей воспроизводственной деятельности, содержанием своей культуры, своего действия, предметом своей озабоченности, своей критики»⁶⁴.

Если речь идет о реформах «сверху» (а именно такой тип реформирования был реализован в преобразованиях 1861–1881 гг.), их успех невозможен не только без решительных действий власти, но и без принципиального согласия оппозиции, — в противном случае усилия государства будут «гаситься» последней самыми разнообразными средствами, вплоть до саботажа и организованного сопротивления «снизу». Оппозиция — это обязательный спутник реформ, действующая либо как их катализатор, либо как тормоз. От ее усилий во многом зависит характер и темпы инициированных правительством преобразований. У всякой реформы есть реальная опасность стать *проявлением цикличности*, внутри которой она зарождается, быть «засосанной инверсией» (Ахиезер), превратиться в свою противоположность, т.е. стать контрреформой. Поэтому интенция любой реформы — вывести общественные процессы на линию прогресса, раскачать маятник истории, придать ей допускаемое целями реформаторства ускорение. Амплитуда маятника во многом зависит от действий оппозиции.

Что собой представляла в этом отношении ситуация конца 50-х годов, предшествующая Манифесту 19 февраля 1861 года?

В это время сложившаяся в 40-е годы демократическая оппозиция пока еще наступает на самодержавие единым фронтом. Демократы («левые» и более умеренные) и либералы продолжают критику самодержавия, оставаясь в «одной связке», чему в немалой степени

способствовала деятельность А.И.Герцена в Лондоне по созданию и работе Вольной русской типографии. Начало конструктивного разговора в связи с возможной отменой крепостного права было начато в 1855 г. К.Д.Кавелиным его известной «Запиской об отмене крепостного права», частично опубликованной Н.Г.Чернышевским в «Современнике» и И.А.Герценом и Н.П.Огаревым в третьем сборнике «Голоса из России». Чуть позже спор (с обострением позиций по данному вопросу) был продолжен в 1856 году публикацией в «Колоколе» «Письма к издателю», авторами которого были К.Д.Кавелин и Б.Н.Чичерин. В письме за подписью «русский либерал» говорилось о предпочтительности мирных, т.е. бескровных, форм развития общества по пути социального прогресса. «Значение революции мы понимаем, — говорили авторы письма; — мы знаем, что там, где господствует упорная охранительная система, не дающая места движению и развитию, там революция является как неизбежное следствие такой политики. Это вечный закон всемирной истории. Но мы смотрим на это, как на печальную необходимость, как на грустную сторону человеческого развития и считаем счастливым народ, который умеет избежать насильственные перевороты»⁶⁵. По мнению Кавелина и Чичерина, после потрясений Крымской войны царь сможет перейти на сторону «просвещенных и благородно мыслящих людей России» и в этом они видели гарантию бескровности и успешности возможных реформ.

Убеждение двух либералов покоилось на признании «закона постепенности, проникающего все явления», на их концепции всемирной истории. История есть закономерный процесс, в своем движении она подчиняется всеобщим законам. Жизнь народа в истории происходит в соответствии с внутренними причинами, осуществляясь через движение от прошлого к настоящему и от него к будущему. Движущей причиной этого процесса является человек. Содержание, разумность, нравственный смысл истории определяется его положением в обществе, возможностями действовать в качестве творческого начала. Поэтому движение истории есть там, где есть развитие личности. «Для народов, призванных ко всемирно-историческому действию в новом мире, такое существование без начала личности невозможно. Иначе они должны бы навсегда оставаться под гнетом внешних, природных определений, жить, не живя умственно и нравственно. Таким образом, личность, сознающая сама по себе свое бесконечно безусловное достоинство, — есть необходимое условие всякого духовного развития народа» — писал Кавелин⁶⁶. Степень развития личностного начала является критерием исторического прогресса.

Народы, приносящие интересы личности в жертву каким-либо внешним целям, выпадают из истории, что обрекает их на отставание в развитии всех форм общественной жизни.

Во всех своих построениях Кавелин и Чичерин исходили из признания творческого начала личности в качестве движущей пружины истории и высшей ценности. «Значение человеческой личности не ограничивается тем, что она становится органом всемирно-исторического процесса, — скажет Чичерин позже в развитие идей, отстаиваемых в 50-е годы вместе с Кавелиным. — Как носитель абсолютно начала, человек сам по себе имеет абсолютное значение»⁶⁷. История как развитие духовных сил человека осуществляется в виде кумулятивного процесса, т.е. накапливает все позитивное, наработанное человечеством. Поэтому на каждом этапе своего развития она располагает различными возможностями для отдельного народа. «Каждая эпоха может дать, люди эпохи способны принять только известное, отмеренное количество добра и именно то количество, которое заготовило для них их прошлое. Другими словами: что посеешь, то и пожнешь»⁶⁸.

В контексте такой интерпретации исторического процесса чрезвычайно большое значение придавалось свободе как силе, раскрепощающей творческое, индивидуальное начало в человеке. «Индивидуальность есть почва всякой свободы и всякого развития, без нее немислим человеческий быт», — уверен Кавелин⁶⁹. Свобода — это атрибутивное свойство человека (и соответственно общества), смысл ее заключается в способности личности к осознанию и проявлению своей независимости от чего (и кого) бы то ни было. Общество по природе своей — это *духовный* и в силу этого *свободный* организм, т.е. состоящий из самостоятельных единиц. Для свободного человека нет ни эллина, ни иудея, ни Востока, ни Запада, — принадлежа к определенной народности, он живет жизнью всего человечества. И поэтому лишь в живом взаимодействии с общечеловеческими началами и сводя свои собственные на степень последних, народ может встать в уровень с другими народами и принести свою дань человечеству.

Такое взаимодействие исключает насилие над исторически сложившимися общественными формами. Насилие, откуда бы оно ни шло, сверху или снизу, задерживает прогресс и может сокрушить социальный организм или надолго сделать его больным и немощным. Вопрос о позитивной роли в истории насилия (революции) и реформ Кавелин и Чичерин решали в пользу последних. Конечно, возможны «зигзаги истории», внезапные перевороты, скачки, «но это дело временное и, успокоившись, народ «опять-таки возвращается на прежнюю точку и

продолжает свое шествие, медленное и постепенное, но зато уже неизбежно достигающее цели»⁷⁰. Вообще «насиленно освобождать кого бы то ни было значит убивать свободу в самом ее источнике, обращать людей в рабов свободы, т.е. в нравственных уродов»⁷¹.

В соответствии с этими позициями рассматривался вопрос об отношении России к Европе и ее будущему. Наше историческое движение в определенном смысле обратно европейскому, считал Кавелин. Последнее началось с блистательного развития индивидуального начала. В основание европейской общественности легла развитая личность. «Личная независимость, личная свобода, возможно-нестесненная, всегда были исходной точкой и идеалом в Европе»⁷². В России же личностное начало проявилось позже и принципиально иначе — через распадение родового быта и возникновение сильного государства, которое «организовалось сверху, а не снизу» и стало исходной точкой развития России с XV века⁷³. Последнее обстоятельство наложило свой отпечаток на всю отечественную историю: в России все реформационные преобразования общества, в отличие от Европы, осуществлялись до сих пор «сверху», а не «снизу» и этот фактор необходимо учитывать в осуществлении грядущей реформы. — Таково было мнение обоих либералов. Предстоящие реформы они связывали с движением российской истории по пути, обозначенным Петром. С его правления, считали они, начинается подлинная история России: к этому времени древняя русская жизнь «развила все начала, которые в ней скрывались, все типы, в которых непосредственно воплощались эти начала. (...) Она сделала все, что могла, и, окончивши свое призвание, прекратилась»⁷⁴.

Древняя русская жизнь исчерпала себя вполне. Сожалеть о ней, пытаться вернуть ее формы — невозможно и ошибочно, как в равной степени неправильно порицать их, не видеть стоящего за ними прошлого. И то, и другое обнаруживает взгляд неисторический, следовательно, непременно ложный. С петровских реформ личностное начало «узаконилось» в нашей жизни, теперь пришло его время *действовать* и развиваться, когда личность может осознать и поставить себя *безусловным мерилom всего*. Социальные процессы, спровоцированные отменой крепостного права, станут историческим пространством для проявления и развития личностного начала истории, свидетельством того, что Россия начинает входить в жизнь общечеловеческую. Реформа создаст условия для сближения европейского и российского движения, подведет их к точке пересечения, после чего они «выравниются». Последнее станет подтверждением факта, в котором ни Кавелин, ни Чичерин не сомневался: «Россия — страна ев-

ропейская, которая не вырабатывает неведомых миру начал, а развивается, как и другие, под влиянием сил, владычествующих в новом человечестве»⁷⁵.

Эти идеи стали идеологическим обоснованием необходимости крестьянской реформы, теоретическим базисом предложенной либералами модели преобразования российского общества, близкой к «европейскому стандарту». С этого момента либерализм начинает конкурировать с социализмом, заявив о себе как о самостоятельной силе.

Но теперь вернемся к характеристике оппозиционного движения, каким оно было в момент опубликования в «Колоколе» «Письма к издателю».

К этому времени вся демократическая оппозиция склонялась к признанию возможности реформ «сверху». Примечательно в этой связи письмо Герцена к Александру II, в котором он восклицал: «Господи! чего нельзя сделать этой весенней оттепелью после николаевской зимы»⁷⁶. Приветствуя намерения царя, он вдруг увидел в нем «мощного деятеля, открывающего новую эру для России», работающего для ее великого будущего. Даже Чернышевский, позиция которого всегда была на порядок радикальнее герценовской, тоже впал в утопию относительно способности правительства развязать гордиев узел крестьянского вопроса. Уповав на разумность царя, он считал, что деятельность отдельного человека, наделенного властью, вполне может давать «хорошее направление самому дурному механизму». Корни этого утопизма, разумеется, лежали не в вере в личные качества Александра: Чернышевский был убежден, что, «чем ровнее и спокойнее ход улучшений, тем лучше»⁷⁷. Понимая, что путь революции слишком дорого обходится нации, он хотел верить, что прозорливость существующей власти может предупредить революционный ход событий.

Надо сказать, что поведение правительства давало основания для такого рода иллюзий. Речь Александра II перед московским дворянством 30 марта 1856 года о необходимости отмены крепостного права, когда были произнесены известные слова о том, что лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу, а также его рескрипты 1857 года вселяли определенные надежды. Вот почему к концу 50-х годов позиции демократов и либералов относительно переустройства российского общества и перспектив отмены крепостного права еще совпадали. И те, и другие готовы были объединенными усилиями поддерживать начинания царя.

Но к осени 1858 г. ситуация в лагере демократической оппозиции меняется. Чернышевский приходит к выводу, что безнадежно ждать от Александра II роли «государственного человека», что рефор-

мы становятся «мерзостью», грабежом крестьян; руководимый им «Современник» полностью оставляет тактику «подталкивания верхов» и отстраняется от всякого участия в обсуждении реформы. Лейтмотивом критики становится раскрытие неспособности самодержавного бюрократического аппарата к позитивным реформаторским действиям. Изменилась и позиция «Колокола». «Нас упрекнуть нельзя, — писал Герцен. — Мы держались до последней крайности (...) Прощайте, Александр Николаевич, счастливого пути! — Bon voyage!.. Нам сюда»⁷⁸.

Главной вновь становится обличительная критика самодержавия, правительственной бюрократии. Поводов для такой критики было предостаточно. Особенно резко отозвался «Колокол» на назначение вместо умершего Я.И.Ростовцева В.Н.Панина. «Глава самой дикой, самой тупой реакции — поставлен главою освобождения крестьян», — писал журнал 15 марта 1860 года, обведя сообщение траурной рамкой. В самом деле, сомнений в успешности реформы было немало. В ее разработке и реализации были заняты чиновники, ранее бывшие противниками освобождения крестьян. Такая «кадровая политика» позволяла самодержавию, контролируя процесс, лавировать между либералами и крепостниками, отстаивая в реформаторстве свой собственный интерес. Но в такой ситуации все труднее было «сохранить лицо»: очевидной становилась ограниченность и непродуманность мер по отмене крепостного права и последующему формированию гражданского общества.

Между тем либералы все чаще заявляют о своей поддержке царя, что стало последней причиной полного разрыва с демократами. Не в последнюю очередь именно это обстоятельство придаст реформам ту масштабность и направленность, благодаря которым время их осуществления войдет в отечественную историю как эпоха Великих реформ. Одновременно изменится и характер либеральной критики, она станет более умеренной и вместе с тем более конструктивной. Не случайно именно из нее, уже на откате реформ, родится «новый либерализм» (П.И.Новгородцев, Б.А.Кистяковский, С.И.Гессен), который станет идеологией оппозиции, доведшей дело в «мирном устранении» самодержавия до конца и сделавшей прорыв к демократическим идеям XX века⁷⁹.

Усилению позиций либерализма в немалой степени способствовал тот факт, что в это же время нарушилось единство внутри демократического лагеря. Чернышевский стал расценивать обличительную критику «Колокола» как недостаточную, поскольку она не затрагивала самого царя и не содержала *социалистической программы действия*. «Современник» требовал от Герцена и Огарева призывов к ра-

дикальным мерами против самодержавия. Его кредо как органа левого крыла демократической оппозиции было близко пафосу «русского человека», автора «Письма из провинции», опубликованного 1-го марта 1860 года «Колоколом»: «Нет, наше положение ужасно, невыносимо, — восклицал анонимный автор письма, — и только топор может нас избавить, и ничто кроме топора не поможет! ... пусть ваш Колокол благовестит не к молебну, а звонит набат! К топору зовите Русь. — Прощайте и помните, что сотни лет уже губит Русь вера в добрые намерения царей, не вам ее поддерживать»⁸⁰.

Позиция Герцена, связанная с его системой взглядов на историю, была не столь радикальна: призвавши к топору, считал он, надо иметь план, силы и готовность «лечь костями», если *топор слишком расходуется*. Ни плана, ни сил, ни такой готовности у демократической оппозиции накануне Манифеста 19 октября 1861 года не было. В итоге она оказалась в определенном смысле «на распутье», т.е. без программы действий. Через некоторое время она соберет свои силы и сориентируется в обстановке настолько, что от бичевания самодержавия перейдет к практике создания революционных организаций («Земля и воля»), к созданию революционного подполья. Но ее нажим на правительство не сыграет *позитивной роли* в осуществлении реформ, а у самодержавия появится новый противник, более радикальный, чем демократы — взбунтовавшееся на волне реформ крестьянство. Массовое крестьянское недовольство вызовет тревогу даже у Чернышевского: народ невежествен и полон грубых предрассудков, поднявшись против власти, он станет «уничтожать всю нашу цивилизацию». И уже в 1862 году он откажется от надежд на действия масс. В этих условиях ведущая роль в осуществлении реформ оправданно перейдет к либералам и оспаривать ее будет бессмысленно. Пути демократов и либералов разойдутся до полного взаимонепонимания. Этот факт, как справедливо отмечают Плимак и Пантин⁸¹, станет одним из драматических в отечественной политической истории: вместо того, чтобы дополнять друг друга, как это было в США и в Западной Европе, эти две силы войдут в ожесточенное столкновение, что деформирует и демократическую, и либеральную оппозицию. Демократизм все более будет принимать плебейски разрушительный характер, а либерализм будет вынужден сближаться с охранительной тенденцией, поддерживая действия правящей элиты.

К началу 60-х годов самодержавие приобрело в лице либерализма авторитетного союзника. Именно либералы в течение двадцати лет будут определять идеологическую направленность осуществляемых преобразований. Это будет тот недолгий период в истории отечествен-

ной мысли, когда она приблизится к действительности и, адекватно поняв ее потребности, сможет какое-то время направлять историческое движение, нейтрализуя действие его стихийных сил. В 1862 году выйдет брошюра Кавелина «Дворянство и освобождение крестьян». О ней стоит сказать несколько слов отдельно. В этой работе Кавелин выступил против идеи конституционной монархии, полагая, что дворянское сословие, используя конституцию в своих целях, создаст сильный противовес дальнейшим реформам, что чревато революционным взрывом. «Выгнать династию, перерезать царствующий дом — не трудно, но что это даст?» — спрашивает Кавелин. Дворянство не может взять на себя ответственность за дальнейшие преобразования, политически оно стоит изолированно (и даже враждебно) по отношению к другим сословиям, оно не представляет ничьих интересов, кроме своих собственных и при этом само «не составляет стройного, органического сословия». Кроме того, основная масса населения (80%) просто не понимала ситуации и тоже не готова была к гражданскому самоуправлению, среднего же сословия в России еще не было. При таких условиях представительное правление, считал Кавелин, невозможно, мысль о нем есть не более «как праздная мечта, отголосок раздражения и страсти, не взвешивающей настоящего, глубокого смысла слов»⁸². Даже если бы каким-то чудом конституция «досталась в руки дворянства», с горечью замечал он, то это была бы самая горькая ирония над его жалким теперешним положением.

В общем, говорить о представительном правлении, приходит к выводу Кавелин, еще рано. Русское общество не доросло до политических свобод. Необходима предварительная работа по введению прочного разумного и законного порядка взамен существующему в стране произволу. Это и должна обеспечить реформа, она подготовит общество, народ к политическому представительству. В этой связи Кавелин выдвинул идею межсословного компромисса и административной децентрализации: первый создаст почву для ограничения верховной власти конституцией, вторая — обеспечит условия развитию самоуправления и тем самым для перехода ко всеобщей представительной системе.

Конечно, большого оптимизма относительно перспектив обновления общества, предложенного самодержавием, Кавелин не испытывал. Но и другого пути, считал он, пока не дано. Очевидно и бесспорно одно — с реформ Александра II начнется новый период в истории России. «Что принесет он с собою, — писал он в письме баронессе Э.Ф.Раден 26 мая 1864 года, — этого нельзя сказать решительно, но можно предчувствовать по некоторым намекам. Важней-

ший намек тот, что у нас с лишком 5/6 населения мужики. В этом смысле можно предвидеть, что Россия призвана в истории разрешить вопрос о массах иначе и лучше, чем Европа»⁸³.

Такова была интеллектуальная и политическая ситуация в России накануне 19 февраля 1861 года. Роль конструктивной оппозиции взял на себя либерализм, во многом определив ход социальных преобразований на следующие 20 лет. Российская история неумолимо приближалась к завершению своего «самодержавного» цикла.

Примечания

- ¹ См. Манифест к русскому народу, найденный в бумагах С.Н.Трубецкого // Восстание декабристов. Т. 1. М.—Л., 1925. С. 107—108.
- ² Плимак Е.Г., Пантин И.К. Драма российских реформ и революций: (Сравнительно-полит. анализ). М., 2000. С. 98—99.
- ³ Там же. С. 99.
- ⁴ См.: Левандовский А.А. Время Грановского. У истоков формирования русской интеллигенции. М., 1990.
- ⁵ Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1909. С. 30.
- ⁶ Чаадаев П.Я. Философические письма // Чаадаев П.Я. Соч. М., 1989. С. 18.
- ⁷ См.: Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1989.
- ⁸ Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов. М., 1929. С. 6.
- ⁹ См.: Володин А.И. Гегель и русская социалистическая мысль XIX века. М., 1973; Кант и философия в России. М., 1994; Философия Шеллинга в России. М., 1998; Философия Фихте в России. М., 2000.
- ¹⁰ Приленский В.И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. М., 1995. С. 58.
- ¹¹ См.: Пустарнаков В.Ф. Философия просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа. СПб., 2001.
- ¹² См.: Аксаков К.С. Записка «О внутреннем состоянии России», представленная Государю Императору Александру II // Ранние славянофилы /Сост. Л.Бродский. М., 1910. С. 96.
- ¹³ Цит. по: Плимак Е.Г., Пантин И.К. Драма российских реформ и революций. С. 104.
- ¹⁴ Идеал, утопия и критическая рефлексия. М., 1996. С. 3.
- ¹⁵ Ахизер А.С. Россия: Критика исторического опыта. Т. 1: Социокультурная динамика России. Новосибирск, 1998. С. 51.
- ¹⁶ Кант О. Курс положительной философии. Т. 1. Отд. 1. СПб., 1899. С. 3.
- ¹⁷ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 69.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Идеал, утопия и критическая рефлексия. С. 142.
- ²⁰ Там же. С. 134.
- ²¹ Булгаков С.Н. Два Града. Исследования о природе общественных идеалов. Т. 1. М., 1911. С. XVII.

- Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление: Антология зар. лит. М., 1991. С. 148.
- 23 Более детально этот вопрос рассмотрен в разделе «Социалистическая утопия как тип социального моделирования» в кн.: Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Три модели развития России. М., 2000.
- 24 Флоровский Г.В. Метафизические предпосылки утопизма // Вопр. философии. 1990. № 10. С. 87.
- 25 Там же.
- 26 Свентоховский А. История утопий. М., 1910. С. 410.
- 27 Кирвель Ч.С. Утопическое сознание: сущность, социально-политические функции. Минск, 1989. С. 48.
- 28 Энгельс Ф. Добавление к Предисловию 1870 г. к «Крестьянской войне в Германии» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 499.
- 29 Битлов Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М., 1982. С. 19.
- 30 Мараваль Х.А. Утопия и реформизм // Утопия и утопическое мышление. С. 212.
- 31 Мангейм К. Идеология и утопия // Мангейм К. Диалог времени. М., 1994. С. 164.
- 32 Свентоховский А. Цит. соч. С. 423.
- 33 Фойгт А. Социальные утопии. СПб., 1906. С. 6.
- 34 Ласки М. Утопия и революция // Утопия и утопическое мышление. С. 174.
- 35 Фойгт А. Цит. соч. С. 6–7.
- 36 Герцен А.И. Порядок торжествует! // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 19. М., 1956. С. 193.
- 37 Герцен А.И. С того берега // Там же. Т. 6. С. 32–33.
- 38 Там же. С. 34.
- 39 См.: Герцен А.И. Былое и думы // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 11. М., 1956. С. 246.
- 40 Герцен А.И. Концы и начала // Там же. Т. 17. С. 346.
- 41 См.: Дебердеева Т.Х. Синергетический подход в познании социально-исторических явлений: Автореф. дисс... канд. филос. наук. М., 2003. Гл. 1.
- 42 См.: Плимак Е.Г., Пантин И.К. Цит. соч. С. 125.
- 43 Герцен А.И. Письма из Франции и Италии // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 5. М., 1956. С. 12–13.
- 44 Герцен А.И. Старый мир и Россия. Письма к В.Линтону. Письмо третье // Там же. Т. 12. С. 186.
- 45 Герцен А.И. Письма к путешественнику. Письмо второе // Там же. Т. 18. С. 357.
- 46 Огарев Н.П. Русские вопросы. Ст. третья: Крестьянская община // Огарев Н.П. Избр. социально-полит. и филос. произведения. Т. 1. М., 1952. С. 162.
- 47 Герцен А.И. К концу года // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 18. М., 1956. С. 469.
- 48 Герцен А.И. Старый мир и Россия // Там же. Т. 12. С. 186.
- 49 Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1, ч. 1. Л., 1991. С. 17.
- 50 См.: Плимак Е.Г., Пантин И.К. Цит. соч. С. 126.
- 51 Герцен А.И. Былое и думы // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 11. М., 1956. С. 253.
- 52 Герцен А.И. С того берега // Там же. Т. 6. С. 80.
- 53 Герцен А.И. К старому товарищу // Там же. Т. 20, кн. 2. С. 581.
- 54 Огарев Н.П. Частные письма об общем вопросе // Огарев Н.П. Избр. социально-полит. и филос. произведения. Т. 1. М., 1952. С. 731.
- 55 См.: Милютин В.А. Пролетарий и пауперизм в Англии и во Франции // Милютин В.А. Избр. произведения. М., 1946. С. 346.

- 56 См.: *Чернышевский Н. Г.* Критика философских предубеждений против обштинного владения; Капитал и труд; Очерки политической экономии.
- 57 *Герцен А. И.* К старому товарищу // *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 20, кн. 2. М., 1956. С. 593.
- 58 Там же. С. 573.
- 59 Там же. С. 578.
- 60 Там же. С. 593.
- 61 См.: *Федотова В. Г.* Анархия и порядок в посткоммунистической России // На перепутье. М., 1999. С. 126.
- 62 *Герцен А. И.* О развитии революционных идей в России // *Герцен А. И.* Соч.: В 8 т. Т. 3. М., 1975. С. 971.
- 63 *Герцен А. И.* К старому товарищу // *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 20, кн. 2. М., 1956. С. 590.
- 64 *Ахиезер А. С.* Россия: Критика исторического опыта. Т. 1. С. 51.
- 65 Голоса из России: Сб. А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Вып. 1. М., 1974. С. 26.
- 66 *Кавелин К. Д.* Взгляд на юридический быт древней России // *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй: Статьи по философии, русской истории и культуре. М., 1989. С. 22.
- 67 *Чичерин Б. Н.* Наука и религия. М., 1901. С. 132.
- 68 *Кавелин К. Д.* Разговор с социалистом-революционером // *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. С. 428.
- 69 *Кавелин К. Д.* Краткий взгляд на русскую историю // Там же. С. 162.
- 70 См.: Голоса из России. С. 32.
- 71 *Кавелин К. Д.* Разговор с социалистом-революционером // *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. С. 427.
- 72 *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй // Там же. С. 311.
- 73 *Чичерин Б. Н.* Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856. С. 575–576.
- 74 *Кавелин К. Д.* Взгляд на юридический быт древней России // *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. С. 58.
- 75 *Чичерин Б. Н.* О народном представительстве. М., 1886. С. 524.
- 76 *Герцен А. И.* Еще вариация на старую тему // *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 12. М., 1956. С. 432.
- 77 *Чернышевский Н. Г.* Пролог // *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 3. М., 1939. С. 244.
- 78 *Герцен А. И.* Письма из России // *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 14. М., 1956. С. 256–257.
- 79 См.: *Новикова Л. И., Сиземская И. Н.* Три модели развития России. М., 2000. «Колокол». Л. 64. 1 марта 1860. С. 533–535.
- 80 См.: *Плимак Е. Г., Пантин И. К.* Цит. соч. С. 276.
- 82 См.: *Кавелин К. Д.* Дворянство и освобождение крестьян // *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. С. 156.
- 83 См.: Русская мысль. 1899. № 12. С. 13.

ГЛАВА IV. РЕФОРМЫ ИЛИ «РЕВОЛЮЦИЯ СВЕРХУ» КАК МОДЕЛЬ МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ

IV.1. Либеральная волна и эпоха «Великих реформ»

Александр пришел к власти после сокрушительного поражения в Крымской войне, в которой против России выступили все ведущие европейские державы, объединенные реакционно-империалистскими устремлениями после подавления революции 1848 г. Первым делом молодого наследника было урегулирование тяжких последствий Крымской войны. После заключения весьма неблагоприятного мира он силой обстоятельств вынужден был сосредоточить свои усилия на решении внутренних проблем. Действительно, экономика и финансы страны были расстроены, отставание от ведущих капиталистических государств Европы стало таким, что России грозила опасность *навсегда* оказаться вне путей мировой цивилизации. Взволнованное общественное мнение требовало перемен. Следует отдать должное новому императору — он воспринял эти тревоги, осознал нависшую над страной опасность, но, как отмечает Л.Г.Захарова, «Александр II встал на путь освободительных реформ не в силу своих убеждений, а как военный человек на троне, осознавший «уроки» Крымской войны, как император и самодержец, для которого превыше всего был престиж и величие державы»¹.

Александр понял, что первоочередной задачей государственной необходимости является отмена крепостного права, прекрасно представляя, сколь трудно будет ее решение. Земля *по закону* принадлежала помещикам. Царь не мог насильно ущемлять права сословия, к которому он сам себя причислял, без потрясения основ самодержавия. И все же здравый смысл подсказал ему ход решения этой, казалось бы, неразрешимой задачи: инициатива должна исходить от самих помещиков. Обращаясь 30 марта 1856 г. к предводителям дворян-

ства в Москве, Александр, имея в виду отмену крепостного права, заметил: «Гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу» (выделено нами — Авт.)².

Решение крестьянского вопроса будоражило общественное мнение как либералов, так и консерваторов. В этой ситуации Александру II не оставалось ничего другого, как опереться на силу, которая могла бы оказать давление на консервативно настроенных помещиков. Такой силою могло быть только *общественное мнение*. Действительно, в результате гласности, послабления цензурных ограничений для прессы, запущенных с ведома императора, формировалось либеральное общественное мнение. Среди образованного общества в списках ходили диссидентские письма вчерашнего консерватора М. П. Погодина, перестроившегося в «крутого» либерала. Если вчера еще он ратовал за *просвещение* и *гласность*, то после московского выступления монарха поучал последнего: «Свобода! Вот слово, которое должно раздаться на высоте самодержавного русского престола»³.

Общество, освобожденное от гнета цензурных стеснений, обнаружилось стремление и способность к живой и широкой самостоятельности. Все зашевелилось, все заговорило и бросилось действовать, иногда и невпопад. Ясно было, однако, что прочное развитие промышленности и торговли и серьезное преобразование административного строя, образования невозможны при существовании крепостного права. Как отмечалось выше, первый проект решения этой проблемы представил в «Записке об освобождении крестьян» К. Д. Кавелин, опубликованной Герценом в 3 выпуске «Голосов из России» и в извлечениях Н. Г. Чернышевским в «Современнике». Заслуга Кавелина состоит не только в том, что его проект был первым, а в том, что он сумел сжато и вовремя сформулировать те идеи, которые витали в общественном мнении. «Многие убеждены, что Россия по своим естественным условиям — одна из самых богатых стран в мире, — так начинает свою «Записку» Кавелин, — а между тем едва ли можно найти другое государство, где бы благосостояние было на такой низкой ступени, где бы меньше было капиталов в обращении и бедность была так равномерно распространена между всеми классами народа»⁴. Исходя из этого, он предупреждает общественность, что «Россия осуждена окаменеть», «пока крепостное право будет составлять основу нашей общественной и гражданской жизни, ибо это гордиев узел, к которому сходятся все наши общественные язвы»⁵. По характеристике Б. И. Сыромятникова «Записка» Кавелина «явилась *итогом* его жизни и вместе с тем *синтезом* всей предшествующей работы в том же направлении русской общественной мысли, которая

уже со времен Радищева вынашивала в себе аболиционистскую идею» (от лат. — *abolitio* — отмена, уничтожение. — *Авт.*)⁶. Записка Кавелина, растиражированная всеми доступными средствами, ходила по рукам, не оставляя равнодушной либерально настроенную публику.

Обеспокоились и «плантаторы» черноземных областей, которые готовы были отпустить крестьян за выкуп, но без земли. В этой атмосфере общественного брожения должно было быть положено какое-то начало. Им стал знаменитый рескрипт на имя виленского генерал-губернатора В.И.Назимова. Зная настроения помещиков Остезийского края, жаждавших отпустить своих крестьян на все четыре стороны, но без земли, Назимов от их имени организовал соответствующее ходатайство перед императором. В ответ на него 20 ноября 1857 г. и последовал рескрипт. В нем от имени правительства было предложено образовать губернские комитеты для обсуждения условий освобождения крестьян и одновременно сформулированы, так сказать, рамочные условия, в которых утверждалась необходимость решения проблемы «*крестьянской оседлости*», т.е. обеспечения в той или иной форме крестьян землей.

Рескрипт Назимову, разосланный без промедления по всем губерниям, сыграл роль катализатора в подготовке крестьянской реформы, тем более что с обсуждения проблемы в интересах дела были сняты цензурные запреты. Именно в связи с рескриптом 20 ноября 1857 г. Герцен посвятил Александру восторженную статью с многозначительным эпиграфом: «Ты победил, Галилеянин!». «Имя Александра, — патетически писал он, — принадлежит истории: если бы его царствование завтра окончилось, если б он пал под ударами каких-нибудь крамольных олигархов, бунтующих защитников барщины и розги, — все равно, начало освобождения сделано им, грядущие поколения этого не забудут!»⁷. В таком же духе выдержана статья Чернышевского в «Современнике»: «Высочайшими рескриптами, данными 20 ноября, 5 и 24 декабря 1857 года, благополучно царствующий государь император начал дело, с которым по своему величию и благотворности может быть сравнена только реформа, совершенная Петром Великим»⁸. Имя Александра становилось необычайно популярным.

В ответ на рескрипт произошло размежевание общественного мнения помещиков на либералов, готовых идти на освобождение крестьян на обозначенных рескриптом условиях, — это, как правило, помещики средней, нехлебородной полосы, и «плантаторов», представлявших интересы черноземных регионов, готовых обсуждать вопрос об освобождении крестьян, но без земли. Под двойной пресс общественного влияния попал и император. Отсюда его колебания, или

как писал Герцен, «зигзаги слева направо», выразившиеся в частой смене руководителей и исполнителей программ, что не могло не сказаться на содержании реформы. Но тем не менее подготовка реформы шла своим чередом.

Начиная с рескрипта, решение крестьянской реформы перешло на государственно-бюрократический уровень. Ее реализацией занимались поддерживаемые царем видные государственные деятели, преданные идее либеральных реформ. Во главе сторонников реформ долгое время находился брат императора великий князь Константин Николаевич. Среди активных сторонников реформаторской деятельности Александра II необходимо выделить Я.И.Ростовцева, Н.А.Милютину, Ю.Ф.Самарина, много сделавших при подготовке и реализации крестьянской реформы⁹.

Опыт разработки крестьянской реформы свидетельствует, во-первых, что и авторитарная власть не чужда либеральному реформаторству, когда нужда заставляет. Во-вторых, любой авторитарный режим всегда имеет значительный правый фланг, который в силу своего положения препятствует любым либеральным начинаниям власти. Обсуждение вопроса в дворянских губернских комитетах вызвало массу споров, горячих столкновений между сторонниками и противниками реформы. Правительство, задействованные в разработке реформы специальные органы решили между тем не принимать в расчет любые предложения о безземельном освобождении крестьян. Вместе с тем Александр понял, что в условиях Российской империи с преобладанием в ней помещичьей собственности на землю единственной «законной» формой передачи земли от помещиков к крестьянам может быть только *выкупная операция* при поддержке государственной акции.

Работа над реформой не прекращалась ни на день. В Петербург были приглашены представители губернских комитетов по крестьянскому вопросу, но их пожелания были лишь выслушаны, к работе же Редакционной комиссии, возглавляемой Ростовцевым, их не допустили, чтобы не увязнуть в разноречиях. Однако под давлением «плантаторов» после смерти Ростовцева завершение работы комиссии было поручено более консервативным представителям государственного аппарата. Но император торопил разработчиков, не позволяя спустить реформу на тормозах. И как ни тянули чиновники-консерваторы, проект реформы был своевременно передан на рассмотрение Государственного совета. 28 января 1861 г. его открыл сам император, который в своей вступительной речи заявил: «Дело об освобождении крестьян, которое поступило на рассмотрение Го-

сударственного совета, по важности своей я считаю жизненным для России вопросом, от которого будет зависеть развитие ее силы и могущества. Я уверен, что вы все, господа, столько же убеждены, как и я, в пользе и необходимости этой меры. У меня есть еще другое убеждение, а именно, что *откладывать этого дела нельзя*; почему я требую от Государственного совета, чтобы оно было им кончено в первую половину февраля и могло быть объявлено к началу полевых работ; возлагаю это на прямую обязанность председательствующего в Государственном совете. Повторяю — и это моя неперемнная воля, — чтоб дело это теперь же было кончено. Вот уже четыре года, как оно длится и возбуждает различные опасения и ожидания как в помещиках, так и в крестьянах. Всякое дальнейшее промедление может быть пагубно для государства...». При этом император подчеркнул, «что основанием всего дела должно быть улучшение быта крестьян и улучшение не на словах только и не на бумаге, а на самом деле»¹⁰.

В результате **крестьянская реформа** была завершена **19 февраля 1861 г.**, т.е. ко дню коронации Александра, и обнародована в воскресенье — **5 марта 1861 г.** Естественно, что в результате борьбы противоборствующих сил крестьянская реформа стала определенным компромиссом и не могла быть ничем иным.

Манифестом 19 февраля 1861 г. провозглашалась *отмена крепостного права навсегда*. В сопровождающем манифест юридическом документе «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»¹¹ разъяснялся этот общий принцип. Так в Ст. 1 провозглашалось: *крепостное право на крестьян и дворовых людей отменяется навсегда*. Ст. 2 определяла гражданский статус вчерашних крепостных: «...вышедшим из крепостной зависимости предоставляются права, состояния свободных сельских обывателей, как личные, так и по имуществу». Однако уже в Ст. 3 утверждалась собственность помещиков на все принадлежащие им земли. Правда, в этой же Ст. оговаривалась обязанность помещикам предоставлять за установленные повинности в постоянное пользование крестьян их «*усадебную оседлость*» (дом, двор, огороды, выгон, конопляник) и сверх того *земельный надел*, необходимый для обеспечения их быта и для выполнения их обязанностей перед правительством (подушная подать и др. налоги). Но если «усадебную оседлость» крестьянин мог выкупить по установленной законом цене и помещик не мог уклониться от этого, то выкуп полевого надела, размеры которого определялись Местными положениями, всецело зависел от согласия помещика. За отведенный надел крестьяне были обязаны отбывать повинности работой в пользу помещика до финансового завершения сделки. Крестьяне,

вышедшие на волю, но состоящие в обязательных отношениях с помещиком, получили наименование *временнообязанных крестьян*. Ст. 12 предусматривала, что с выкупом крестьянином усадебной оседлости и земельного надела *прекращаются все обязательные поземельные отношения между помещиком и крестьянином*¹².

Главным пороком этой реформы был статус *временнообязанных* крестьян, который позволял помещикам использовать труд временнообязанных как вчерашних крепостных. К 1881 г. таких невыкупленных еще наделов оставалось около 20%¹³. Одновременно крестьянская реформа подрывала и неприспособленное к товарному производству помещичье хозяйство. Поместья закладывались, перезакладывались и в конечном счете переходили в руки сельских кулаков или частных предпринимателей. В этой связи достаточно вспомнить чеховский «Вишневый сад».

Такая ситуация таила в себе скрытую опасность. Как отмечают авторы исследования «Земельный вопрос», «парадокс заключается в том, что реформа, поставив своей задачей формирование в стране класса крестьян-собственников и воспитания в населении правового сознания по отношению к собственности, нанесла урон именно по этому сознанию. Нарушив собственнические права дворянства на землю, государство одновременно разрушало достаточно хрупкие основания прав частной собственности, существовавшие в России менее столетия»¹⁴. Свою опору крестьянство по-прежнему видело в общине. К тому же нигилисты-народники внедряли в сознание крестьян идею «черного передела».

И все же, несмотря на все противоречия, как подчеркивает А.А.Корнилов, это была *крестьянская реформа*. «В правовом отношении крестьянская реформа была без сомнения колоссальным шагом вперед во всей новейшей русской истории. Упразднив крепостное право над личностью крестьянина, она открыла широкий путь к полному освобождению народа»¹⁵.

Но как всякий компромисс, реформа вызвала разочарование в обществе и породила его раскол на радикалов и консерваторов. Н.Я.Эйдельман, оценивая реформу с учетом обеих точек зрения, пишет: «Несомненно, с революционно-демократической, крестьянской точки зрения, реформа могла, должна была быть лучше; однако следует ясно представлять, что она могла выйти и много хуже». По поводу же отмеченных Герценом «зигзагов» императора он остроумно замечает: «Размышляя над разными движениями власти «слева — направо», заметим, что эти «галсы» были также в природе вещей: едва ли не буквально оказывается метафора, что всякий спуск с горы

требует «зигзагов». Преобразования сверху все время корректируются левыми и правыми движениями — иначе произойдет стремительное, катастрофическое падение»¹⁶.

Компромиссный характер крестьянской реформы не мог не вызвать разочарования общества в целом. Но — главное она вызвала разочарование крестьянских масс, рассчитывавших под влиянием народнической пропаганды едва ли не на полную экспроприацию помещичьего землевладения. В некоторых областях по этому поводу вспыхнули волнения, потребовавшие вмешательства властей. Таким образом, 19 февраля 1861 г. — день отмены крепостного права в России стал днем величайшего триумфа Александра II и одновременно первым шагом его на пути к *1 марта 1881 г.*

Недовольство общественного мнения реформой и, главное, крестьянские волнения побудили Александра занять более консервативную позицию. Особенно его угнетала пресса, готовая всякий частный конфликт превратить в событие. В связи с этим против нее был возбужден ряд репрессивных мер, что позволяло говорить о кризисе реформаторской деятельности. Уже в начале 60-х гг., после крестьянской реформы, в то время как страна начала свое движение «налево», явно обозначился поворот правительства, в том числе и самого Александра, «направо». Этому содействовал и торгово-промышленный кризис, развившийся в 1857 году. Однако в целом и в условиях экономического и политического кризиса, в отличие от эпохи Александра I, развитие реформ не остановилось. Напротив, преодолевая сопротивление реакционеров и революционеров, оно приняло *системный характер*.

В результате, несмотря на реакцию со стороны «партии плантаторов» и открыто объявленной императору приговор смертной казни со стороны революционных «нетерпеливцев», мучительно, с трудом, «зигзагами» прокладывала путь серия либеральных реформ. Сегодня, имея десятилетний опыт реформ конца XX — начала XXI века, простой перечень этих реформ, осуществленных царским правительством в 60-х гг. прошлого века, внушает уважение, и даже изумление:

19 февраля 1861 г. — крестьянская реформа: отмена крепостного права;

1862 г. — финансовая реформа;

1863 г. — реформы в сфере народного образования, в том числе новый университетский устав, определивший автономию университетов;

1864 г. — земская реформа, положившая начало местному самоуправлению;

1864 г. — одна из самых демократичных судебная реформа;

1865 г. — реформы в области печати и цензуры, обеспечивающие гласность;

1870 г. — городская реформа, открывшая начала городского самоуправления;

1874 г. — радикальная военная реформа, на основе введения всеобщей воинской повинности.

Не случайно в либеральных кругах, среди тех, кто принимал участие в разработке проектов и *делании самих реформ*, за Александром II закрепилось имя «*царя-Освободителя*», а за 60–70-ми годами — характеристика «*эпохи Великих реформ*»¹⁷.

Естественно возникает вопрос: что является иницилирующей силой этих реформ со всеми их контроверзами? В ответ на него следует обозначить три источника: 1) историческая эпоха, *востребовавшая перемен во что бы то ни стало*; 2) рост *либеральных настроений* в обществе, распространившихся и на управленческий аппарат, 3) *решимость императора* идти по пути реформ при том, что они вели к ограничению самодержавия. Как уже отмечалось, скоро настроения общественного подъема сменило разочарование прежде всего молодежи, вызванное неполнотой крестьянской реформы, а также направленными против университетов репрессиями, вследствие которых наиболее политически активные студенты оказались вне их стен. Разочаровавшись в тактике «*хождения в народ*», они перешли к открытой конфронтации с властью, в том числе к отрицанию положительного опыта «*отцов*». С легкой руки И. С. Тургенева это ставшее модным направление получило нарицательное имя — «*нигилизм*».

4 апреля 1866 года прозвучал выстрел **Каракозова**, произошло первое покушение на жизнь царя-Освободителя. И хотя при всем припадении следственного дела заговора не было обнаружено, само покушение на *священную особу государя* и причастность Каракозова к *подпольной организации* сыграли роковую роль: оно, по выражению Ф. М. Достоевского, послужило сигналом — «*Все дозволено!*». Это развязало в стране *кровавый террор*, который всегда бывает двусторонним. Ответом на выстрел стала полоса политических репрессий, породившая новые покушения и новую волну ответных репрессий. Партия радикальных революционеров — «*Народная воля*», ее Исполнительный комитет, *увидела в терроре надежнейшее средство пробуждения революционного духа в народе* и откровенной провокации его на революцию. Более того, в листе «*Народной воли*» объявлялось, что «*смерть Александра II — дело решенное*», доведение его до конца — вопрос времени. В листовке преступному самодержавию императора противопоставлялось *народное самодержавие*, прийти к которому

можно *только путем революции*, в которой народ выступает как верховный распорядитель своей судьбы¹⁸. В том же духе, только более грамотно и осторожно высказывались и марксисты. Так К. Маркс, солидаризируясь с одним из своих русских корреспондентов, предупреждал революционеров: «Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она идет с 1861 г., то она упустит наилучший шанс, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу и испытает все роковые злоключения капиталистического строя»¹⁹. Однако вопреки подстрекательским идеям основоположника марксизма и действиям народовольцев развитие страны по начатому отменой крепостного права пути вызвала цепную реакцию реформ практически во всех сферах жизни гражданского общества. В процессе и результате глубоких социальных преобразований *Россия вступила в новую эпоху либерального развития*.

Но экстремистские действия народовольцев, перешедших к открытому террору, вызвали большое беспокойство властей и заставили их мобилизоваться. В этих условиях была учреждена Верховная распорядительная комиссия во главе с министром внутренних дел М. Т. Лорис-Меликовым, наделенная чрезвычайными диктаторскими полномочиями в борьбе с политической крамолой. Одновременно возглавляемая им комиссия решила встать на путь *сотрудничества с «общественностью»*, т.е. в первую очередь с земствами. Идя навстречу пожеланиям земств о законодательном участии в управлении страной, он заложил проект так называемых «подготовительных комиссий» из лиц, *выбранных* правительством и им же назначенных чиновников, а также приглашенных с «Высочайшего соизволения» *сведущих и благонадежных лиц* (выделено нами — Авт.), известных своими специальными трудами в науке или опытностью по разным отраслям государственного управления и народной жизни²⁰. Их рекомендации переходили на окончательное рассмотрение и утверждение Государственного сената. Этот проект получил название «*конституции Лорис-Меликова*». Реализация проекта пока не ограничивала самодержавия, но его развитие неизбежно вело к тому. Это понимал и Александр. Проект в целом был одобрен царем, а утром **1 марта**, подписывая к рассмотрению в Государственном совете на 4 марта текст документа, Александр будто бы сказал: «Я дал согласие на это представление, хотя и не скрываю от себя, что мы идем по пути к конституции»²¹. Однако проекту не суждено было осуществиться. Этому воспрепятствовала не только злая воля народовольцев, реализовавших свой приговор, но и резкий **зигзаг вправо** наследника престола и его вдохновителей.

В содержательном и проблематичном исследовании, о чем свидетельствует само название труда — «Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива», Б.Г.Литвак характеризует эпоху 60-х годов как скачок в социальном развитии России. Он пишет: «Крестьянская реформа 1861 г. больше всех остальных коснулась экономического базиса общества, и оказалось, что одно только снятие с рук десяти миллионов мужиков высвободило такую затаенную энергию, что в течение двух десятилетий Россия совершила гигантский скачок в своем экономическом развитии», чему автор приводит фактическое подтверждение²². И все же, на поставленный в заглавии вопрос автор видит ответ на него в политической незавершенности социальных и экономических реформ. Правда, так и остается неясным, *кто виноват* в этом: террористы, все время торпедировавшие нормальное развитие реформ, убитый ли ими император Александр II в своей непоследовательности или восторжествовавшая в лице Победоносцева и наследника престола Александра III реакция. Думается, что причиной срыва либеральной альтернативы стал парадоксальный *союз агрессивной реакции и революционного радикализма*.

Двусмысленность отношения различных классов к реформам и их инициатору — Александру II — отмечает и В.О.Ключевский. «Имп. Александр II совершил великую, но запоздалую реформу России: в величии реформы — великая историческая заслуга и [императо]ра; в запоздалости реформы — великое историческое затруднение русского народа. Но общество решило, что Россия сошла со старых основ своей жизни, и по этому решению настроило свое историческое мышление». Отсюда родился ряд практических недоразумений, к числу которых историк относит равнодушие общества (имея в виду образованные классы), которое «не всегда оказывалось на высоте положения, создававшегося реформами». Не на высоте положения, по его мнению, оказались и крестьяне, не сумевшие должным образом воспользоваться открывавшейся перед ними перспективой. «Отвращение к труду, воспитанное крепостным правом в дворянстве и крестьянстве, надобно поставить в ряду важнейших факторов нашей новейшей истории. *Торжеством этой настойчивой работы старины над новой жизнью было внесение в нравственный состав нашего общества нового элемента — недовольства, и притом неискреннего недовольства*, (выделено нами — Авт.) в котором недовольный винил в своем настроении всех, кого угодно, кроме самого себя, сливал грех уныния с большой головы на здоровую»²³. Однако Ключевский упускал из вида, что проведенные реформы подрывали корни самого са-

модержавия. Полная и последовательная реализация реформ неизбежно *вела* либо к конституционной монархии, постепенный «бархатный» переход к которой пытался осуществить Лорис-Меликов, либо радикально-кровавый переход к «русскому социализму», на что ориентировали народные массы народовольцы, а позже социал-демократы. Попытки «подморозить самодержавие», предпринятые Александром III, лишь оттягивали время его конца.

IV.2. Контрреформы и их социальные последствия

Царствование Александра III вошло в историю как эпоха контрреформ. Однако в свете нашего исследования представляет интерес сам переход от одной эпохи — эпохи либеральных реформ, пусть и осуждаемых апологетами радикализма за их неполноту, к другой эпохе — эпохе контрреформ. Очевидно, что этот переход не мог быть заранее спланированным. Их связывает определенная (выражаясь языком Кондратьева) «понижительная» диалектика политики. Поэтому трудно согласиться с В.А.Твардовской, усматривающей наличие общего *плана контрреформ* в правительстве Александра III под контролем «недремлющего ока» Победоносцева, ликвидации всех общественных завоеваний, достигнутых в предшествующее царствование²⁴. Следует однако заметить, что в эпоху реформ Победоносцев как маститый юрист принимал активное участие в разработке судебной реформы. Это во-первых.

А во-вторых, Александр III не предназначался в наследники Российского престола. К этому готовился его старший брат, ориентированный на продолжение реформ, но умерший в возрасте 20 лет. И следующего наследника просто не успели подготовить к его великой миссии, хотя среди наставников и учителей нового наследника были весьма выдающиеся специалисты, такие как С.М.Соловьев, видный экономист Н.Х.Бунге и в том числе К.П.Победоносцев как специалист по гражданскому праву. И тем не менее суждения о наследнике и новом императоре с приходом его к власти были весьма нелестные. Так С.Ю.Витте в своих «Воспоминаниях» характеризовал наследника как человека «ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования»²⁵. Приблизительно также оценивал способности своего ученика и подопечного его воспитатель и наставник К.П.Победоносцев. Но по мере вхождения нового царя во власть отношение к нему среди приближенных, естественно, менялось. В первую очередь это относится к Победоносцеву.

Трагическая гибель Александра II вызвала шок в семье, в придворных кругах и даже среди народа. В этих условиях «планировать» контрреформы, направленные против политики, проводимой трагически погибшим за них монархом, было бы просто святотатством. И молодой наследник, принимая 2 марта присягу от высших чинов двора, заявил, что, вступая на престол своего отца, он надеется следовать во всем его заветам и политике. То же он повторил и в депеше, разосланной иностранным послам. Это вселяло надежду в либеральных кругах, сохраняющих связи с прежним царством.

Между тем вставал вопрос об отношении к проекту Лорис-Меликова с проектом создания представительного (совещательного) учреждения при правительстве. Всем было известно, что покойный император одобрил его в день убийства и назначил к рассмотрению на Государственном совете на 4 марта. Это могло рассматриваться как завещание покойного императора, что воодушевляло авторов этого проекта и сторонников дальнейшей либерализации России. Но до публикации данного проекта новый император решил обсудить его приватно на заседании Совета министров с приглашением «сведущих людей», в качестве которых выступал глава придворных консервативных кругов С.Г.Строганов. На данном закрытом совещании впервые определилась борьба двух противоположных направлений дальнейшего развития России. С докладом по проекту выступил Лорис-Меликов. Его очень активно поддержали А.А.Абаза, Д.А.Милютин, вел. кн. Константин Николаевич. Нейтральный, но очень влиятельный, гр. П.П.Шувалов сообщил собравшимся, что в народе распространяется мнение, что со смертью царя-Освободителя будет восстановлено крепостное право и что для успокоения возбужденного общественного мнения необходимо объявить, что новое правительство будет продолжать либеральный курс²⁶.

Как проходило обсуждение этого вопроса, узнаем из воспоминаний участника совещания военного министра Д.А.Милютина. «От... графа Сергея Григорьевича Строганова услышали, что в предложенной программе мирных законодательных работ прозревают признаки революции, конституции и всяких бед. Государь с заметным сочувствием выслушал ультраконсервативную речь старого реакционера». Но все сказанное Строгановым и другими министрами было бледно и ничтожно в сравнении «с длинною иезуитскою речью, произнесенной Победоносцевым; это уже было не одно опровержение предложенных ныне мер, а прямое, огульное порицание всего, что было совершено в прошлое царствование; он осмелился назвать великие реформы императора Александра II преступною ошибкою. Это

было отрицание всего, что составляло основу европейской цивилизации»²⁷. Такой ход обсуждения заставлял нового самодержца постоянно колебаться, боясь прослыть отступником от завещания отца, тем более что слухи о ходе совещания просачивались в публику, вызывая ожидания на продление либерального курса. И тогда Победоносцев пошел ва-банк. В разгар полемики по поручению и от имени царя он написал Манифест, который и был опубликован 29 апреля 1881 г. «Посреди великой нашей скорби Глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело Правления, в уповании на Божественный Промысел, с верою в силу и истину Самодержавной Власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений»²⁸. В конце Манифеста содержались дежурные слова в поддержку реформ прежнего царствования. Но это был скорее необходимый реверанс, отвлекавший общественное мнение от сути происходящих перемен.

По существу же в Манифесте со всей определенностью утверждалось, что принцип самодержавия становится определяющим в направлении политики нового царствования, что шло в явный разрез с клятвой, данной Александром во время присяги. Так под давлением Победоносцева был *сделан выбор в пользу консерватизма*. «Особенное и неожиданное свершилось, — писал под впечатлением манифеста государственный секретарь Е.А.Перетц. — Распубликован манифест, заявляющий о твердом намерении государя охранить самодержавие. Манифест дышит отчасти вызовом, угрозой, в то же время не содержит в себе ничего утешительного ни для образованных классов, ни для простого народа. В обществе он произвел удручающее впечатление»²⁹. В поддержку и утверждение нового направления политики Победоносцев умело использовал консервативную прессу, в особенности М.Н.Каткова, отчасти И.С.Аксакова. Так Катков откровенно реакционный поворот правительства приветствовал словами: «Встаньте, господа, Правительство идет, правительство возвращается».

Публикация манифеста в обход обсуждению программы Лорис-Меликова послужила сигналом для ухода либеральных членов правительства в отставку, так как они поняли, что их время кончилось. Этого от них и ожидали консерваторы. Однако новое правительство было назначено отнюдь не из реакционеров. Оно имело явно переходный характер. Так министром внутренних дел был назначен Н.П.Игнатьев — поборник позднего славянофильства, министром финансов — участник реформ 60-х гг. Н.Х.Бунге, министром просвещения либерально настроенный барон Николаи, который деятельно боролся с Победоносцевым. Перед новым правительством стояла за-

дача завершить некоторые начинания предшествующего правительства либеральной эпохи. Прежде всего необходимо было завершить худо-бедно выкупную процедуру крестьянства при том, что 1/7 крестьянства (1400 тыс. душ) все еще оставалась на оброке. Было принято постановление об обязательном (для помещиков) выкупе наделов крестьянами, с понижением выкупных платежей на 1 рубль, что вызвало большое сопротивление помещиков. Одновременно была завершена отмена подушной подати, которая особенно сильно была по беднейшим слоям населения и главное повязывала всех крестьян круговой порукой. Однако убытки от отмены подушной подати покрывались повышением налога на спирт, т.е. опять же за счет беднейших слоев населения (в дальнейшем, и уже в наше время, к этой мере прибегали не раз). Было организовано переселение крестьян на пустующие земли, учрежден Крестьянский банк, в котором крестьяне могли брать ссуду под выкуп наделов и аренду земли. Но эти ссуды, не выплаченные вовремя, вели к разорению крестьян. Их земля, которая была залогом аренды, переходила в руки деревенских богачей.

Наконец, по инициативе Бунге впервые были приняты меры по трудовому законодательству, в частности ограничено рабочее время малолетних и женщин, введена должность фабричных инспекторов, призванных контролировать отношения между рабочими и предпринимателями. Все это реакционной прессой комментировалось как «милость» императора. Одновременно был принят налог на наследство и процентные бумаги, что резко усилило консервативные настроения среди дворянства, его оппозицию к переходному правительству. Поводом для его отставки послужил «благой порыв» Игнатьева, человека склонного к романтическим мечтаниям в духе позднего славянофильства, захотевшего придать царствованию Александра III ореол традиционности, обставив предстоящую коронацию монарха декорациями земского собора, венчающего его на царство. Но и в этом мероприятии Победоносцев и близкие к нему круги усмотрели опасность ограничения самодержавия. В результате романтические представления Игнатьева стоили ему должности.

Год спустя после его назначения его сменил на посту министра внутренних дел убежденный и открытый реакционер Д.А.Толстой. При нем-то и началось планомерное проведение политики контрреформ, поддержанное «разогретыми» настроениями реакционного дворянства. Их духовным покровителем стал Победоносцев, уже в должности Обер-прокурора Священного Синода. Александр III безоговорочно принял и разделял эту политику. Именно при Толстом—Победоносцеве реакционная политика достигла своего апогея. Так

здравые инстинкты ученика и целеустремленная воля учителя слились воедино. Им удалось, по выражению Леонтьева, «на время подморозить Россию».

Первое, что в соответствии с программой реставрации самодержавия и в ответ на неудавшееся покушение террористической фракции «Народной воли» (как известно, в покушении принимал участие брат В.И.Ленина — А.И.Ульянов), предприняло новое правительство — это усиление репрессий против террористов, которым сопутствовало «Положение о мерах к охранению государственного порядка», фактически означавшее введение чрезвычайного положения. И хотя эти меры объявлялись временными, они просуществовали до 1917 года. Впрочем, как известно, *всякая реставрация неизбежно принимает незаконный и затяжной характер*. За этим актом последовало введение должности *земских начальников* из числа местных помещиков, которым перепоручались полицейские функции по отношению к крестьянам, причем их деятельность оплачивалась из казны, т. е. носила государственный характер.

Царь и его доверенные сановники прекрасно понимали, что самодержавие без дворянства не может иметь политической будущности. Видя в разложении дворянского сословия реальную угрозу самодержавию, они попытались приостановить этот процесс. Свое царствование Александр III начал с того, что объявил помещичью собственность на землю неприкосновенной. Позже, воспользовавшись столетним юбилеем «Жалованной грамоты дворянству», он еще раз подтвердил ведущую роль «благородного сословия». Этим идейным установкам соответствовали и определенные мероприятия. В 1885 г. был учрежден Дворянский поземельный банк, предоставлявший на очень льготных условиях ссуды помещикам для реорганизации хозяйственной деятельности в новых условиях. Но эта мера лишь усугубила разорение дворянства. Ссуды неумело расходовались, имения закладывались, перезаклаживались пока, наконец, не попадали в руки спекулянтов-перекупщиков. Короче, по определению Г.В.Плеханова, правительство Александра III привело «первое сословие» к экономическому краху и к полнейшей деморализации.

К решению крестьянского вопроса Александр III, любивший, когда его называли «мужицким царем», подошел с двух сторон. С одной стороны, как уже отмечалось, при нем были несколько снижены выкупные платежи крестьян, отменена подушная подать и проч. С другой стороны, были предприняты законодательные *меры по укреплению общины* с целью заново прикрепить крестьян к земле и вернуть их под контроль земских начальников, т.е. тех же помещиков.

На это был направлен закон неотчуждаемости и неделимости крестьянского надела, что связывало хозяйственную инициативу крестьян, стесняло их свободное перемещение. Однако все эти мероприятия оказались слабо эффективными.

В 1891 г. в хлеботордных губерниях России разразился голод, повторившийся в 1892–93 гг. Этому способствовал и протекционный таможенный тариф, чрезвычайно удороживший необходимые в сельском хозяйстве промышленные товары. Но эта народная беда нисколько не озаботила «мужицкого царя». Ни в его письмах, ни в дневниках не находим следов тревоги о деревне. Граф Воронцов-Дашков предлагал на время голода отказаться от балов и приемов во дворце, с тем чтобы средства перевести в помощь голодающим³⁰. Но это не нашло никакого отклика в царском окружении. Лишь в народных кругах голод вызывал сострадание. Здесь бились над вопросом: «что делать, чтобы не плакало дитё, что делать, чтобы не плакала черная иссохшая мать дити?» Практически искусственно вызванный и поддерживаемый голод ускорил процесс обнищания деревни и разложения общины. В этот поток попали и средние помещичьи хозяйства, существовавшие за счет сельскохозяйственного производства. Усилился отток незанятых рабочих рук в город в качестве неквалифицированной, а следовательно, низкооплачиваемой рабочей силы. Дворянская молодежь пополняла революционные ряды от народовольцев и эсеров до эсдеков.

Контрреформы распространялись и на духовную сферу. В 1884 г. был принят новый университетский устав, ликвидировавший их автономию, тогда же введены были «Временные правила о печати», то есть, по существу, правила карательной цензуры; резко ограничены полномочия суда присяжных, из ведения которых исключались политические дела, разрешена административная высылка «неблагонадежных»; издан ряд циркуляров по народному просвещению, в том числе и вошедший в историю циркуляр о «кухаркиных детях» и др.

Последнюю точку в этой лавине контрреформ, восстанавливающую прерогативы самодержавия и дворянства, поставило новое «Положение о земских учреждениях 1890 г.», которое во многом пересматривало Положение 1864 г. Оно придало земствам *сословно дворянский* характер путем установления откровенной сословности избирательных курий, даже представительство землевладельцев не дворян было практически сведено на нет, избирательных прав были лишены крестьянские товарищества, евреи, а также священники. Наконец, контрреформа земских учреждений резко снизила в них квоту крестьянского сословия путем замены прямых выборов представительными.

Однако Положения 1890 г. вызвало *своеобразный парадокс*: вопреки надеждам властей вместо ожидаемой активизации дворянского сословия на поприще земской деятельности возросла общественно-оппозиционная активность земств. По свидетельству К.Ф. Головина, «дворянство как бы устыдилось своего привилегированного положения, нигде оно не выказывало своей ревности стать земским сословием по преимуществу, и вместо охранительных начал, которые были призваны утвердить реформы, оно ударились прямо в противоположную сторону. Никогда антиправительственные демонстрации не происходили так часто, как за десятилетие от 1890 до 1900 г. Никогда земский бюджет не вырастал так быстро, как за тот же период». Как подчеркивает автор, «редеющее дворянство могло только выиграть от союза с торговцами и промышленниками, а пожалуй, и с зажиточными крестьянами. Оставляя тех и других за дверьми помещичьего избирательного съезда, новый закон тем самым отбрасывал их в антидворянский лагерь, который четырнадцать лет спустя стал лагерем революции»³¹.

Итак, две самые фундаментальные скрепы самодержавия — дворянское и крестьянское сословия — дали трещину. Однако реформы предшествующего царствования сделали свое дело: на фоне разложения сословных отношений под покровом охранительных контрреформ в России медленно, и мы бы сказали «тупо», шло развитие *«русского капитализма»*.

Развитие капитализма в России изначально, начиная с Петра, проходило при прямом покровительстве самодержавия и потому было заинтересовано не столько в свободе, сколько в укреплении этой связи. После разгрома русской армии в Крымской войне стало ясно, что без интенсивного развития промышленности Россия обречена скатиться на обочину истории. Это понимали наиболее прозорливые представители власти (Бунге, Витте и даже Победоносцев). Отчасти это понимал и сам император. Выход из промышленного кризиса был найден в политике откровенного, доведенного до цинизма протекционизма. Запретительные импортные пошлины, отсутствие конкуренции внутри страны позволяли русским предпринимателям диктовать цены потребителю и наживаться за его счет.

Одновременно царское правительство санкционировало централизацию железнодорожного строительства — ведущей в то время отрасли промышленности и соответственно эксплуатации железных дорог. Русский капитал жаждал захвата новых рынков в подопечных России территориях — Средней Азии, Польше, Финляндии. На этой почве состоялась как бы негласная сделка между правительством и

капиталом: «вы поддерживайте нас против конституционалистов, мы же, со своей стороны, будем охранять вас от конкуренции западноевропейских товаров». Поощряя по рекомендациям правительства промышленное развитие, Александр ощущал противоречивость этого процесса, порождающего *новую для России форму противоречий между трудом и капиталом*.

Складывающиеся в стране новые производственные отношения, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, все больше выходили из-под патримониального покровительства самодержавия. Они требовали иных, либерально-правовых форм управления. Подтверждением тому стали нарастающие стычки между рабочими и хозяевами, в частности крупнейшая для того времени стачка на морозовских мануфактурах в Ивано-Вознесенске. Подтверждением тому стал и страшный голод 1891–92 гг. в богатой сельскохозяйственной стране. Разрыв между развивающейся под эгидой государства промышленностью и все еще не преодолевшей крепостнических отношений разоряющейся деревней усиливался.

В целях преодоления нарастающего противоречия была произведена смена идеологического курса. Не сработавшую более идеологию официальной народности дополнила идеология «*России для русских*», призванная усилить «духовное единение нации». И она действительно способствовала активизации самых низменных инстинктов людей, выбитых из своего привычного социального состояния. Впрочем, шовинизм в равной мере проявлялся как в низах деклассированного общества, так и на самом высшем уровне царского окружения. Выражением национальной политики самодержавия стала откровенная русификация национальных окраин, распространявшаяся и на более развитые, чем Россия, Польшу и Финляндию. Этому сопутствовала оголтелая шовинистическая кампания в бульварной и проправительственной прессе. Разжигание националистических страстей привело к еврейским погромам, к столкновениям на национальной почве.

Александра III иногда называют царем-миротворцем. При нем действительно не велось крупных военных кампаний. Но Плеханов не видит в этом заслуги царя: «*Он лишь пожинал плоды франко-германской войны 1870–1871 гг., бросившей Францию в объятия русского царя*»³². Франция в своем противостоянии Германии возлагала большие надежды на дружбу с «северным колоссом». В результате активности французской политики в этом отношении Россия оказалась втянутой в союз «Сердечного согласия» с Францией, вскоре переросший в тройственный империалистический союз — Антанту. Так

в царствование «царя-мироотворца» была заложена неизбежность участия России в империалистической войне в самых невыгодных для нее условиях.

Возникает вопрос: почему Александру III так легко удалось осуществить целую серию контрреформ? Конечно, в этих начинаниях его поддерживала бюрократическая олигархия, а также масса средних и мелких помещиков, рассчитывавших на восстановление своего пошатнувшегося положения. Не удовлетворенным предшествующей реформой оставалось и крестьянство: слишком малыми оказались наделы и слишком большими выкупные обязательства, свои надежды оно связывало с «мужицким царем». Основная масса фабричных мастеровых — вчерашних обезземеливших крестьян, также уповала «на царя как родного отца». И нарождающийся капитализм видел залог своего процветания в первую очередь в государственных заказах и покровительстве царя. Таким образом, *политика контрреформ молчаливо исходила из столь же молчаливой* (пока) *поддержки* или, во всяком случае, сочувствующего нейтралитета различных слоев населения.

Кроме того, в практике контрреформ 80–90-х гг. просматривается определенная *историческая закономерность*. Любая радикальная реформа разрушает сложившиеся, плохие или хорошие, стереотипы жизненной деятельности людей, их привычки и образ мышления, порождает у одной части населения понимание и решимость остановить реформы во что бы то ни стало, у другой — пассивную ностальгию по *прошлому порядку*. В результате возникает разрыв между авангардом реформ и их арьергардом. На этой почве, как правило, и произрастают системы контрреформ. Они оттягивают вырвавшийся вперед авангард вспять. Значит ли это, что контрреформы есть неизбежное следствие эпохи радикальных реформ? Опыт истории позволяет утверждать, что сильное общество способно преодолеть трудности становления нового. При этом, однако, система реформ, какой бы радикальной она ни была, должна предусматривать, с одной стороны, правовое закрепление их, «увенчание здания», как говорили либералы 60–80-х гг., конституцией, с другой — обеспечение прочной социальной базы в лице *среднего класса*. И если «конституцию Лорис-Меликова» можно было бы посчитать движением в первом направлении, то по отношению ко второму — не было ничего предпринято ни царем-Освободителем, ни поборниками «русского капитализма» с их ориентацией на государственный протекционизм. Единственным источником формирования среднего класса в России в тех условиях оставалась земская и городская интеллигенция и лишь от-

части «просвещенная буржуазия». Поэтому можно сказать, что причина относительного успеха контрреформ Александра III *в незавершенности реформ 60–70-х годов*.

Порочность сложившейся системы видел прозорливый Витте, но во время своего «служения власти» и он не смог предотвратить ее пагубных последствий. Лишь позже в своих писавшихся под строжайшим секретом «Воспоминаниях» он позволил себе объективно оценить эпоху царствования Александра III, к которой был причастен. Императору Александру III он ставит в укор перемену земского положения 64 года на Положение 90 года, введение земских начальников, вообще введение принципа какого-то патриархального покровительства над крестьянами как бы в предположение того, что крестьяне навеки должны держаться общинных понятий и стадной нравственности. И хотя, как верноподданный, Витте старается реабилитировать императора его «добрыми намерениями», он все же безоговорочно констатирует: «Я эти воззрения считаю глубоко неправильными воззрениями, которые уже имели очень большие дурные последствия, выразившиеся в событиях, разгоревшихся в 1905 году; эти воззрения еще будут иметь громадные дурные последствия в жизни России»³³. Таким образом, один из умнейших государственных деятелей России напрямую связывает систему контрреформ царствования Александра III, резко изменивших курс развития страны, с общесистемным кризисом самодержавия, в конце концов приведшим его к краху.

IV.3. «Легальный марксизм» о путях капитализации России

Начало девяностых годов XIX века знаменовало смену парадигмы не только практики (откат от реформ), но и теории социального моделирования. Под натиском реалий и коллизий социально-политической жизни либералы отступили, сводя до минимума прежние требования (свобода печати, распространение в народе грамотности, продолжение по возможности начатых реформ). Казалось, либерализм превратился «в мерцающую неопределенность» (Масарик). И тем не менее, как было отмечено выше, именно он оставался за главными конструктивными преобразованиями, осуществлявшимися вплоть до 1906 года. Вообще лицо оппозиции претерпело существенные изменения.

Во-первых, в условиях открытой конфронтации царизма с народом и интеллигенцией изменилось отношение к самодержавию: последнее было заклеено как зло, каким до Великих реформ было кре-

постничество³⁴. Идеи «охранительного либерализма» были потеснены более радикальными; существующему институту власти отводилось место Карфагена, который надо было разрушить. Сама мысль о том, что прогресс России возможен при сохранении самодержавия, стала рассматриваться как недомыслие и измена.

Во-вторых, господствовавшая над умами разночинной интеллигенции идеология народничества, подпитываемая либеральными идеями, зашла в тупик: стало очевидно, что, руководствуясь ею, смоделировать развитие страны по пути экономического и социального прогресса невозможно, не впадая в утопию теоретических изысканий и в открытую конфронтацию с властью, чреватую усилением политической реакции. Оппозиция в лице народничества утрачивала прежние позиции: революционный террор не получил поддержки в обществе, практика «малых дел» за двадцать лет исчерпала свой позитивный потенциал. Нужны были новые идеи, новые социальные ориентиры. Старый либерализм их пока не давал, поскольку был в некоторой растерянности. «Новый либерализм» пока не приобрел характер силы, господствующей над умами, силы реальной оппозиции³⁵.

В-третьих, получили распространение идеи марксизма, который был воспринят как «свежий ветер с Запада» (Франк), как последнее слово европейской философии. Он мог стать, как писал С.Н.Булгаков, «источником бодрости, деятельного оптимизма, боевым кличем молодой России, как бы общественным бродилом»³⁶. В марксизме увидели доктрину, дающую ответ на вопрос, как приобщиться к достижениям мировой цивилизации. Казалось, что принятие марксизма может стать преодолением провинциализма и выходом на большой простор европейской культуры, а главное — позволит снять тот дуализм между общефилософским мировоззрением и областью социального развития, который составлял слабую сторону народничества. Вот почему, по признанию Г.П.Федотова, в марксизме получили крещение все (даже консервативные) направления русской общественной мысли³⁷. Правда, популярность марксистских идей имела и свою обратную сторону: пересказы, интерпретации, да и сами переводы не всегда адекватно отражали пропагандируемые идеи, а их «выборка» не давала систематического представления о марксизме как философском учении, не говоря уже о том, что в «пересказанном виде» они несли на себе печать тех идей, в контекст которых включались порой волей случая. Здесь уместно привести следующие слова самого Маркса: «Такова ирония судьбы, — писал он, — русские, с которыми я в течение 25 лет непрерывно боролся в своих выступлениях, не только на немецком, но и на французском и на английском языках, все-

гда были моими «благодетелями. (...) Русские аристократы в юношеские годы воспитываются в немецких университетах и в Париже. Они гонятся всегда за самым крайним, что дает Запад. Это чистейшее гурманство, такое же, каким занималась часть французской аристократии в XVIII столетии»³⁸. Но этот факт выявился позже, позже он стал и предметом особого разговора, спровоцировав раскол в русском революционно-освободительном движении.

На этом фоне к середине 90-х годов в общественном сознании утвердились идеи, представлявшие собой критически усвоенную социально-экономическую доктрину Маркса, защитники которой (П.Б.Струве, М.И.Туган-Барановский, С.Н.Булгаков, Н.А.Бердяев) получили название «легальных марксистов». Они попытались соединить экономическое учение Маркса с идеями либерализма, придав первому «смягченный характер» (в отличие от его ортодоксального толкования плехановской школой), выступив на страницах легальной печати — «Новое слово», «Вопросы философии и психологии», «Начало», «Мир Божий», «Научное обозрение» и др.

Сам термин не очень нравился представителям нового направления. Так Струве считал его неудачным, «внушающим неправильные ассоциации и возбуждающим недоразумения своим наименованием», полагал, что ему более соответствовал бы термин «критическое движение в марксизме». Он настаивал, что элемент критики в русском марксизме гораздо сильнее, чем в западноевропейском и несет на себе «вполне оригинальные черты». Последние он связывал со стремлением «легальных марксистов» увязать в единую систему либеральные ценности с материалистическим пониманием истории, ориентируя то и другое на решение российских вопросов, а именно: 1) как достичь политических свобод в условиях пореформенной России, и 2) как поднять экономику страны, не ломая исторически сложившиеся формы общественной жизни.

«Легальный марксизм» стал своеобразным сплавом интеллектуальных традиций отечественной философии с марксистским пониманием истории. Последнее представлялось учением, позволяющим, с одной стороны, дать достаточно убедительную критику господствующей идеологии народничества, с другой стороны, предложить модель развития страны по пути социального прогресса. Народничеству была противопоставлена теория, утверждавшая примат материально-производственного фактора в общественном развитии и объективную настоятельность европеизации России, включения ее в модернизационные процессы промышленной цивилизации. Новое учение увлекло очевидной здравостью своих идей. «В конце 90-х годов, —

писал П.И.Новгородцев, — образовалось марксистское течение, которое стояло на гораздо более высоком уровне, чем другие течения революционной интеллигенции. Это был тип, мало похожий на тот, из которого впоследствии вышел большевизм»³⁹.

«Легальный марксизм» определил суть новой парадигмы социального моделирования. Ее политической составляющей стало конституционалистское направление, консолидировавшее умеренную часть российской интеллигенции. Интерес переключался на вопросы внутренней организации управления и представительства, актуализировались вопросы политического моделирования и его связи с социальным реформированием. (Не случайно большинство русских либералов в это время были скорее либеральными консерваторами, чем либеральными демократами.) Заметим, что марксизм отождествлялся не с научным социализмом, а с обоснованием исторической необходимости капитализма в России — по сути, с проблемой *либеральной*. Экономической составляющей социального моделирования стала программа *капитализации российского общества*.

Первой попыткой в этом направлении можно считать модель социальных преобразований, предложенную П.Б.Струве в его книге «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (1894), где в контексте критики социально-экономической теории народничества развивались идеи всеобщей капитализации народного хозяйства. Впервые в легальной демократической литературе была нарушена монополия народников на теоретическое осмысление российской социально-экономической действительности, а их взглядам была противопоставлена материалистическая теория «природно-исторического развития», в рамках которой акцентировалась проблематика, получившая впоследствии название «теории экономических систем», или «теории хозяйственных механизмов».

Новая модель развития российского общества исходила из практических нужд и экономических реалий страны с учетом ее прошлого и складывающихся тенденций промышленного развития Запада. Книга была направлена как против «славянофильского», так и против «западнического» варианта народничества. Первый, как известно, отстаивал самобытное экономическое развитие России, уповав на силу ее исторически сложившейся формы общности (сельскую общину) и веру в особенности ее исторической судьбы; второй опирался на учение о роли личности в историческом процессе, суть которого, считал Струве, можно охарактеризовать в двух словах как субъективный идеализм, утверждающий безграничную веру в силу человеческого разума. Деление по названному критерию было доста-

точно условно, но в любом случае за капитализмом отрицался характер всеобщности, он рассматривался как «частный случай истории», которого Россия вполне может миновать, и это будет ей на благо.

Струве предложил иное основание для социального моделирования. Им стало учение, подчиняющее «идею факту, сознание и должествование — бытию», устанавливающее зависимость «между элементами и формами экономического быта и всеми прочими сторонами социальной и индивидуальной жизни»⁴⁰. В качестве методологического обоснования своих идей Струве использовал экономическое учение Маркса, интерес к которому был инициирован в 70–80-е годы проф. политической экономии Киевского университета Н.И.Зибером и проф. Петербургского университета И.И.Кауфманом.

Полемизуя с народниками, Струве настаивал, что социальная эволюция не поддается оценке в категориях добра и зла, поскольку подчиняется объективным законам, а своей основой имеет развитие экономических отношений. Перспективы истории, а соответственно и будущего России — ее экономического и социально-политического развития — вытекают не из творческой возможности личности, а из необходимых результатов экономического и технического прогресса. Эта материалистическая установка в построениях Струве подчинена обоснованию исторической неизбежности капитализма как обязательной, всеобщей фазы общественного развития. Она же дает повод для критики некапиталистической теории развития (идеи «перескока») как научно и исторически несостоятельной.

Таким образом, можно сказать, утопическим построениям народничества была противопоставлена теоретически обоснованная программа трансформации российского общества, основанная на экономическом анализе его реалий и отвечавшая «европейским стандартам». Ценность работы Струве (и на сегодняшний день) связана с блестящим обоснованием перспективности разработки проблематики социального моделирования в контексте материалистической интерпретации исторического процесса. Практическая же значимость обуславливалась заземленностью авторского анализа на практические нужды страны и учетом как ее исторического прошлого, так и новейших тенденций промышленного развития Запада. Вот почему, повторяем, «легальный марксизм» вполне можно рассматривать как ответ на вопрос *о путях модернизации России*, позволивший подвести черту под утомившим всех спором славянофилов и западников.

Книга Струве вызвала большой общественный резонанс, сделав автора признанным авторитетом по вопросам экономического развития России. В среде «легальных марксистов» его идеи были созвуч-

ны экономическим исследованиям М.И.Тугана-Барановского, защищавшего принцип материализма во взглядах на общество («Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь», 1894, «Русская фабрика», 1896), работам С.Н.Булгакова, много писавшего в середине 90-х годов по вопросам политической экономии. Надо заметить, что никто из них «не повторял друг друга». Но разночтения в толковании материалистической теории общественного развития не перерастали в разногласия: перед необходимостью критики народничества и поиска путей модернизации российского общества «легальный марксизм» заявил о себе как о целостном мировоззрении.

Выбрав в качестве методологического обоснования своих идей экономическое учение Маркса, Струве воспринял последнее, по его собственному признанию, как эвристический принцип, указывающий, «куда преимущественно следует направлять исследователю общественных явлений свое внимание»⁴¹. Он считал, что в вопросах социального моделирования не следует быть ортодоксальным: необходимы умение *выбора факторов*, работающих на развитие в намеченном направлении, и способность увязывать общие законы с историческими особенностями страны, что реально лишь при ориентации на *критическое осмысление* существующих теоретических доктрин. — Только при этом условии можно увязать общие идеи с потребностями развития национального хозяйства. В предисловии книги он писал, что, примыкая по некоторым вопросам к определившимся в литературе взглядам, он нисколько не считал себя связанным буквой и кодексом какой-нибудь доктрины, потому что ортодоксией он не заражен, «если только под ортодоксией не разуместь стремление к последовательному мышлению».

Марксистское учение Струве сразу воспринял как концепцию последовательного западничества, позволяющую обосновать неизбежность для России движения по пути капиталистического развития. В такой интерпретации марксизма он оставлял для себя «открытой дверь» для выхода из него, что и сделал спустя шесть лет, перейдя на позиции идеализма. В 1901 году он писал, что в работе была «намечена и предсказана в значительной мере моя критическая эволюция». В самом деле, в книге четко просматривается сомнение в верности Марксова учения об обнищании пролетариата, несогласие с теорией собственности, с пониманием классовой борьбы как источника исторического движения от формации к формации. Именно эта линия «возможной эволюции» стала причиной резкой оценки книги Лениным, который в работе «Экономическое содержание народни-

чества и критика его в книге г. Струве» обвинил автора в «объективизме» и на этом основании отказал «легальным марксистам» в праве называть себя социал-демократами, зачислив их во «временных попутчиков марксизма»⁴². В основу статьи был положен реферат, зачитанный Лениным в небольшом кружке тогдашних марксистов, в который входил и Струве, реферат был озаглавлен «Отражение марксизма в буржуазной литературе». Правда, позже Ленин признавал, что благодаря союзу с «легальным марксизмом» «была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма»⁴³. Именно эти «временные попутчики» и прежде всего сам Струве в 90-е годы стояли фактически во главе оппозиции к власти — в силу конструктивности своих идей и адекватности их социально-экономической реальности, в которой жила страна.

Какие конкретно идеи легли в основание предложенной им модели капитализации России?

Критикуя народническую модель исторического развития России, Струве предложил экономическую программу капитализации страны, важнейшим вопросом которой стал вопрос об объективном основании капитализма — о *товарном производстве*. Товарное производство — это мощный источник социального прогресса. «Товарное производство, — приходит к выводу Струве, — является могущественным культурным фактором. Раз страна стала на путь его развития, весь ее культурный, политический и экономический прогресс зависит от дальнейших успехов на этом пути. С другой стороны, всякий шаг вперед в культурном и политическом отношении может только содействовать развитию и торжеству капитализма»⁴⁴. Сельское хозяйство страны уже вовлечено в товарный обмен, но проблема состоит в том, что и в рамках последнего оно продолжает по большей части функционировать как натуральное хозяйство, поскольку «не вылупилась еще из своей натурально-хозяйственной скорлупы», оставаясь «не организованным товарным обменом технически». Отсюда и тот «камень преткновения», о который споткнулись народники: недостаточное производство по отношению к растущему населению и соответственно потреблению. Решение проблемы — укрепление, расширение внутреннего рынка и постепенное превращение каждого производителя в «товаровладельца». В условиях, когда страна остается преимущественно сельскохозяйственной, а деревня продолжает жить по законам натурального хозяйства, первичным фактором

экономического роста является вовлечение земледельца в сферу товарного обращения («важно платящее потребление, а не потребление вообще»).

Поэтому дальнейший социально-экономический прогресс для России связан с развитием земледелия на основе товарного обмена при опоре на промышленный капитал — **вот модель капитализации** для ситуации 90-х годов. «Мелкое сельскохозяйственное производство все больше и больше должно принимать товарный характер; и для того, чтобы быть жизнеспособными предприятиями мелкие *земледельческие хозяйства* должны удовлетворять общим требованиям экономической и технической рациональности», — убеждал Струве⁴⁵. Прежде всего необходимо сделать крестьянина товарным производителем — это оптимальная форма роста производительности труда и развития производительных сил. Вот почему *«первичным моментом является тут не развитие промышленного капитализма на почве насильственной экспроприации непосредственного производителя, а вовлечение земледелия в обмен, дифференцирующее сельское население на класс сельской, более-менее мелкой, буржуазии и связанного с ним вытеснения натурального хозяйства и сельского пролетариата, из которого рекрутируется и пролетариат промышленный»*⁴⁶. Чуть позже к этим же выводам придет П.А.Столыпин — уже на практике.

Возражая своим оппонентам-народникам, сетовавшим на то, что капитализация крестьянских хозяйств в России нереальна из-за отсутствия развитого внутреннего рынка (а отсюда — «особый путь через усиление натурального хозяйства»), Струве убеждал, что разорвать эту зависимость можно только одним способом — *вытеснением* натурального хозяйства, основанного на примитивной технологии и нерациональной организации. «Прогрессивное развитие земледелия на почве менового хозяйства создает рынок, опираясь на который будет развиваться русский промышленный капитализм. Рынок этот по мере экономического и общекультурного развития страны может неопределенно расти. В этом отношении капитализм в России находится в более благоприятных условиях, чем в других странах»⁴⁷. Громадные просторы России вполне могут сыграть роль катализатора, следует лишь направить должные усилия на развитие соответствующей инфраструктуры, и прежде всего на строительство железных дорог. Отметим, что идея перекликалась с действиями в этом направлении правительства и обозначила линию возможного сближения с консервативным крылом либерализма.

Естественно, развитие внутреннего рынка, превращение сельскохозяйственного собственника в товаропроизводителя, предупреждал Струве, будет сопровождаться усилением социально-экономи-

ческого расслоения в деревне, о котором справедливо беспокоятся народники. Но это меньшее зло по сравнению с «нивелированием» крестьянства на основе всеобщей бедности и нищеты, поскольку развитие товарных отношений открывает перспективу для общего экономического роста, а соответственно и для смягчения последствий такого расслоения: чем общество богаче, цивилизованней, тем у него больше возможностей для правового и социального регулирования экономического расслоения населения. Так считая, Струве, возможно, впадал в свойственный либерализму утопизм. И тем не менее нельзя не согласиться с тезисом: техническая нерациональность хозяйства, а не капитализм — вот тот враг, который стоит на пути развития сельскохозяйственного производства.

Натуральное хозяйство пережило себя исторически и оно стихийно вытесняется меновым в силу его «экономической и общекультурной несостоятельности». Народническая идеализация «земледельческого государства» и «народного производства» не выдерживает технического прогресса, который вторгается во все сферы человеческих отношений, захватывая и производство, и культуру, и образ жизни. «Роль парового транспорта, — убеждал Струве, — не ограничивается областью экономических отношений: его влияние охватывает всю жизнь общества и производит в ней глубокий переворот. Благодаря паровому транспорту возникает *мировое* хозяйство, благодаря ему создается действительно *социальный* строй, и отдельные хозяйства связываются крепкой органической связью»⁴⁸. Революционизирующее воздействие технического прогресса на жизнь людей Струве признавал полностью и без оговорок, но без передержек технократизма: значение производственного прогресса для социального огромно, — был уверен он, — и вряд ли может быть преувеличено, если только помнить, что первый есть необходимое, но недостаточное условие последнего.

До сих пор процесс капитализации сельского хозяйства осуществлялся стихийно. Его следует ускорить и скорректировать соответствующей экономической политикой. Последняя должна быть направлена, *во-первых*, на подчинение сельскохозяйственного производства законам товарного обмена, *во-вторых*, на развитие обрабатывающей промышленности, способной насытить внутренний рынок товарами-продуктами сельского хозяйства. Второму моменту придавалось особое значение. Можно сказать, что развитие обрабатывающей промышленности — это краеугольный камень его модели экономического роста. Обрабатывающая промышленность есть главный фактор расширения границ внутреннего рынка, модернизации

сельскохозяйственного производства, социального развития деревни. Рынок подрывает принципы натурального хозяйства, а развитие обрабатывающей промышленности делает реальной замену его «рациональным хозяйством», т.е. основанным на применении передовой техники и научных технологиях. Это в свою очередь дает тот необходимый рост производительности труда, который решит проблему необходимого накопления для осуществления индустриализации.

Политика, ориентированная на первоочередное развитие товарного сельскохозяйственного производства, расчистит почву для капитализации всего народного хозяйства и экономического роста в целом. Меры, о которых мечтают народники — право всех на землю, законодательное закрепление общины, — могут породить только «жалкий сельский пролетариат». Превращение же крестьян в товаропроизводителей с одновременным развитием обрабатывающей промышленности, способной довести сельскохозяйственный продукт через развитый рынок до потребителя, — путь к развитию агропромышленного комплекса, на базе которого возможно решение задач социально-экономического развития и деревни, и города.

Внедрение меновых отношений в сельское хозяйство не обязательно должно сопровождаться искусственной ломкой общины, до поры до времени государство может ее сохранить и даже приспособить к новым экономическим условиям, но постепенно со временем отношения обмена все расставят по местам, укрепив позиции самостоятельного производителя. И как бы оправдываясь за свои «буржуазные установки», Струве писал: «Мои личные симпатии вовсе не на стороне экономически крепкого, приспособленного к товарному производству крестьянства, но я не могу не видеть, что политика, которая направляется на создание крестьянства, будет единственно разумной и прогрессивной политикой, так как она пойдет на встречу исторически неизбежному процессу капиталистического развития, смягчая в то же время его крайности»⁴⁹.

Конечно, Россия не может оставаться страной исключительно земледельческой, но первоочередная капитализация сельского хозяйства есть необходимое условие ее цивилизованного развития, реализации программы полной индустриализации. Только идя таким путем, Россия может из бедной капиталистической страны, какой является, превратиться в богатую капиталистическую державу. *В создавшейся экономической ситуации третьего не дано.* Достижение социалистического идеала, о котором говорят народники, возможно лишь через прохождение этапа капиталистического развития. *Путь к социализму пролегает только через капитализм.* Этот тезис опреде-

лил настрой критики народничества и суть предложенной модели экономического роста. Экономическая и культурная отсталость России связана с *недоразвитием* капитализма (несовершенство товарных отношений и сохранение пережитков крепостничества в деревне), и потому только капитализация всего хозяйства может подвести ее к тому уровню цивилизованности, который создаст стартовую площадку для дальнейших преобразований. Таким признанием Струве не абсолютизировал культурную миссию капитализма. Он не отрицал, что капиталистическое общество не свободно от «некультурных элементов», т.к. сохраняет эксплуатацию человека человеком, ставит границы человеческой свободе — гражданской, политической, интеллектуальной и даже хозяйственно-предпринимательской, а значит, прогрессу в целом. И тем не менее — *«следует признать нашу некультурность и пойти на выучку к капитализму»*.

Чему же следует учиться у капитализма? — *капитализму*, т.е. рационально организованному народному хозяйству, творческому применению опыта мировой цивилизации. Учиться капитализму означает проведение политики, направленной на поддержку товаропроизводителя, экономической самостоятельности земледельца, на развитие новых промышленных отраслей, как тех, что связаны с обрабатывающей промышленностью, так и тех, что составляют основу крупного промышленного производства, на развертывание научно-технического прогресса.

Реализация такой политики предполагает *усиление роли государства* в управлении экономикой. Струве настаивает на этой идее, как исходной для осуществления капитализации, и она не была случайной в системе его построений, поскольку вытекала из его понимания природы государства. Не отрицая за государством функции насилия, Струве видел в нем продукт развития культуры. Не принимая революцию как метод решения социальных проблем, он возлагал надежды на государство — его культурные и социально-экономические функции. Государство — это прежде всего организация порядка, органом насилия оно является в обществе, в котором подчинение одних групп другими обуславливается его экономической структурой. Именно в ней и следует искать корни социального насилия, социального неравенства, социальной несправедливости. Поэтому вмешательство государства в эти сферы, в частности в сферу распределения, не может простираться так далеко, как иногда этого хотелось бы «каюшемуся дворянину», просто это может оказаться не в его компетенции.

У государства своя сфера влияния и свои возможности контроля, во многом они обусловлены его экономической мощью, которая вырастает из «труда масс и осуществления права и закона». Государ-

ство может проводить либо фритредерскую политику, либо протекционистскую, может бороться с «язвами» капитализма путем фабричного законодательства, а может открыто и цинично защищать интересы капитала, может склоняться в пользу крупного или в пользу мелкого землевладения, но оно не в состоянии сделать того, что может явиться только результатом определенного исторического развития, результатом достижения определенного уровня экономического состояния общества — короче, оно не может организовать производства на почве, совершенно для того неподготовленной. В идеале политика государства должна выражать собой равнодействующую общественных сил. На практике это ему чаще всего не удается — вмешиваются факторы другого порядка, которые оказываются сильнее заложенных в его природу устремлений. Но именно с «идеалом» следует связывать историческое развитие государства, и именно «идеал» объясняет, почему последнее в качестве продукта культуры — вечно. Меняются лишь способы осуществления государственной власти.

У каждого народа свои исторически сложившиеся формы государственного устройства, которые развиваются в соответствии с его историческим (культурным) развитием. Нация и государство едины, их связывает общая культура. Позже, защищая свою «формулу Великой России», Струве пояснит, что она как образ новой Российской государственности опирается, с одной стороны, на историческое прошлое и культурную традицию российского народа, а с другой стороны, открыта для творчества нового. Это творчество нового он связывал с утверждением и развитием норм демократии, принципов правового государства. И снова идеи, как нетрудно заметить, созвучные либерализму.

Призывая идти на выучку к капитализму, Струве был далек от апогеитики последнего как образа жизни и предупреждал, что не является его адептом, поскольку вовсе не идеализирует его как общественный строй. Но нельзя в анализе истории, оставаясь на научных позициях, исходить из моральной парадигмы. «Капитализм, как эксплуатация человека человеком, зло, с точки зрения наших идеалов. И, если мы будем смотреть на него *только с этой точки зрения*, то мы придем прямым путем к простому выводу: не надо капитализма! Раз этот вывод подчинит себе наше мышление, нам трудно будет приблизиться к пониманию объективного процесса: капитализм (...) в наших глазах явится тогда чем-то вроде, если можно так выразиться, «злоумышления». Но капитализм, как и все, имеет свое *достаточное* основание, для понимания которого таких категорий, как добро и зло, *недостаточно*. (...) Капитализм не только зло, но и могущественный

фактор культурного прогресса, — фактор, не только разрушающий, но и созидающий. Это прекрасно понимали и понимают на Западе те, кто во имя идеалов социальной справедливости выступали на борьбу с капитализмом», — писал Струве не без упрека в адрес отечественных социалистов-революционеров⁵⁰.

Придерживаясь материалистического толкования истории, Струве был далек от мысли рассматривать капитализм в качестве вечной формации. Капитализм, достигая вершин товарного производства, создает обобществленное производство, и уже поэтому «не может мириться с беспорядочным, чисто индивидуалистическим распределением и потреблением; таким образом, капитализм объективно выдвигает народно-хозяйственные принципы, отрицающие его частнохозяйственную основу»⁵¹. Хочется задать вопрос: это Струве или Маркс? — Это Струве, принявший материалистическую интерпретации исторической миссии капитализма и предугадавший социальные теории более позднего времени, обосновывающие положение, что на смену индустриального общества придет «*постиндустриальное*», «*постэкономическое*» общество. Оценивая достижения капиталистической цивилизации, он смог увидеть контуры будущего, связав их с *культурным* развитием человечества.

Итак, «перескочить» фазу капиталистического развития невозможно, ибо «природа не делает скачков, а интеллект не терпит скачков». Исходя из этого убеждения, Струве видел в социальной революции историческую аномалию, нарушение нормального хода общественного развития, противоречащее накоплению элементов культуры, наполняющих «живую ткань» истории и обуславливающих своим развитием общественный прогресс. Он отказывал теории революции в философском обосновании, исключая ее из парадигмы материалистического объяснения истории. Речь должна идти не об устранении существующих форм жизни, а о замене устаревших более совершенными, отвечающими достижениям мировой культуры и хозяйствования. Общество должно постепенно, естественным путем продвигаться по пути социального прогресса, ибо одна общественная форма вырастает исторически из другой. Вот почему для России ближайшим будущим является не социализм, а капитализм. «Не только исторически, но и логически социализм — по крайней мере в той его последовательной форме, которая известна под именем научного социализма, (...) своим бытием обречен капитализму: без него он призрак, лишенный плоти и крови»⁵².

В критике народнической теории некапиталистического пути развития Струве был близок к Плеханову, который тоже считал, что «за капитализмом вся динамика нашей общественной жизни». Толь-

ко Плеханов в данном вопросе более последовательно проводил идеи исторического материализма Маркса, связывая установление социализма со своевременным осуществлением социалистической революции. Струве же защищал путь и практику реформ. Плеханов тоже считал Россию неготовой к социалистическим преобразованиям, по его мнению, она еще «не смолола той муки», из которой можно испечь «пирог социализма». Но он отстаивал теорию классовой борьбы, связывая с ней переход общества от одной экономической формации к другой. Струве считал основным противоречием капитализма противоречие между *хозяйством и правом* (а не трудом и капиталом!) и на этом основании делал вывод о его естественной трансформации («перерастании») в социализм, не принимая идею пролетарской революции. Плеханов, не отрицая значимости буржуазных реформ как расчищающих почву для будущих социалистических преобразований, *не видел* в них способа перехода к новому обществу.

Предложенная Струве модель экономического роста оставалась вплоть до столыпинских реформ единственной, научно обоснованной, опиравшейся на экономические реалии пореформенной России моделью. Сам он, когда уже отошел от марксизма, дал такую характеристику своему исследованию: «Я считаю до сих пор верными взгляды на экономическое развитие России, высказанные мною в 1894 г. Мне кажется, что именно эти взгляды, чуждые крайностей как ортодоксального марксизма, так тем более народничества, в полемике с которым они были высказаны, вошли уже в значительной мере в общее сознание (...) Случилось это просто потому, что эти взгляды имели за собой сильную союзницу — силу вещей и жизни»⁵³.

В начале 900-х годов наступил переломный момент для «легального марксизма»: одновременно со Струве от него отходят почти все прежние его сторонники. Своеобразным манифестом коллективного преодоления марксизма стал сборник статей под ред. П.И.Новгородцева «Проблемы идеализма» (1902), в котором в числе других авторов выступили С.Н.Булгаков, П.Б.Струве, Н.А.Бердяев, составившие вскоре вместе с С.Л.Франком ядро нового философского направления, соединившего либеральные ориентации уже не с марксизмом, а с идеализмом. Субъектом этой формы критической рефлексии стала *новая оппозиция*, на ее знамени были написаны другие лозунги, она выступила с *новыми реформаторскими программами*. На историческую арену вступали политические партии и межпартийная борьба часто подменяла оппозиционное противостояние власти. Начался XX век, близился конец самодержавия, а с ним начало *нового цикла российской истории*.

- 1 *Захарова Л.Г.* Александр II // Российские самодержцы (1801–1917). М., 1993. С. 177.
- 2 *Голос минувшего.* 1916. № 5–6. С. 393.
- 3 *Погодин М.П.* Историко-политические письма в продолжении Крымской войны. М., 1874. С. 336.
- 4 *Кавелин К.Д.* Записка об освобождении крестьян в России // *Кавелин К.Д.* Собр. соч. Т. II. СПб., 1904. Стб. 6.
- 5 Там же. Стб. 34.
- 6 *Сыромятников Б.И.* Константин Дмитриевич Кавелин // Освобождение крестьян. Деятели реформы. М., 1911. С. 178.
- 7 Колокол. 1858. № 9, 15 февр.
- 8 *Чернышевский Н.Г.* О новых условиях сельского быта // Современник. 1858. № 2. С. 393.
- 9 Подробнее о подготовке и проведении крестьянской реформы см: *Новикова Л.И., Сиземская И.Н.* Три модели развития России. Разд. III. Гл. 2.
- 10 *Корнилов А.А.* Крестьянская реформа. СПб.– М., 1898. С. 158–159.
- 11 Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов. М., 1954. С. 36–41.
- 12 Подробнее о подготовке и ходе крестьянской реформы см. в гл. «Крестьянская реформа на пути к гражданскому обществу. Проекты и их реализация» // *Новикова Л.И., Сиземская И.Н.* Три модели развития России. М., 2000.
- 13 См.: *Ильин В.В., Панарин А.С., Ахизезер А.С.* Реформы и контрреформы в России. М., 1996. С. 44–46.
- 14 Земельный вопрос /Под ред. Е.С.Строева. М., 1999. С. 35.
- 15 См.: *Корнилов А.А.* Крестьянская реформа. СПб., 1905. С. 159.
- 16 *Эйдельман Н.* «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 123, 128.
- 17 См.: *Джаншиев Гр.* Эпоха Великих реформ. М., 1898.
- 18 Литература социально-революционной партии «Народной воли». Лейпциг, 1905. С. 155, 159.
- 19 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 18. С. 543.
- 20 См.: *Веселовский Б.Б.* История земства. СПб., 1911. Т. 3. С. 23.
- 21 *Милютин Д.А.* Дневник: В 4 т. Т. 4. Л., 1947–1950. С. 62.
- 22 *Литвак Б.Г.* Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 254.
- 23 *Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 183, 184.
- 24 *Твардовская В.А.* Александр III // Российские самодержцы. М., 1993. С. 273, 274.
- 25 *Витте С.Ю.* Воспоминания Т. 1. М., 1960. С 188–189.
- 26 Отчет об этом совещании опубликован в журн.: «Былое» 1906г. № 1. С. 189–194.
- 27 Там же.
- 28 ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 1. № 118, С. 53–54.
- 29 *Перетц Е.А.* Дневник Е.А. Перетца. М., 1927. С. 69.
- 30 См.: *Твардовская В.А.* Александр III // Российские самодержцы.
- 31 *Головин К.Ф.* Мои воспоминания. Т. II. СПб., 1910. С. 206, 208.
- 32 *Плеханов Г.В.* Царствование Александра III // *Плеханов Г.В.* Соч. Т. XXIV. М.–Л., 1927. С. 168.

- ³³ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 413–414.
- ³⁴ *Маклаков В. А.* Из прошлого // *Современные записки.* Париж, 1930. № 41. С. 231.
- ³⁵ *Новикова Л. И., Сиземская И. Н.* Три модели развития России. М., 2000. Гл. 3, 4.
- ³⁶ *Булгаков С. Н.* От марксизма к идеализму: Сб. статей (1896–1903). СПб., 1904. С. VII.
- ³⁷ *Федотов Г. П.* Трагедия интеллигенции // *О России и русской философской культуре.* М., 1990. С. 436.
- ³⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 32. С. 472.
- ³⁹ *Новгородцев П. И.* Общий взгляд на развитие политической мысли во второй половине XIX столетия // *Новый мир.* 1991. № 12. С. 215.
- ⁴⁰ *Струве П. Б.* Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб., 1894. С. 41.
- ⁴¹ *Струве П. Б.* Моим критикам // *На разные темы (1893–1901): Сб. статей.* СПб., 1902. С. 5.
- ⁴² *Ленин В. И.* Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.. Т. 1. С. 418–419.
- ⁴³ *Ленин В. И.* Что делать? // Там же. Т. 1. С. 16.
- ⁴⁴ *Струве П. Б.* Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. С. 283.
- ⁴⁵ Там же. С. 111.
- ⁴⁶ *Струве П. Б.* На разные темы (1893–1901). С. 50.
- ⁴⁷ *Струве П. Б.* Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. С. 284.
- ⁴⁸ Там же. С. 114.
- ⁴⁹ Там же. С. 281.
- ⁵⁰ Там же. С. 287.
- ⁵¹ Там же. С. 283.
- ⁵² Там же. С. 128.
- ⁵³ *Струве П. Б.* Против ортодоксии // *Струве П. Б.* На разные темы. С. 303.

ГЛАВА V. РОССИЙСКИЙ ОПЫТ КОНСТИТУЦИОННОЙ МОНАРХИИ. КОНЕЦ САМОДЕРЖАВИЯ

V. 1. От русской Смуты к революции

Николай II вступил на престол Российской империи в октябре 1894 года, когда ничто, казалось, не предвещало ее скорого конца. Государство находилось в более или менее стабильном состоянии. Сам Николай — старший сын в семье, изначально готовился к своей миссии. Он получил приличное общее образование и одновременно прошел военную подготовку. Правда, по признанию многих историков, Николая отличала склонность к религиозному мистицизму. С малолетства он уверовал в идею провиденциальной основы царской власти, которая *предопределена Ему Божественным Провидением*. Подобный рефрен пронизывает все официальные документы и неофициальные письма царя. Это лишало его воли к самостоятельным решениям и определяло покорность судьбе, в каком бы облике она ни выступала. Склонность царя к мистическим откровениям и таинствам усиливалась влиянием императрицы Александры Федоровны. Отсюда то постоянное окружение царской семьи различного рода целителями, предсказателями, «святыми людьми», в числе которых Григорий Распутин был отнюдь не единственным, но, бесспорно, самым влиятельным.

В этом состояла драма последнего монарха. Дело в том, что, как справедливо замечает один из современных его биографов А.Н.Боханов, «благочестивый христианин вряд ли вообще мог быть удачливым правителем в новейшее время. Если родоначальник романовской династии, Михаил, в первой половине XVII века имел возможность править, опираясь на веру и молитву, находя в пророчествах и предсказаниях ответы на многие вопросы, то через 300 лет требовалась уже совсем другая опора»¹. Но именно этого не хотел или не мог понять Николай.

И хотя у него, как у всякого наследника, была возможность выбора политической ориентации своего царствования, в речи на торжественном приеме по случаю восшествия на престол в 1895 году он однозначно обозначил его: «Я рад видеть представителей всех сословий, съехавшихся для заявления верноподданнических чувств (...) Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся *бессмысленными мечтаниями* об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что Я, посвящая все Свои силы благу народному, *буду охранять начала самодержавия* так же твердо и неуклонно, как охранял его Мой незабвенный покойный родитель»².

Эта речь вызвала глубокое разочарование либеральной общественности и создала непреодолимый барьер между императором и наиболее прогрессивными кругами интеллигенции и деловых кругов. «Ходынка» продвинула эти настроения в народные массы. И то, что удалось сделать императору-отцу, «подморозить Россию», не могло удалиться сыну — Россия «оттаяла». Произошла резкая дифференциация социальных сил. Когда-то более или менее замкнутые сословия оказались размытыми, на их основе формировалась новая социальная (классовая) структура общества, выходящая за сферу компетенции и управленческих возможностей самодержавия.

Неудачи сопутствовали царю и в международном плане: ура-патриотическая кампания по поводу войны с японцами, с помощью которой («маленькой победоносной войны») власти рассчитывали снять внутреннее напряжение в стране, завершилась трагедией полного поражения русской армии. Неудача в бессмысленной войне дезорганизовала экономику страны и деморализовала патриотические чувства народа.

На почве военных неудач и экономических трудностей, на фоне придворных радений вновь поднялась волна народного недовольства и неповиновения властям. Таким образом, на «провиденциалистские предчувствования» царя общество ответило *Смутой*. В 1905 г. события достигли своей кульминации. Захватив и раскрутив все слои российского общества, она вовлекла в эту круговерть и самодержавие, заставив его действовать вопреки своим традиционным канонам и политическим намерениям. По выражению Р.Пайпса, «События такого масштаба не имеют ни ярко выраженной исходной точки, ни четкого финала»³. Вот почему мы охарактеризовали начало революции как *Смуту*.

Можно выделить отдельные точки бифуркации, которые способствовали порождению и распространению Смуты. Это прежде всего — *крушение ожиданий общественности* в связи с приходом к власти

молодого наследника. Согласно житейским пророчествам А.Хомякова, хороший царь на русском престоле сменяется плохим, плохой — хорошим. На смену реформатору Александру II пришел контрреформатор Александр III, и общество в согласии с этим поверьем, а также потому, что устало от контрреформ предшествующего царствования, ожидало от молодого царя «завершения здания реформ», начатого его дедом. Велико же было его разочарование в связи с замечанием нового царя о *«бесмысленных мечтаниях»*. А тем временем на смену шестидесятникам в университетах вызревало новое поколение, которое и стало зачинщиком Смуты. Основанием глубокого недовольства студентов служила *отмена автономии университетов* и запрет всяческих объединений, в том числе землячеств, любых массовых внеаудиторных собраний. В результате невинный повод — шумное празднование студентами дня основания Петербургского университета в 1899 г. послужило началом массовых демонстраций с антиправительственными лозунгами. В ответ последовало издание *«временных правил» о сдаче студентов в солдаты за участие в «беспорядках»*. В связи с практической реализацией этого «временного положения» — исключением из университета и отдачей в солдаты 183 студентов — студенческие волнения вспыхнули вновь и приняли экстремальный характер. В ответ на действия властей Карпович смертельно ранил министра просвещения Н.П.Боголепова, ставшего первой жертвой новой волны террора теперь уже эсеров. Так вновь был открыт мартиролог царских сановников. Вскоре этот список пополнился убийством министра внутренних дел Д.С.Сипягина и вновь назначенного министра В.К.Плеве. Дело дошло и до членов царской фамилии. В начале 1905 г. был убит московский генерал-губернатор, дядя императора Вел. кн. Сергей Александрович.

И хотя студенческое движение было быстро подавлено, но в общественное сознание была брошена идея *демонстративного протеста против самодержавия*. Волнения студентов сомкнулись с рабочим движением. Их объединенная демонстрация на Казанской площади в марте 1901 г. была жестоко разогнана полицией. По определению либерального профессора Е.Н.Трубецкого, студенческие волнения стали «началом общего кризиса государства».

Это был первый узел противоречий между самодержавием и обществом.

Волнения студентов, рабочих и городской интеллигенции смыкались с земским движением, теперь уже *требовавшим*, выражаясь тогдашним эзоповым языком, *«завершения здания реформ»*, т.е. конституции. Идейным бродилом земского движения стали представи-

тели так называемого «*третьего элемента*», т.е. представители вольной интеллигенции, работающей при земствах по найму. В отличие от студенческого земское движение вначале пыталось действовать легально, в рамках земского устава, несмотря на то, что на него то и дело властями накидывалась узда. Преодоление этих запретов способствовало политическому сплочению разнообразных земских форм борьбы. В итоге земское оппозиционное движение откровенно качнулось «влево», приняло форму открытой политической борьбы за конституцию, хотя вопрос о судьбе монархии при этом пока не ставился.

В июне 1902 г. по инициативе либеральных земств и столичной интеллигенции и в продолжение традиций Герцена в Штутгарте начал издаваться легальный орган широкой либеральной ориентации — «*Освобождение*», основателем и главным редактором которого стал вынужденный эмигрировать за границу П.Б.Струве. Одним из ведущих теоретиков журнала был П.Н.Милюков, известный не только как историк, но и как политический деятель. Статьи и воззвания, опубликованные в «*Освобождении*», переправлялись в Россию, в доступной форме пересказывались в легальной печати, будоража общественное мнение. На этой основе вызревала идейная платформа различных партий либеральной ориентации. В 1903 г. на базе ж. «*Освобождение*» был основан *Союз Освобождения*, объединивший разнородные либеральные течения и послуживший предтечей партийного строительства. И хотя идейного единства в этой первичной организации либеральных представителей земств и университетской интеллигенции не было достигнуто, она явилась тем тиглем, в котором «вываривались» различные оппозиционные программы будущих партий⁴. Вскоре Союз Освобождения заявил о себе опубликованной в своем органе «*Освобождении*» Программой, основной задачей которой считал коренное преобразование государственного строя России на началах политической свободы и демократизма. Среди заявленных требований на первом месте значилось требование *Учредительного собрания* для выработки «русской конституции», всенародных выборов в законодательный представительный орган, перед которым должна быть ответственна исполнительная власть.

В то время как общественность открыто шла «влево», правительство ответило на это откровенно «правым» выпадом. Назначение министром внутренних дел сильного и изобретательного бюрократа В.К.Плеве послужило началом открытой конфронтации общества с властью. Новый министр был сторонником жестких мер. Он расширил функции полиции, придав ей надзирающие полномочия. Наиболее «смелым» социальным экспериментом Плеве стало насажде-

ние опекаемых полицией рабочих профсоюзов с целью оградить их от влияния либералов и революционеров путем защиты наиболее вопиющих экономических требований рабочих и переключения их целиком на экономическую борьбу. Плеве принадлежала и идея внедрения в революционные и общественные организации своей агентуры. Самым «удачным ходом» в этом направлении сам Плеве считал внедрение в ряды боевой организации эсеров и даже в ее руководящий состав Азефа, который сумел предотвратить несколько покушений, в том числе и на самого Плеве. Однако заподозренный товарищами по организации он предпочел пожертвовать своим шефом. На этот раз террористический акт, организованный им, оказался весьма эффективным. В результате авторитет Азефа среди заговорщиков вырос настолько, что его выбрали в качестве руководителя группы. И лишь бдительность одного из сотрудников министерства внутренних дел привела к концу эту двойную игру, хотя самому «герою» удалось скрыться от праведного суда своих сотоварищей.

Благодаря Азефу тактика террористических действий была скомпрометирована в глазах общественного мнения. Струве так характеризовал в ж. «Освобождение» итоги террористической деятельности эсеров и ее влияние на общественное мнение: «Трупы Боголепова, Сипягина, Богдановича, Бобрикова, Андреева и ф.-Плеве не мелодраматические капризы и романтические случайности русской истории; этими трупами обозначается логическое развитие отживающего самодержавия. Русское самодержавие в лице двух последних императоров и их министров упорно отрезывало и отрезывает стране путь к легальному и постепенному политическому развитию (...) Страшно для правительства не физическое устранение Сипягина и ф.-Плеве, а та, создаваемая этими носителями власти, общественная атмосфера негодования и возмущения, которая рождает из рядов русского общества одного мстителя за другим»⁵.

Таким образом, в 1904 г. зачинщиком антиправительственных настроений было студенчество и разрозненные рабочие организации, к ним примыкали земства с требованием либеральных реформ. И Струве имел основание утверждать, что *«революционного народа в России еще нет»*. Переломным моментом в этом отношении стало **9 января 1905 г.** Исход Кровавого воскресенья хорошо известен. В контексте нашего изложения важно подчеркнуть, что оно переполнило *критическую массу* недовольства самодержавием и вызывало взрыв *народного возмущения*. Главный его итог состоял в том, что окончательно рухнула вера народных масс в «доброе царя». Это настроение лучше всего выразил сам инициатор крестного хода к царю — Гапон, выкрикнувший в ответ на выстрелы: **«Нет у нас больше Бога, нет больше и царя»**.

**Это был второй узел уже не противоречий, а противостояния общест-
венности и самодержавия.**

Народное возмущение охватило все слои общества. Забастовали рабочие. В январе 1905 г. более 400 тысяч рабочих не вышли на работу. В Одессе бастующих рабочих поддержали матросы броненосца «Потемкин». Это свидетельствовало о неповиновении самого надежного оплота самодержавия — армии. Потому власти особенно жестоко расправились с восставшими. В знак протеста против репрессий студенты покинули университетские аудитории, в ответ власти распорядились закрыть учебные заведения до конца учебного года. Праздная возбужденная молодежь усиливала общественный беспорядок и пополняла ряды революционных организаций.

Пришла в движение возбужденная городскими слухами деревня. Не имея ни программы действия, ни руководства, мужики нередко удовлетворяли свою накопившуюся веками обиду на помещиков бессмысленными поджогами дворянских усадеб, или, как тогда говорили, — «иллюминацией». Забастовки перекинулись на национальные окраины России. В ответ последовали жесткие репрессии и погромы нацменьшинств, в частности евреев, воинствующими реакционерами, сплотившимися в «Союз русского народа». В общей сумятице усилились грабежи, рядящиеся под «экспроприацию экспроприаторов». Полицейских сил для водворения порядка уже не хватало. А возвращавшаяся «с кровавых маньчжурских полей» армия была деморализована позорным поражением и рассчитывать на ее поддержку в подавлении «бунта» не приходилось. Выражаясь языком Сорокина, общественное движение приняло форму «зациклившееся цикла», прорыв из которого, казалось бы, мог быть только в революцию.

Действительно, безосновная Смута стала обретать черты революционной ситуации, хотя ее политический облик еще не определился. Но в этой атмосфере всеобщего недовольства любое частное событие могло вырасти до политического и послужить запалом революции. Понимая это, советники Николая порекомендовали ему пойти на уступки. Так родилась идея Булыгинской совещательной Думы. Однако это запоздалое мероприятие вызвало лишь новую волну политического недовольства масс. Под предлогом обсуждения рескрипта о Булыгинской думе земства провели в апреле 1905 г. в Москве съезд. В это же время на почве обсуждения предложений по усовершенствованию «государственного благоденствия» на собраниях различных профессиональных союзов происходило их идейное сближение, итогом чего стало образование самой радикальной из всех либеральных организаций — «Союза Союзов», объединившего практически

всю техническую и служилую интеллигенцию России и ставшего, помимо земства, социальной основой либерализма в России. Возглавляемый П. Н. Милюковым, «Союз Союзов» примкнул на правах автономии к Союзу Освобождения, что сразу радикализовало настроения последнего.

Бесправная Булыгинская дума уже никого не устраивала. На повестку дня выдвигались требования конституционного устройства России. Инициативу в этом движении прочно захватили либералы, позже (в ноябре 1905 г.) объединившиеся в конституционно-демократическую партию Народной свободы (кадетов).

Стихийное развитие событий усилилось экономическим кризисом, спровоцировавшим всеобщую забастовку рабочих, включая железнодорожников. И хотя в Петербурге удалось избежать вооруженных столкновений между рабочими и войсками, вооруженные бои в Москве придали событиям характер **первой русской революции**. Ситуация приобретала откровенно непредсказуемый характер.

V.2. Российская модель октроированной конституции

С. Ю. Витте, вернувшийся 16 сентября 1905 г. из Америки после заключения там мира с Японией, был потрясен стремительным перерастанием политической Смуты в революцию. Он заявил Николаю, что есть только два способа превозмочь Смуту — либо путем диктатуры, т.е. подавления ее силой, либо пойдя на уступки путем превращения России в конституционное правовое государство⁶.

Ввиду сложившейся ситуации, угрожавшей самому существованию Самодержавия, **17 октября 1905 г.** Самодержцем Всероссийским был подписан подготовленный Витте Манифест, преподанный им как *милость монарха* и содержащим три основных пункта: о «даровании» населению «незыблемых основ гражданской свободы», о демократизации выборов в Государственную думу (по сравнению с Булыгинской) и о *придании ей законодательных функций*⁷.

Так началась «повышательная волна» либерализации в развитии российской государственности. Ее исход пока оставался открытым.

Подписывая Манифест, Николай догадывался, что он таит в себе *конституцию*, т.е. ограничение самодержавной власти, хотя ни разу не произносил этого слова. Во избежание возрождения «несбыточных мечтаний» общественности новое учреждение назвали не ненавистным европейским именем — *парламент*, а в память о русской традиции, таящей некую двусмысленность — Думой. Николай до конца

дней был уверен, или, точнее, стремился уверить себя и ближних, что Дума, «дарованная» им народу конституция ни в малой мере не могут ограничивать его права самодержца. Позднее, возвращаясь к этой мысли, он аргументировал ее следующим образом: поскольку он не присягал конституции, постольку не считает себя обязанным к ее исполнению. Более того, «даровав» некоторые полномочия народу, он может и отменить их по своему желанию.

Витте же прекрасно понимал, что, сделав первый шаг на пути либерализации России, необходимо было его юридическое закрепление. Прежде был опубликован слегка подредактированный избирательный закон, который готовился еще к Булыгинской думе. Он не был, как того требовали либералы, всеобщим и равным. Но под влиянием славянофильских настроений части правящих кругов в нем отдавались известные преимущества земствам, в том числе представителям крестьянства, которое считалось оплотом монархии.

Но этого было недостаточно. В своей записке, опубликованной одновременно с Манифестом, Витте разъяснял царю необходимость *своевременного* пересмотра *Основных законов* с учетом провозглашенных в Манифесте принципов. «В сущности я понимал, что вопрос сводился к тому — сохранять ли новый государственный строй или ... его низвергнуть?. В первом случае необходимо было издать основные законы, соответствующие 17 октября, *до созыва Думы* (выделено нами — *Авт.*), во втором — не издавать, и в таком случае мне было ясно, что Дума обратится в Учредительное собрание, что это вызовет необходимость вмешательства вооруженных сил и что в результате новый строй погибнет»⁸. За короткое время со дня опубликования Манифеста 17 октября и до начала работы Думы правительство Витте сумело осуществить титаническую работу: подготовить и опубликовать новый вариант *Основных законов*, который и был утвержден до начала работы Государственной думы.

Торжественное открытие Думы и преобразованного в верхнюю палату Государственного совета происходило в тронном зале Зимнего дворца. Этим как бы подчеркивалась добрая воля монарха. Тронная речь царя была выдержана в духе Манифеста, торжественно, но бессодержательно. Депутатов, избранных в Думу, царь приветствовал «*как лучших людей России*». Он заверил их, что начатая эпоха реформ будет способствовать «обновлению нравственного облика русской земли и возрождению ее лучших сил» и призвал народное представительство активно содействовать проведению реформ. В заключение царь призвал Божье благословение на труды, «*предстоящие Мне в единении с Государственным Советом и Государственной Думою*»⁹. Общественность восприняла тронную речь царя холодно.

Согласно Основным законам, принятым 23 апреля 1906 г., Россия *фактически становится конституционной монархией*, хотя в гл. I Законов навязчиво повторяются статьи, подчеркивающие сохранение самодержавной власти Императора (Ст. 4), однако за внешней приверженностью старине конституция существенно меняла положение «самодержца» в государстве. Исключительной прерогативой царя оставались наряду с законами, касавшимися царской семьи, церковных дел, военное законодательство. Но отнесение военного законодательства в ведение царя было закреплено в традициях армии и потому для своего времени было единственно правильным.

Так родилась первая **октроированная**, т.е. дарованная царем, **конституция**, согласно которой Российская империя *de jure* становилась **конституционной монархией**, хотя этого не хотел признавать не только царь, обеспокоенный незыблемостью своих прерогатив, но и его министры. Успокаивая больное воображение царя, Витте разъяснял, что конституционная монархия в отличие от парламентской определяется тем, что кабинет министров несет ответственность не перед парламентом, а перед царем, что и зафиксировано в Ст. 123 Основных законов.

Обновление Основных законов в соответствии с Манифестом, по замыслу Витте, предшествовало избирательной кампании, которой сопутствовало *бурное партийное строительство*. Запрещенные в России политические партии формировались в эмиграции, но нелегально действовали на территории страны. Так к моменту выхода Манифеста в России уже существовали РСДРП, успевшая расколоться на большевиков и меньшевиков (1903), партия эсеров (1901), конституционно-демократическая партия (кадеты) (1905), «Союз 17 Октября» или октябристы (1905), чуть позже в политическом пространстве между кадетами и октябристами образовалась партия Мирного обновления и Прогрессисты.

Солидаризируясь по существу с Витте, современный исследователь В.В.Леонтович отмечает *конституционное значение* Основных законов. Во-первых, все декларированные в Манифесте 17 октября обещания вошли в их содержание. Во-вторых, в новой конституции в высокой мере был осуществлен либеральный принцип *разделения властей*, не только четко зафиксировано разграничение законодательной и исполнительной властей, но и обозначена независимость судебной власти на основе *принципа несменяемости судей*. Но главное — Новая конституция открывала путь к государственной деятельности тем кругам общества, которые до сих пор в лучшем случае могли участвовать в местном самоуправлении. Более того, она постепенно вов-

лекала в этот круг людей, ранее непричастных к общественной и государственной деятельности, и тем самым воспитывала дух конституционализма¹⁰.

Действительно, согласно Основным законам ни один выработанный правительством законопроект не мог стать законом без одобрения Думы и Государственного совета в качестве верхней палаты. Даже в случае вето царя Дума могла возвращаться к законопроекту вторично и в третий раз, побуждая таким образом царя на уступки. И царь, по рекомендации умных советников, избегал вступать в спор с Думой, ибо это могло свидетельствовать о расколе между царем и народом. Средством же влияния Думы на правительство служило закрепленное Основными законами за ней *право запросов* ко всем членам кабинета (Ст. 108). Сила этого закона была не в том, что запрос может «свалить» министра, но в том, что Дума получала законное право *обличать, осуждать, публично через левую прессу требовать министров к ответу*.

Конечно, конституция, написанная с позиций существующего строя, в целях его сохранения ценой относительной модернизации носила половинчатый характер. Иначе и быть не могло. Но она оставляла *пространство для политического маневра* оппозиции. Так, с одной стороны, сохранял свои полномочия Государственный совет в качестве высшей палаты, служившей тормозом деятельности нижней палаты — Думы. Причем Государственный совет, как и царь, обладали правом вето на законодательные акты, исходящие из нижней палаты. Но, с другой стороны, и Дума могла отклонять правительственные указы, отправляя их на доработку. Это служило мощным рычагом воздействия Думы на власть.

Кроме того, Дума также обладала правом законодательной инициативы, хотя ее предложения часто блокировались Государственным Советом, а Ст. 87 Основных законов сохраняла за царем и правительством возможность принимать в обход Думе самые важные «непроходные» законы в период «междудумья», т.е. в период каникул или намеренного роспуска Думы, чем широко пользовались власти. Однако частое обращение правительства к этой статье, хотя и позволяло ему преодолеть сопротивление обоих законодательных палат, используя противоречия между ними, и тем самым проводить свою политику, вызывало резкую критику со стороны Думы.

Существенным демократическим приобретением Думы, как считают многие специалисты, были свобода выступлений и критики в парламенте при парламентской неприкосновенности с последующей публикацией речей думских депутатов в прессе. Опираясь на это пра-

во, Дума стала всероссийской трибуной критики существующего режима, «его антинародной политики». Это бесспорно подрывало престиж существующего режима: о царе и его свите стало «можно» говорить нелицеприятно и даже, более того, выступать с антиправительственными заявлениями, которые тут же тиражировались прессой. Кстати, Дума слишком увлеклась именно этой стороной деятельности, забыв о своей законотворческой функции.

Идя на публикацию конституционных начал в Основных законах, Витте, а вслед за ним и Столыпин, рассчитывали на поддержку либеральной общественности. Однако общественность, находясь на революционной волне, ответила весьма сдержанно на их призывы к сотрудничеству. И не без основания вдумчивый историк и критик русской революции Р.Пайпс замечает: «Если бы русская интеллигенция в политическом смысле была более зрелой — то есть более терпеливой и лучше разбирающейся в психологии правящих кругов монархии, — России, возможно, удалось бы совершить упорядоченный переход от полуконституционного к полноценному конституционному строю. Но этих качеств просвещенному сословию, к несчастью, не хватало»¹¹.

После торжественного приема Императором Всероссийским первая Государственная дума перешла для постоянной работы в Таврический дворец. И хотя социал-демократы бойкотировали выборы в Думу, вопреки ожиданиям властей ее состав оказался отнюдь «не ручным». Кадетская партия, победившая на выборах, заняла лидирующее положение в Думе и казалась самым радикальным крылом в ней. Однако «левее» ее оказалась достаточно многочисленная, выступавшая от имени крестьянства, группа трудовиков, которые своим революционным запалом оказывали давление на думскую фракцию кадетов. Радикализм и пафос трудовиков заставил и кадетов поднять планку радикализма своих думских выступлений.

Первая Государственная дума по определению левых вошла в историю как Дума «народного гнева», по характеристике Витте она представляла собой образец «политического легкомыслия и государственной неопытности». Но существует и независимая точка зрения, принадлежащая В.О.Ключевскому: «Я вынужден признать два факта, которых не ожидал. Это — быстрота, с какой сложился в народе взгляд на Думу, как на самый надежный орган законодательной власти, и потом — бесспорная умеренность господствующего настроения, ею проявленного. Это настроение авторитетного в народе учреждения умереннее той революционной волны, которая начинает нас заливать, и существование Думы — это самая меньшая цена, какую мо-

жет быть достигнуто бескровное успокоение страны»¹². С точкой зрения историка совпадает позиция одного из лидеров кадетской фракции первой Думы — М. Винавера. После ее роспуска в назидание второй Думе он издал брошюру в защиту единственного тезиса: «**Берегите Думу!**». «Этих слов, ставших символом веры для думцев второго призыва не слышно было по отношению к первой Думе. Первая Дума собиралась среди бурного порыва, юного, чуждого холодным расчетам восторга; улица, общество, печать бравировали термином «конфликт». К конфликту никто сознательно не стремился, но о нем говорили почти игриво. Опьяненное успехом общество было уверено, что когда грянет буря, кто-то за Думу постоит, и народное представительство выйдет из борьбы еще крепче»¹³.

У.3. Опыт конституционной монархии: модель Столыпина

П.А.Столыпин был современником Витте и в определенном смысле его преемником. Но это была уже иная эпоха — самодержавие было ограничено народным представительством, пусть и в несовершенной форме. Особенность момента состояла в том, что ни монархия, ни Дума не хотели понять и признать своего реального статуса. Самодержавие продолжало надеяться, что Манифест — временная уступка, от которой при случае можно будет отказаться. Что касается думцев, представленных в первой и второй Думе преимущественно левыми партиями и либералами, то свою основную задачу они видели в борьбе против существующей власти.

В противовес тем и другим Столыпин, назначенный сначала министром внутренних дел, а затем председателем Совета министров, видел свою задачу в конструктивной работе с противоборствующими сторонами, в реализации, укреплении и развитии либеральных идей, заложенных в Манифесте и кодифицированных в Основных законах. При этом он исходил из позже сформулированного им принципа, что *разрешить существующие проблемы нельзя, их нужно разрешать*. Постоянная напряженная работа с противоборствующими силами, необходимость идти на компромиссы и принимать «непопулярные» решения снискали ему репутацию жесткого администратора и неприязнь обоих лагерей.

В русской истории начала века нет фигуры, вызывавшей больше разногласия. Вчерашние народники эсеры клеймили его за «развал общины», которая мыслилась ими как исходная ячейка социализма. Но за развал общины его клеймили и монархисты, считавшие

общину оплотом самодержавия. Первые видели в нем «приказчика черносотенцев», вторые — либерала, подрывающего устои самодержавия. Царская камарилья видела в Столыпине диктатора, не склонного считаться с придворным политесом и даже с мнением самого Императора. Наиболее объективную оценку дал Столыпину его товарищ (заместитель) по министерству внутренних дел С.Е.Крыжановский. Соглашаясь с бытующим мнением, что Столыпин не был творцом многих законодательных актов, которые проводил в жизнь, большинство из них он улавливал в общественном мнении. Но «блеском своего таланта, обаянием своей личности, умением идеализировать свою деятельность, подымать идеи на пьедестал, Столыпин вдохнул жизнь в завешанную прошлым программу устроения России, сумел освоить ее и слить со своею личностью»¹⁴.

Столыпин является крупнейшим государственным деятелем одной из самых сложных исторических эпох, когда перед Россией, как в сказке перед витязем, были реально открыты *три пути*: путь реставрации самодержавия, путь революционного экстремизма и средний путь либеральных реформ при заданных обстоятельствах. Именно этот средний путь избрал Столыпин и отстаивал его до конца, хотя, быть может, и не всегда «праведными» средствами, в чем его не раз обвиняли оппоненты. Но для нас важен сам поиск *новых* политических путей и решений, *новый стиль* политического мышления¹⁵.

В качестве министра внутренних дел Столыпин вошел во власть в 1906 г., в правление безликого И.Л.Горемыкина, и начал свою деятельность «в декорациях, подготовленных Витте». Господствующее положение в Думе заняли кадеты, которые, однако, в целях повышения своей популярности в массах подыгрывали трудовикам. Но, к сожалению, они не сумели самоопределиться и играли «на чужом поле» и чужими средствами. Нельзя не учитывать и общего настроения, царившего в Думе, народившейся на гребне революционного подъема. В этих условиях думское большинство, чувствуя себя *полномочным представителем революционного народа*, вступило в открытую конфронтацию с властью. Но и в этих условиях Столыпин проявил себя как политический деятель нового типа. В отличие от председателя Совета министров — Горемыкина, для которого Дума была лишь «головной болью», в отличие от своего весьма опытного помощника Крыжановского, увидевшего в Думе «собрание дикарей», «полных зависти и злобы», Столыпин понял, что представительная власть становится *историческим уделом* России и что с Думой надо работать, несмотря на то, что эта работа не предвещала легкого пути.

В итоге этих усилий ему удалось установить диалог с Думой. Однако постепенно инициатива в Думе перешла от кадетов к трудовикам. Крыжановский позже вспоминал: «Если первые дни кадеты, имевшие в Думе значительное число голосов... и сумели придать собраниям некоторое благообразие (...), то этот тон быстро поблек после первых же успехов Аладына, Оникки и их товарищей (из фракции трудовиков — *Авт.*), явно показавших, что элементы правового строя тонут в Думе в революционных и анархических»¹⁶. Постепенно кадеты утратили свой авторитет в Думе. Это позже признал и сам П.Н.Милюков: «Народническая идеология через аграрный вопрос вливалась широкой струей в наши партийные ряды, и обвинение нас нашими противниками в «социализме» было в этом отношении не совсем безосновательным»¹⁷.

В таких условиях рассчитывать на конструктивную работу правительства с Думой не приходилось. Тем самым роспуск ее был предпринят в значительной мере самой Думой. Консерваторы видели в этой акции удобный повод отказа от парламентаризма вообще. Столыпин же и близкое ему окружение либеральной бюрократии считали, что необходимо приложить все усилия, чтобы заставить депутатов Думы работать во имя государственных интересов, хотя бы даже ценой роспуска действующей Думы и замены ее Думой нового созыва.

Между тем, хотя *революция пошла на спад*, необъявленная волна террора боевиков партии эсеров возобновилась с новой силой. Терроризм захлестнул страну. Политические убийства становились самоцелью, испытанием характера. В 1906–1907 гг. террористами было убито или изувечено 4500 должностных лиц, общее число жертв достигло 9000 человек¹⁸. Этому сопутствовали массовые поджоги и разграбление помещичьих усадеб. Не прошло и месяца с назначения Столыпина председателем Совета министров, как на его даче на Аптекарском острове был совершен дерзкий террористический акт. И хотя премьер не пострадал, было убито 27 человек, 33 ранено, изувечено двое малолетних детей Столыпина. Как министр внутренних дел он обязан был принять решительные меры.

19 августа 1906 г. в соответствии со Ст. 87 Основных законов премьер подписал указ о военно-полевых судах, судопроизводство в которых производилось в течение 48 часов, а приговоры, в том числе смертные, приводились в исполнение в течение 24 часов. Едва ли в данном случае можно говорить о мести террористам за расправу над его семьей. Уже после того Столыпин пережил 11 (по иным данным — 18) покушений. Случившееся на Аптекарском острове лишь подтолкнуло правительство к изданию указа, который был бы способен остановить массовый террор.

Указ о введении военно-полевых «скорорешительных» судов действовал в течение 8 месяцев — до апреля 1907 г. За это время было вынесено 1 тыс. смертных приговоров. Но и после отмены его суд оставался скорым и суровым: за 1908—9 гг. было рассмотрено 16440 дел по обвинению в политических преступлениях и вооруженных нападениях, вынесено 3682 смертных приговора и 5517 человек приговорены к каторжным работам¹⁹. Справедливости ради эти цифры следует сравнить с приведенным выше числом жертв террора.

Многочисленные казни шокировало общество. Возмущение публики подогревалось молчаливым одобрением русской либеральной интеллигенцией «героизма» своих сыновей, их идеализацией в художественной литературе. «Умрешь не даром, дело прочно, когда под ним струится кровь», — писал уважаемый поэт-либерал. Деятельность Столыпина на поприще борьбы с терроризмом осудил и Л.Н.Толстой, направивший премьеру ряд писем с нравоучительными рекомендациями. Не получив покаянного ответа, писатель выступил с публичным обращением «Не могу молчать», адресованным всем правительственным участникам репрессий.

Когда революция пошла на спад, эту установку русской интеллигенции на беспочвенный «героизм», переходящий в террор, осудил «Сборник статей о русской интеллигенции. Вехи», явившийся прямым ответом на скрытую полемику двух титанов. Ответственными и виновными за революцию и ее последствия в виде террора авторы «Вех» считали именно русскую интеллигенцию, которая стала по отношению к русской истории и современности в позицию героического вызова и героической борьбы. «Героизм — вот то слово, которое выражает (...) основную сущность интеллигентского мировоззрения и идеала, притом героизм самообожения», — писал в сборнике С.Н.Булгаков, кстати, член II Государственной думы²⁰. Русский интеллигент не довольствуется ролью скромного работника, он хочет быть спасителем человечества или по крайней мере — русского народа. Гонения полиции и даже мученическая смерть «за народное дело» служили лишь возвышению героя в собственных глазах и в общественном мнении. Однако к этому обожению героического мученичества во имя народа менее всего причастен сам народ. Ему невнятен такой «героизм» без видимого основания. Сборник, встретивший полную обструкцию со стороны революционных партий и либералов, среди немногих поддержал П.А.Столыпин²¹.

Исполнение Столыпиным обязанностей министра внутренних дел и связанные с этим высказывания с думской трибуны породили у недоброжелательных современников мнение (перешедшее затем в

советскую историческую науку), будто Столыпин придерживался тактики «сначала успокоение, т.е. репрессии — потом реформы». Это предвзятое суждение разбивает В.С.Дякин, приводя документ, относящийся к 1907 г., в котором излагается собственное суждение Столыпина по этому поводу: «Реформы во время революции необходимы, так как революцию породили в большей мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае устраним последствие, а не причину: залечим язву, но пораженная кровь породит новые изъязвления. К тому же путь реформ торжественно возвышен. Создана Государственная дума, и идти назад нельзя. Это было бы и роковой ошибкой — там, где правительство побеждало революцию (Пруссия, Австрия), оно успевало не исключительно физической силой, а тем, что, опираясь на силу, само становилось во главе реформ»²².

Действительно, Столыпин пришел на должность председателя Совета министров, имея лишь *общий план либеральных преобразований*, сердцевину которых составляла *аграрная реформа*. Первые шаги по реализации своей программы он предпринял еще до того, как революция была подавлена. Не дожидаясь созыва второй Думы, Столыпин в соответствии со Ст. 87 Основных законов проводит ряд указов, подготавливающих аграрную реформу. В целях решения проблемы малоземелья Крестьянскому банку была передана часть государственных, удельных и казенных земель для продажи их крестьянам по льготным ценам или под залог. Решающее значение в социальном плане имел указ, уравнивающий крестьян в гражданских правах с другими сословиями, предусматривающий отмену подушной подати и круговой поруки; предполагалось расширение прав крестьян на земских выборах; ограничение прав земских начальников, которые в результате теряли свою «опекунскую власть» над крестьянами. Тем самым фактически ликвидировался сословный строй и *закладывался фундамент для гражданского общества*. На основе этих предварительных акций был подписан в соответствии со Ст. 87 знаменитый указ от **9 ноября 1906 г.**, предоставлявший крестьянину право выхода из общины с выделением приходящейся на его долю общинной земли и возможностью превращения ее в частную собственность по возможности цельными отрубами.

Столыпин, лично отслеживавший реализацию закона, не мог не знать, что он встречает сопротивление не только со стороны помещиков, но и со стороны общин, для которых выход каждого крестьянина с землей уменьшал их экономические возможности маневра и влияния на сельский мир. Да и большинство крестьян отнеслось пер-

воначально с недоверием к нему. В течение сорокалетнего изолированного от других условий существования община превратилась для них в привычный институт, гарантирующий условия их выживания, хотя бы и на уровне общего бесправия и бедности. Столыпин понимал все психологические трудности великого социального перелома в жизни деревни, но тем более считал, что их необходимо преодолеть и чем скорее, тем лучше, чтобы не создавать хаоса среди множества экономических укладов, способного породить новую волну революции.

Решать эти проблемы предстояло второй Думе, которая открылась 20 февраля 1907 г. Однако по своему составу она оказалась еще более оппозиционной, чем первая. В ней усилилось левое крыло, потому что социал-демократы, ранее бойкотировавшие выборы в первую Думу, теперь приняли в них участие для того, чтобы изнутри торпедировать ее работу. Наряду с этим в Думе образовалось правое крыло. Правые видели в деятельности Столыпина опасный эксперимент и потому относились к его программе весьма настороженно. В позиции думского центра оказались кадеты. Отдалившись от левого крыла, они стремились избежать разгона новой Думы и теперь готовы были к диалогу с правительством. С учетом сложившейся расстановки сил свою думскую тактику премьер видел в привлечении кадетов к поддержке проводимых им реформ. Но положение самих кадетов значительно ослабло по сравнению с первой Думой. Отсюда их «плавающий» союз то с левым большинством, то с октябристами.

В целом для Столыпина было очевидно, что работать со второй Думой правительству будет еще сложнее, чем с первой. Понимали это и другие государственные деятели, предлагавшие немедленно распустить Думу, изменить избирательный закон, либо вовсе отказаться от Думы как института, до которого Россия еще не доросла. Но Премьер считал, что плод должен созреть, и для этого необходимо взаимодействовать с Думой. Столыпин считал, что правительство, если оно рассчитывает на успех, *должно действовать смело и ярко*, либо уйти в отставку, открыв эту возможность для других. Выждав некоторое время, он выступил во второй Думе с правительственной декларацией, в которой был представлен целый пакет реформ.

Свое выступление с правительственной декларацией в Думе Столыпин начал с разъяснения общих принципиальных основ намеченной перестройки и связанных с нею трудностей. В европейских странах со сложившейся, демократически отлаженной государственной системой, — разъяснял он свою позицию, — каждый новый закон, будучи отражением новой назревшей потребности, легко вписывается в уже сложившуюся систему законодательства и государственного

распорядка. «Не то, конечно, в стране, находящейся в периоде *перестройки* (выделено нами — *Авт.*), а следовательно, и брожения. Тут не только каждый законопроект, но каждая отдельная его черта, каждая особенность может чувствительно отозваться на благе страны, на характере будущего законодательства»²³.

Центральным звеном всей программы реформ, согласно Столыпину, является обустройство самого многочисленного и самого необеспеченного сословия России — крестьянства. Реформа 1861 г. осталась недоведенной до конца: освободив крестьян от власти помещиков, она оставила их в не менее жесткой власти общины, которая в голодные годы спасает крестьян от бескормицы, но в целом становится тормозом на пути их самостоятельного хозяйственного и социального развития. Одной из труднейших проблем аграрной реформы для правительства, на которую указал премьер, остается увеличение площади землевладения крестьян, их землеустройства. При этом, заявил он, правительство не может согласиться с принудительным отчуждением земли помещиков, так как это нарушает *закон частной собственности*, что завтра может быть перенесено и на собственность самих крестьян. При том даже полное отчуждение помещичьей земли не может решить проблемы малоземелья в центральных губерниях страны ввиду существенного прироста населения и крайне неравномерного его расселения по регионам России. Реальное решение крестьянского землеустройства правительство видит, с одной стороны, в обеспечении льготного кредита для приобретения в собственность через Крестьянский банк государственных и запущенных в продажу помещичьих земель, а также в освоении пригодных для земледелия пустующих земель, которых так много в Сибири, в организации добровольного переселения туда крестьян из перенаселенных центральных губерний при поддержке и помощи властей.

В правительственной декларации был поднят и рабочий вопрос. В рабочее законодательство правительство включило ряд проектов: государственное страхование в случае болезней, увечий, инвалидности и старости, установление новых норм труда для подростков и женщин, общее сокращение продолжительности рабочего дня и пр. Рост благосостояния народа Столыпин тесно увязывал с развитием народного образования. Предполагалось, в частности, принятие закона о всеобщем начальном образовании, утверждался принцип преемственности начального, среднего и высшего образования при всем разнообразии их программ, была рекомендована организация специального агрономического и землеустроительного просвещения. Обозначив таким образом довольно широкий круг проблем, которые

предстоит решать правительству, премьер призвал депутатов к сотрудничеству. Однако думская оппозиция вместо делового обсуждения декларации обрушилась на премьера с обвинениями.

Несмотря на это Столыпин выступил перед Думой вторично с развитием идей аграрной реформы. Важное место в его речи заняла критика альтернативных программ, прежде всего социал-демократической. С позиций интересов государства и права он подверг критике предлагаемый ими способ решения аграрной проблемы, предусматривавший конфискацию помещичьей и *национализацию всей земли*. Премьер еще раз подчеркнул, что национализация земли с последующим ее перераспределением не решит проблемы малоземелья даже в чисто количественном отношении, но приведет к гражданской войне. Наконец, национализация *всей земли* отучит крестьянина от продуктивного хозяйствования на *своей собственной земле*, сформирует отношение к земле как *ничейной*, в лучшем случае *божьей*, что не оградит ее от хищнического использования и разбазаривания деревенской бюрократией.

Для того чтобы поднять крестьянское землевладение, отметил Столыпин, необходимо дать возможность способному трудолюбивому крестьянину трудиться на *своей земле* и пользоваться плодами трудов своих, превратив их в неотъемлемую собственность. Возражая сторонникам общины, он заявил: «Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть будет наследственная. Такому собственнику-хозяину правительство обязано помочь советом, помочь кредитом, т.е. деньгами»²⁴. Свою речь премьер закончил словами: «Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, *нам нужна великая Россия!*»²⁵.

Однако выступление премьера не изменило отношений между правительством и Думой. Практически Дума выразила правительству вотум недоверия. Оценивая доклад премьера и поведение Думы, Миллюков, постоянный оппонент Столыпина, честно заметил: «Ни один европеец не понял бы, каким образом после такой речи мог бы последовать вотум недоверия»²⁶. Не ограничиваясь обструкцией правительственной декларации, думская оппозиция организовала саботаж законодательной работы, используя для этого право депутатских запросов. Респуск Думы стал неотвратим.

Но повторение процедуры роспуска первой Думы и созыва новой на основе существующего избирательного закона не предвещало ничего хорошего, и потому была начата подготовка нового закона. Его опубликование **3 июня** оппозиция оценила как государственный «*третьеиюньский переворот*». Но, по определению В.В.Леонтовича, так называемый «третьеиюньский переворот» в действительности представлял собой попытку спасти либеральный курс России²⁷.

В результате смены избирательной системы ядром третьей Думы стали октябристы во главе с А.И.Гучковым, настроенные на конструктивную работу с правительством. Кадеты заняли выжидательную позицию. Они не хотели разгона Думы и предпочитали обойтись без революции, а потому были готовы сотрудничать с «проправительственной» партией октябристов по частным вопросам.

Государственная Дума третьего созыва, начавшая свою деятельность 1 ноября 1907 года, отработала весь ей положенный пятилетний срок.

Работа третьей Думы проходила сложно, не без противоречий. Но главным итогом ее деятельности стало *принятие*, наконец, *аграрного закона* на основе указа 9 ноября 1906 г., за что последовательно и упорно бился премьер. Выступая 5 декабря 1908 г. на заседании Думы уже после принятия закона, Столыпин еще раз повторил, что только трудом «разумных и сильных» хозяев земли, а «таких сильных людей в России большинство», может воскреснуть наша обнищавшая земля. А земля — «это залог нашей силы в будущем, земля — это Россия»²⁸. Столыпин мечтал о 10–20 годах мирной работы, чтобы этот закон полностью реализовал себя. Знаменательно, что, оценивая перспективы реализации этого закона, В.И.Ленин признавал, что если бы столыпинская аграрная политика продержалась достаточно долго, пересоздав окончательно на буржуазный лад все деревенские земельные отношения, это могло бы «заставить нас отказаться от всякой аграрной программы»²⁹, поскольку это означало бы подрыв социальной базы революции в деревне. Да и кадеты также понимали, что в случае успеха столыпинской реформы их аграрная программа потеряет всякий практический смысл³⁰.

Особенностью государственной деятельности Столыпина на посту председателя Совета министров было соединение им управленческой деятельности с контрольно-исполнительной. Примером реализации второго направления может служить его поездка в 1910 г. в Сибирь, Алтай, Поволжье, обусловленная необходимостью контроля и совершенствования начавшегося переселенческого процесса. Столыпин считал, что перевод массы крестьянских хозяйств на пус-

тующие, но весьма привлекательные с точки зрения ведения сельского хозяйства земли Сибири не просто поможет решить проблему малоземелья в центральных губерниях, но имеет общезкономическое и стратегическое значение для страны.

Вопреки бытовавшему в историко-партийной литературе мнению можно согласиться с Леонтовичем, что Столыпин вывел Россию *на валу хоть медленного, но эволюционно-поступательного развития, которое через конституционную монархию вело к конституционному строю.*

1908—1910 гг. были годами хороших урожаев, новые темпы набирало промышленное производство, спала волна насилия, что открывало благоприятные возможности для продолжения и углубления реформ и должно было бы укрепить позиции премьера. Вопреки этому Столыпин оказался в сложной ситуации. В Государственном совете один за другим стали проваливаться его проекты, уже утвержденные Думой. Правые его обвиняли в том, что он выступал в Думе не в качестве «верноподданного слуги своего государя», а проводил собственную политику, что якобы косвенно подвело к мысли о ненужности самого института самодержавия. Эту «крамольную идею» верноподданные слуги государевы постарались довести до сознания Николая, на что и последовала незамедлительная реакция. По свидетельству Гучкова, складывалось впечатление, что Столыпина обложили со всех сторон. Враждебность к нему откровенно проявляла придворная камарилья, почувствовавшая свою ненужность новому режиму, создаваемому премьером. Затаила неприязнь к Столыпину и реакционно настроенная часть дворянства, терявшая свои экономические и политические привилегии по мере укрепления нового статуса крестьянства. И весь этот растревоженный улей ос не прощал Столыпину ни его просчетов, ни тем более успехов³¹.

По многим приметам, в том числе и по организации официальной поездки двора в Киев на освящение памятника Александру II, в которой в свите царя не нашлось места премьеру, придворная камарилья поняла: царь бросил Столыпина. Ответом на это стало публичное, на глазах царя, а фактически «заказное убийство» царской охранкой ставшего негодным премьера. В этом убийстве царская охранка фактически вступила в сговор с боевиками эсеров и анархистов, концы его, как в жанре хорошего детектива, очень быстро были спрятаны в воду.

Столыпину удалось реализовать лишь малую часть того, что было им задумано. В приведенном кадетом А.С. Изгоевым длинном перечне запланированного Столыпиным возле многих пунктов стоят пометки «не сделано», «реализовано частично». Однако сам список и содержание намеченных реформ впечатляют.

Реализовано было главное: осуществлена многотрудная аграрная реформа. Сам Изгоев замечает по этому поводу: «Для нас несомненно, что из всех столыпинских дел проведенная им земельная реформа — самое важное и самое значительное. Земельная реформа 9 ноября есть в сущности *социальная революция*. Эта реформа — тот итог, который жизнь подвела русской революции в ее самой острой социальной форме крестьянского движения». И чуть дальше: «Создание мелкого личного собственника является основной государственной потребностью, и какая бы партия ни очутилась у власти, она логикой вещей, быть может, после тяжелых кровавых испытаний, после попыток осуществления утопических программ, была бы все равно подведена к этой исторической задаче»³². К сходной оценке приходит и П.Б.Струве: «Как бы ни относиться к аграрной политике Столыпина — можно ее воспринимать как величайшее зло, можно ее благословлять как благотворительную хирургическую операцию, — этой политикой он совершил огромный сдвиг в русской жизни. И — *сдвиг поистине революционный и по существу, и формально*. Ибо не может быть никакого сомнения, что с аграрной реформой, ликвидировавшей общину, по значению в экономическом развитии России в один ряд могут быть поставлены лишь освобождение крестьян и проведение железных дорог» (выделено нами — *Авт.*)³³.

Бесспорная политическая заслуга Столыпина состоит и в том, что он *приучил русскую общественность к думскому, по существу парламентарному стилю государственного управления*. Это признает и один из главных его оппонентов — В.А.Маклаков: «Те, кто пережил это время, видели, как конституция стала воспитывать и власть и самое общество. Можно только дивиться успеху, если вспомнить, что конституция просуществовала нормально всего восемь лет (войну нельзя относить к нормальному времени.) За этот восьмилетний период Россия стала экономически подниматься, общество политически образовываться. Появились бюрократы новой формации, понявшие пользу сотрудничества с Государственной думой, и наши политики научились делать общее дело с правительством... Совместное участие власти и общества в управлении государством оказалось и для тех и для других незаменимою школою, а для России началом ее возрождения»³⁴.

И, наконец, оценивать государственного деятеля следует не только по тому, что он смог сделать в заданных не им обстоятельствах, но и по тому, что он задумал, хотя по тем или иным причинам не смог реализовать. Задуманное им остается в наследие следующим поколениям государственных деятелей.

Так закончилась эволюционно-либеральное развитие в истории России.

У.4. Конеч самодержавия. Завершение исторического цикла

Выборы в IV Думу не принесли ничего нового. Ее состав почти полностью повторял состав III Думы с некоторым «поправением». Но если III Дума начинала работу при сильном премьерe Столыпине, стремившемся к сотрудничеству с Думой, то IV Думе пришлось работать с престарелым царедворцем Горемыкиным, начинавшим еще при I Думе. IV Дума сформировалась в предкризисный для страны и мира период — в канун первой мировой войны и по мере возможности осуществляла свою миссию с ноября 1912 по октябрь 1917 г. Ее председателем все это время оставался крупный землевладелец октябрист М.В.Родзянко.

Изменились и обстоятельства: если III Дума завершала свой полный цикл работы в условиях экономического подъема страны, которому сопутствовало некоторое успокоение в общественной политической жизни, то IV Дума начала работу в условиях радикализации общественных настроений, чему способствовала реакция рабочих и общественности на Ленский расстрел. Страну взбудоражил, разбив на 2 лагеря, и спровоцированный антисемитский процесс по делу Бейлиса. Однако в начале означенного периода ситуация удерживалась в том равновесном состоянии, при котором возможны были оба исхода: и реформ под нажимом Думы, и восстановление самодержавия в полном объеме. Правда, обозначился и третий исход: обострение революционного кризиса в результате роста рабочего движения при бездарно реакционной политике властей.

В деятельности IV Думы можно выделить три периода: 1) борьба с властью за проведение реформ и само существование Думы; 2) образование *Прогрессивного блока* и его усилия повлиять на государственную политику правительства; 3) борьба за власть — образование Временного правительства и подготовка Учредительного собрания.

Итак, IV Дума начала свою работу с выяснения отношений с правительством. Самодержавие обращалось к Думе при необходимости утверждения бюджета и «по случаю» получения новых займов и проч. При таких условиях борьба за конституционные реформы оказывалась фикцией. Малейшее отклонение Думы в сторону проработки конституционных реформ вызывало недовольство правых в самой Думе, которое тут же доводилось до сведения царя.

Вскоре в воздухе *запахло войной*. В качестве предупреждения царь подписал, не поставив даты, указ о *досрочном роспуске Думы* до созыва следующей, уже *совещательной*. В развитие этой идеи «на время войны» были закрыты все общественные и рабочие организации. 5 но-

ября 1914 г. вопреки иммунитету были арестованы большевистские депутаты Государственной думы. Протесты руководства Думы ни к чему не привели. Предвидя демарш левых и кадетов, правительство ударило по самому жизненному нерву думской деятельности — свободе слова и печати. За пропаганду республиканской формы правления депутат, позволивший себе это, мог быть привлечен к судебной ответственности. Важен был не столько сам факт, сколько прецедент, поддержанный и раздутый правыми. Но в условиях «полевения» обстановки в стране и предвоенной ситуации разогнать Думу было рискованно. Слухи о скором ее конце вызвали обеспокоенность союзников России. Под давлением западной дипломатии последовал царский рескрипт, в котором говорилось, что работа правительства и законодательных учреждений должна быть основана на взаимном доверии. Так был сохранен статус Думы и продлен срок ее полномочий.

IV Дума не была однородной по своему составу. В ней стихийно сложилась ситуация возможности образования двух блоков: *правого* — правые + октябристы, и *левого* — кадеты + левые земцы-октябристы и прогрессисты, представители образованной в 1912 г. партии, объединявшей крупную, «новую буржуазию», ориентированную на европейские либеральные ценности. Новую партию возглавляли И. Н. Ефремов и Н. Н. Львов, активную роль в ее деятельности играл крупный заводчик А. И. Коновалов. В то время как кадеты и октябристы в условиях войны стремились действовать «сдержанно» в соответствии с конституцией в качестве «*оппозиции его Величества*» (Милюков), партия прогрессистов откровенно рвалась к власти и потому была настроена более оппозиционно. У нее не было никаких иллюзий и относительно самодержавия. «Правительство обнаглело до последней степени, потому что не видит отпора со стороны масс, будучи уверенным, что страна заснула мертвым сном», — открыто заявлял Коновалов. Дума должна, наконец, заставить его проснуться и выполнять свои задачи, либо уйти в отставку и не мешать это делать другим. В этих целях прогрессисты не брезговали и провокацией революционными эксцессами: два-три подобных эксцесса, считали они, и правительство вновь обнаружит свою трусость. Кадеты отказались играть в эту «игру». «Наш русский опыт был недостаточен, чтобы снять с «революции», как таковой, ее ореол и разрушить в моих глазах ее мистику, — заявлял по этому поводу Милюков. — *Я знал, что там — не мое место*» (выделено нами — *Авт.*)³⁵.

Вступление России в войну в июле 1914 г. с Австро-Венгрией и Пруссией в корне изменило политическую и экономическую ситуацию в стране. Уроки русско-японской войны были забыты обществом.

И началу новой, в перспективе более суровой, войны сопутствовали *ура-патриотические настроения*. Под эти общие настроения подпала и Дума, когда все фракции готовы были объединиться с правительством под лозунгами «Все для фронта!», «Все для победы!», «За великую и неделимую Россию!». Этому способствовали первые успехи наступления армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии, но последовавшее поражение русской армии отрезвляюще подействовало на здравомыслящих политических деятелей, в том числе представленных в Думе. Лишь власть и придворная камарилья продолжали раскручивать идею патриотического единения народа вокруг царя. В этих условиях деятельность Думы, считали они, ее вмешательство в *государственные дела* только вредит делу. На этой почве развернулась упорная, с переменным успехом, борьба между исполнительной властью во главе с царем и Думой как выразительницей общественных настроений.

Резкий поворот властей направо, прикрытый демагогическими разглашательствами о «новом курсе» в условиях войны, заставил Думу перейти от сдержанной позиции к активному действию. *Только сильное волевое действие* спасет Думу от пренебрежения к ней власти, которая, наступая на ее полномочия, забывала, по выражению лидера прогрессистов И. Н. Ефремова, что «Дума — единственная серьезная преграда от революции, единственная надежда на мирное разрешение конфликта между властью и страной»³⁶. Следовало предпринять что-то экстраординарное, определив *стратегический план* не только выживания Думы в новых условиях, но и влияния ее на общественную жизнь страны. Так родилась идея создания *Прогрессивного блока*, включающего кадетов, прогрессистов и отчасти октябристов, способного встать на пути реакции, поднять авторитет Думы и заставить правительство считаться с ней.

Однако между потенциальными членами блока разгорелась дискуссия по поводу формулы такого сотрудничества. Левые радикалы настаивали на формуле «*правительство, ответственное перед Думой*». Но под влиянием Милюкова и умеренных кадетов была принята формула — «*министерство, пользующееся общественным доверием*», что предполагало чистку министерства от реакционеров с сохранением его статуса. Это в определенной мере снимало ответственность за происходящее в стране с Думы и целиком возлагало ее на правительство. На этой основе 9 августа 1915 г. и произошло организационное объединение левоцентристских фракций Думы в единый **Прогрессивный блок**: в него вошло 236 депутатов, т.е. большинство, превышающее 2/3 ее состава. Это был кульминационный пункт политической деятель-

ности IV Государственной думы. Деятельность Прогрессивного блока означала открытую конфронтацию либеральной буржуазии и самодержавия. А тем временем рабочие Петрограда создали свой отнюдь не легитимный, но пользующийся авторитетом, орган во главе с меньшевистскими членами РСДРП — **Совет рабочих депутатов**.

Политическое значение Прогрессивного блока, по определению его признанного вождя Милюкова, заключалось в последней попытке найти мирный выход из положения, которое в силу военных и внутриполитических причин с каждым днем становилось все более грозным при том, что правительство продолжало действовать бездарно. Подлинное назначение Прогрессивного блока его лидеры видели в том, чтобы *взять руководство дальнейшими событиями в свои руки*, выстоять в войне и уберечь страну от разрушительной революции.

Между тем в правительственных кругах усилилась тревога в связи с решением царя отстранить вел. кн. Николая Николаевича с должности главнокомандующего войсками и самому возглавить руководство армией непосредственно из Ставки, находящейся в Могилеве. Попытки отговорить царя от этой безумной затеи великими князьями не увенчались успехом. По существу царь уезжал из столицы, потому что почувствовал себя *лишним* здесь, хотя уверял себя и близких, что он почувствовал Божественное призвание, которое воодушевит армию. Выражая общие настроения, кадет Набоков открыто заявлял, что передовое русское общественное мнение изверилось в царя и постепенно пришло к сознанию, что нельзя одновременно быть с царем и с Россией.

С другой стороны, отъезд царя из Петрограда в Ставку превращал властные структуры в сферу деятельности и интриг императрицы и ее духовного наставника Распутина. Реакция их политического тандема не замедлила сказаться: под видом уступок общественному мнению, а на самом деле по рекомендации Распутина, произошла частичная смена кабинета. Вместо изжившего себя на посту премьера Горемыкина был назначен Б.Н. Штюрмер, ничтожная личность с непомерным честолюбием, к тому же немецких корней. В качестве прикрытия непопулярного решения якобы по рекомендации Прогрессивного блока, а на самом деле того же Распутина, министром внутренних дел был назначен октябрист хлестаковского типа — А.Д. Протопопов, сыгравший впоследствии весьма двурушническую роль. При дворе стали распространяться слухи о заговоре в пользу сепаратного мира с немцами, среди высшего генералитета раздавались голоса в пользу военной диктатуры в обход Романовых. Дума, деятельности которой ставились всяческие препоны, теряла свой ав-

торитет. Не случайно кадет Маклаков заговорил о необходимости принять какие-то срочные меры, чтобы оживить к ней интерес общественности. Однако Милюков отмел все варианты заигрывания с революцией. Позже в беседе с эсдеком Н.Н.Сухановым он приоткрыл ему стратегию партии и Прогрессивного блока, отвечая заодно и своим более радикальным товарищам по партии: «...мы, как ответственная оппозиция, несомненно, стремимся к власти и шли по пути к ней, но мы шли к власти не путем революции. Этот путь мы отвергали, этот путь был не наш...»³⁷.

На свою пятую сессию, которая могла оказаться последней, Дума собралась 1 ноября 1916 г. К этому времени Прогрессивный блок обрел свое второе дыхание. Он открыто заявил о неспособности правительства руководить страной и армией, и объявил о своей готовности *бороться до тех пор, пока оно не уйдет*. В этих условиях большой политической резонанс произвела речь Милюкова. На предшествующей сессии в феврале 1916 г., напомнил он, «я кончил свою речь заявлением, что мы не решаемся больше обращаться к «государственной мудрости» и что я не жду ответа на тревожные вопросы от теперешнего состава кабинета». Тогда мои слова показались некоторым излишне мрачными. Теперь мы идем дальше, и, может быть, эти слова будут светлее и ярче. Мы говорим этому правительству, как сказала декларация блока: *мы будем бороться с вами до тех пор, пока вы не уйдете*. (Голоса слева: правильно, верно)» (выделено нами — Авт.). И далее, припоминая историю одного из министров, который на обвинение его в измене чистосердечно заявил: «Я может быть и дурак, но не изменник», Милюков заметил: «Не стоит вспоминать прошлое, — но когда все с большей настойчивостью Дума напоминает, что надо организовать тыл для успешной борьбы, а власть продолжает твердить, что организовать страну — значит организовать революцию и сознательно предпочитает хаос и дезорганизацию, что это — *глупость или измена?*». При этом в речи было названо имя императрицы. «Вот почему и у нас не остается никакой другой задачи, кроме задачи, которую я уже указал: добиваться *ухода этого правительства*» (выделено нами — Авт.)³⁸. Многие исследователи связывают с выступлением Милюкова отставку царем ставленника императрицы и Распутина — Штюрмера и замену его А.Ф.Треповым. Однако и эта кандидатура не могла уже удовлетворить левых представителей Прогрессивного блока. Это была не та фигура, которая могла основать *кабинет общественного доверия*.

Речь Милюкова, запрещенная к печати, в списках разошлась по стране. Она произвела впечатления *сигнала к штурму*. И хотя сам Милюков уверял всех, что он имел в виду «глупость», но в народе, в ар-

мии заговорили об *измене*. Так, по свидетельству А.И.Деникина, роковое слово «измена» сыграло потрясающее впечатление в армии, изменив ее настроение в отношении к династии и революции. Более того, по мнению некоторых современников, речь Милюкова 1 ноября послужила началом русской революции. Е.Д.Кускова в своих воспоминаниях так же утверждает, что при тогдашних обстоятельствах его речь «гораздо более подняла революционное настроение русского общества, чем все подпольные манипуляции большевиков»³⁹.

Однако озвученное Милюковым слово «измена» сыграло и иную политическую роль: оно способствовало возбуждению антиправительственных настроений в различных слоях общества и порождению сети заговоров, имевших в виду пресечение *измены* двора. Следует отметить, что инициаторами заговорческого ажиотажа стали, прежде всего, члены разросшейся «семьи» великих князей дома Романовых. Поводом послужило отстранение всеми уважаемого и в «семье» и в народе вел. кн. Николая Николаевича от должности верховного главнокомандующего. Первой жертвой этих заговоров стал Распутин, во-первых, потому что он в отсутствие царя усилил через императрицу свое вмешательство в политические дела страны, во-вторых, его обвиняли в небескорыстных связях с немецким штабом; наконец, в-третьих, ходили упорные слухи, что он сам готовит заговор с целью устранения «папаши» и передачи всей полноты власти в качестве регентши «мамаше». Но даже убийство Распутина не изменило общественных настроений, напротив, в сферу общественного недоверия попадали императрица и сам царь.

Заговоры множились, усиливая состояние общей политической нестабильности в стране. Причем модель заговоров строилась в стиле XVIII в.: захватить императрицу в Царском Селе и либо отправить ее под конвоем за границу, либо, что надежнее — заточить в монастырь. Что касается императора, то здесь планы расходились от принудительного отречения его от трона в пользу Николая Николаевича, либо, на худой конец, до его физического уничтожения. Однако все эти заговоры носили чисто внешний характер, без просчета последствий. Чуть позже заговорческая мания вовлекла в свои тенета и некоторых правых деятелей Думы (следы в этом отношении оставили кн. Львов, Гучков, Родзянко), вошедших в контакт с «оппозиционными» представителями «семьи». В сферу заговорческого движения оказались вовлеченными и военные (Корнилов, Крымов). Но генералы действовали весьма осторожно, так как прекрасно понимали, что для реализации любого заговора необходима военная сила, сочувствующая своим начальникам. Солдаты же к началу 1917 г. хотя

и устали от войны, в бездарном ведении которой винили царя, еще не осознали, что им больше было нужно — прекращение войны любой ценой или ликвидация самодержавия.

Слухи о готовящихся заговорах, естественно, доходили до двора и Ставки, вызывая серию контрмер вплоть до высылки вел. князей за пределы страны, смены военачальников на фронтах и гарнизонов в столицах, закрытия Думы, хотя именно Дума служила каким-то барьером на пути революции. На этом фоне фактического безвластия на рубеже 16 и 17 годов в стране вырвалась и разрасталась **новая Смута**, усиливающаяся продовольственным кризисом. Ее общую характеристику достаточно точно дает записка петроградского жандармского управления. «Безудержная вакханалия мародерства и хищений различного рода темных дельцов в разнообразных областях торгово-промышленной и общественно-политической жизни страны, бессистемные и взаимопротиворечивые распоряжения представителей местной администрации (и не только местной — *Авт.*), недобросовестность... низших агентов власти на местах; и, как следствие всего вышеизложенного, неравномерное распределение продуктов питания и предметов первой необходимости, прогрессирующая дороговизна и отсутствие источников и средств питания у голодающего в настоящее время населения столицы и крупных общественных центров — все это (...) определенно и категорически указывает на то, что грозный кризис уже назрел и неизбежно должен разразиться в ту или иную сторону»⁴⁰. В этом зыбком противостоянии власти и масс не выдержала власть.

25 февраля 1917 г. указом Николая II деятельность Думы была прекращена. Вслед за этим разбежалось и царское правительство. 27 февраля при поддержке рабочих демонстраций был образован «Временный комитет Государственной думы» вскоре преобразованный во «Временное правительство» во главе с бывшим председателем Думы — М. В. Родзянкой. В условиях безвластия Временное правительство было *вынуждено* взять власть в свои руки, не будучи в полной мере готовым к этому: было не ясно, где «законное» правительство, каково отношение к происходящему царя и какова легитимность самого Временного правительства? В этом проявилась еще одна слабость Прогрессивного блока, его неспособность к действиям, опережающим события. «Несомненно, этот акт Временного комитета Государственной думы был *революционным актом* «Прогрессивного блока», — вспоминал позже меньшевик Н. Н. Суханов. — Он шел вразрез с законопослушными традициями и с элементарными правами и обязанностями Государственной думы»⁴¹. Но, по его мне-

нию, мнению эсдека, ошибка Временного правительства состояла в том, что оно было ориентировано не на развитие революции, а на спасение династии в форме конституционной монархии во имя доведения войны до победного конца.

2 марта два представителя Временного комитета Государственной думы А.И.Гучков и В.В.Шульгин явились в Ставку и от имени Комитета потребовали отречения царя в пользу, как они полагали, наследника. Но Николай, в нарушение Основных законов, отрекся от своего имени и от имени наследника в пользу вел. кн. Михаила, что было неправомочно. Михаил, понимая это, отложил свое решение до Учредительного собрания. Впечатляет и то обстоятельство, что накануне своего отречения царь обратился по телеграфу ко всем командующим войсками с вопросом, как ему поступить. И все опрошенные генералы, за исключением одного, высказались за отречение. Царь оказался *лишним и на фронте, каким он был, находясь у власти, в Петрограде.*

Не оправдался и расчет думских «стратегов» поставить между Временным правительством и революцией невинного царевича и тем самым легитимизировать свою власть. Между уже не легитимным самодержавием и парламентом с его Временным правительством образовалась «третья сила» — это **Совет рабочих депутатов** революционного Петрограда, «организация, приспособленная для боевых действий» и «готовая взять дело революции *свое дело в свои руки*»⁴².

Временному правительству не оставалось ничего другого, как назначить выборы в Учредительное собрание на 5—6 января 1918 г. Но, пренебрегая легитимностью, именем «революционного народа», оно было разогнано большевиками, только потому, что они представляли в нем меньшинство. Большевики просто *подобрали власть*, брошенную самодержавием и не сумевшим удержать ее Временным правительством.

Не оправдались надежды и Николая. Он отрекся от престола Российской империи во имя того, чтобы *спасти семью*. Но английские коронованные родственники отказались предоставить ему убежище. А в российскую ссылку он ехал уже не как Император Всероссийский, а как *гражданин Романов*. И трагедия, произошедшая с ним в Екатеринбурге, мало чем отличалась от трагедий тысяч и тысяч российских *граждан*. Так **кончилось самодержавие в России**, и этим завершился еще один цикл российской истории.

Цикл российской истории завершился, но история продолжается. Пережив полный цикл социализма и его крушение, история, казалось бы, вернулась на проторенные колеи предшествующего цик-

ла. Свидетельства тому приводит А.А. Кара-Мурза в своей книжке «Между «империей» и «смутой»⁴³. Но историю нельзя предопределить заранее. У нее всегда остаются скрытые интенции и альтернативы развития, о которых писал Питерим Сорокин, и в духе его прогнозов можно предположить, что общество, исчерпав проигранные ресурсы прошлого, станет на путь интегрального развития открытого в будущее.

Примечания

- 1 *Боханов А. Н.* Николай II // Российские самодержцы (1801–1917). М., 1993. С. 356.
- 2 Полн. собр. речей императора Николая II. 1894–1906. СПб., 1906. С. 7.
- 3 *Пайнс Р.* Русская революция. Ч. 1. М., 1994. С. 7.
- 4 См.: *Секиринский С. С., Шелохаев В. В.* Либерализм в России. М., 1995. Гл. 4.
- 5 «Освобождение» 19 июля 1904. № 52. С. 33.
- 6 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2 С. 8.
- 7 Из Манифеста 17 октября 1905 г.
- 8 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 259.
- 9 Полн. собр. речей императора Николая II. 1894–1906. СПб., 1906. С. 74–75.
- 10 См.: *Леонтович В. В.* История либерализма в России. М., 1995. С. 443 и далее.
- 11 *Пайнс Р.* Русская революция. Ч. 1. М., 1994. С. 175.
- 12 Цит. по: *Миллюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 405.
- 13 *Винавер М.* Конфликты в первой Думе. СПб., 1907. С. 3.
- 14 *Крыжановский С. Е.* Воспоминания. [Берлин], Б. г. С. 219–220.
- 15 См.: *Новикова Л. И.* П. А. Столыпин как государственный деятель // Полис. 2001. № 4.
- 16 *Крыжановский С. Е.* Цит. соч. С. 211.
- 17 *Миллюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 353.
- 18 См.: *Пайнс Р.* Русская революция. Т. 1. М., 1994. С. 186.
- 19 *Вентин А.* Современный мир. 1910. № 4, ч. 2. С. 69.
- 20 Вехи: Сб. ст. о рус. интеллигенции // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 44.
- 21 См.: Невостребованные возможности русского духа. М., 1995.
- 22 Цит. по: *Дякин В. С.* Был ли шанс у Столыпина? // Звезда. 1990. № 12. С. 114.
- 23 *Столыпин П. А.* Нам нужна великая Россия: Полн. собр. речей в Гос. думе и Гос. совете. М., 1991. С. 50.
- 24 Там же. С. 3–94.
- 25 Там же. С. 96.
- 26 *Миллюков П. Н.* Вторая Дума. СПб., 1908. С. 197.
- 27 *Леонтович В. В.* Цит. соч. С. 527–28, 533.
- 28 Там же. С. 178–180.
- 29 *Ленин В. И.* Об оценке текущего момента // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 32.
- 30 См.: *Дякин В. С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство. В 1907–1911 гг. Л., 1977. С. 123.
- 31 См.: *Изгоев А. П.* А. Столыпин. Очерк жизни и деятельности. М., 1912. С. 85.
- 32 Там же. С. 74, 77–78.
- 33 *Струве П.* Преступление и наказание // Пётр Столыпин. Российские судьбы. М., 1998. С. 232–233.

- ³⁴ *Маклаков В.А.* Вторая Государственная Дума. Париж, 1942. С. 601.
- ³⁵ *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 2 С. 38.
- ³⁶ Государственная Дума 1906–1917: Стеногр. отчет. Ч. 4. М., 1995. С. 52.
- ³⁷ *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 1. М., 1991. С. 88.
- ³⁸ Государственная Дума. 1906–1917 гг. Ч. 4. С. 47–48.
- ³⁹ См.: *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. М., 2003. С. 91
- ⁴⁰ Там же. С. 39.
- ⁴¹ *Суханов Н.Н.* Цит. соч. С. 74.
- ⁴² Там же. С. 76.
- ⁴³ *Кара-Мурза А.А.* Между «империей» и «смутой». М., 1996.

Артикул воинский 26 апреля 1715 г.

Божиею милостию, мы Петр Первый, царь и самодержец всероссийский, и протчая, и протчая, и протчая.

Повелеваем всем обще нашим генералом, штаб, обор и ундер-офицерам и салдатам, как подданным, так и чужестранным, в службе нашей пребывающим, покорным и послушным быть по своей должности, и все пункты сего артикула право исполнять, и всякому особо высокого и низкого чина без всякаго изъятия нам, яко государю своему, присягу чинить: в том, дабы им верно, честно, с доброю охотою себя содержать, и как сии последствующие пункты в себе содержат, как честным воинским людям благопристойно, против всех наших и государств наших неприятелей, телом и кровию, хотя и в поле, во осадах, сухим и водяным путем прилучитца, служить, и по крайней возможности тщательно радеть, и чтоб им наш и государств наших подданных убыток отвращати, и против того же прибыток и лутчую пользу знати и вспомогати и в том никакова ради страха не отбегать, ниже трудов жалеть толь долго, пока бог всякому живот продолжит. И дабы неведением никто не отговаривался, надлежит сей артикул на смотрех, а особливо при всяком полку по единожды прочитать в неделю, чтоб всяк своего стыда наказания и безчестия удался и бегал, против тогож о благодеянии, храбрости и повышении прилежание имел.

Присяга или обещание всякого воинскаго чина людем

«Я (имя рек) обещаюсь всемогущим богом служить всепресветлейшему нашему царю государю верно и послушно, что в сих поставленных, також и впредь поставляемых воинских артикулах, что оные в себе содержать будут, все исполнять исправно. Его царского величества государства и земель его врагам, телом и кровию, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах, и штурмах, и в протчих воинских случаях, какова оные звания ни есть, храброе и сильное чинить противление, и всякими образы оных повреждать потщусь. И ежели что вражеское и предосудительное против персоны его величества, или его войск, такжеде его государства, людей

или интересу государственного что услышу или увижу, то обещаюсь об оном по лутчей моей совести, и сколько мне известно будет, извещать и ничего не утаить; но толь паче во всем ползу его и лутчее охранять и исполнять. А командирам моим, поставленным надо мною, во всем, где его царского величества войск, государства и людей благополучию и приращению касаетца, в караулах в работах и в протчих случаях, должное чинить послушание, и весьма повелению их не противитца. От роты и знамя, где надлежу, хотя в поле, обозе или гарнизоне, никогда не отлучатца, но за оным, пока жив, непременно, добровольно, и верно так, как мне приятна честь моя и живот мой, следовать буду. И во всем так поступать, как честному, послушному, храброму и неторопливому салдату надлежит. В чем да поможет мне господь бог всемогущий».

Понеже сия присяга вообще всякому чину положена, того ради надлежит тому, кто к присяге приводить, выписывать, которому чину что принадлежит, а ундер-офицерам и салдатам все.

Богу единому слава
ВОИНСКИМ АРТИКУЛАМ

МАНИФЕСТ О ДАРОВАНИИ ВОЛЬНОСТИ РОССИЙСКОМУ ДВОРЯНСТВУ, 18 ФЕВРАЛЯ 1762 Г.

Безсмертные славы премудрый монарх, любезный государь дед наш, Петр Великий и император всероссийский, какую тягость и коликие труды принужден был сносить единственно для благополучия и пользы отечества своего, возводя Россию к совершенному познанию, как военных, гражданских, так и политических дел, тому не только вся Европа, но и большая часть света неложный свидетель.

Но как к возстановлению сего нужно было в наипервых, яко главный в государстве член, благородное *дворянство*, приучить и показать, сколь есть велики преимущества просвещенных держав в благоденствии рода человеческого против безчисленных народов, погруженных в глубине невежеств; то по сему в тогдашнее ж время самая крайность настояла российскому дворянству, оказывая отличные свои к ним знаки милости, повелел вступить в военные и гражданские службы и сверх того обучать благородное юношество не только разным свободным наукам, но и многим полезным художествам, посылая оных в европейские государства и для того ж самого учреждая и внутрь России разные Училища, дабы с наивышшею поспешностью достигнуть желаемого плода.

Правда, что таковые учреждения, хотя и в начале частию казались тягостными и несносными для дворянства, лишаться покоя, отлучаться домов, продолжать против воли своей самим военную и другие службы, и детей своих в оных записывать, от которой некоторые укрывались, подвергая себя за то не только штрафам, но и лишались имений своих, как нерадивые о своем и потомков своих добре.

Упомянутому ж установлению, хотя оное в начале несколько и с принуждением сопряжено было, но весьма полезное, последовали все со времени Петра Великого владеющие российским престолом, а особливо любезная наша тетка блаженной памяти государыня императрица Елисавета Петровна, подражая делам государя, родителя своего, знание политических дел и разные науки распространила и умножила под своим покровительством в Российской державе, но что ж из всего того произошло, мы с удовольствием нашим видим, и всяк истинный сын отечества своего признать должен, что последовали от того неисчетные пользы, истреблена грубость в нерадивых о пользе общей, переменилось невежество в здравый разум, полезное знание и прилежность к службе умножило в военном деле искусных и

храбрых генералов, в гражданских и политических делах поставило сведущих и годных людей к делу, одним словом заключить, благородные мысли вкоренили в сердцах истинных России патриотов безпредельную к ним верность и любовь, великое усердие и отменную в службе нашей ревность, а потому и не находим мы той необходимости в принуждении к службе, какая до сего времени потребна была.

И тако мы, в разсуждении упомянутых обстоятельств, по данной нам от всевышнего власти, из высочайшей нашей императорской милости, отныне впредь на вечные времена и в потомственные роды жалуем всему российскому благородному дворянству вольность и свободу, кои могут службу продолжать, как в нашей империи, так и в прочих европейских союзных нам державах, на основании следующего узаконения:

1) Все находящиеся в разных наших службах дворяне могут оную продолжать, сколь долго пожелают, и их состояние им позволит, однако ж военные ни во время компании, ниже пред начатием оной за три месяца об увольнении из службы, или абшида просить да не держают, но по окончании как внутрь, так и вне государства; состоящие в военной службе могут просить у командующих над ними об увольнении из службы или отставки, и ожидать резолюции; состоящие во всяких наших службах, в первых осьми классах, от нашей всевысочайшей конфирмации, а прочие чины получают определение по департаментам, до которых оные принадлежат.

2) Всех служащих дворян за благопорядочную и беспорочную нам службу наградить при отставке по одному рангу, если в прежнем чине, с которым в отставке идет, больше Года состоял, и то таковых, кои от всех дел увольнения просить будут; а кои из военной в статскую службу пожелают вступить и вакансии будут, то, и таковым по разсмотрении определяя, награждения чинить, если три года в одном ранге состоял, то есть в том, с которым идет к статской или другой какой нашей службе.

3) Кто ж, будучи в отставке, некоторое время или после военной, находясь в статской и других наших службах, пожелает паки вступить в военную службу, таковые приняты будут, естли их к тому достоинства окажутся, теми же чинами, в каковых они состоят, с переименованием военных чинов, но старшинством младшими пред всеми теми, кои с ними, когда они из военной службы уволены, в одних рангах состояли; есть ли ж таковые все уже повышены будут, то может и определяющийся в военную службу старшинство получить того дня, как определится; сие для того постановляем, дабы служащие перед неслужащими выгоду и пользу имели, равным образом кто, будучи и от

статской службы отставлен, и потом из отставки пожелает в статскую ж и другие бы кроме военной, а по его годности принять будет можно, то поступать сему ж артикулу, исключая одно переименование.

4) Кто ж, будучи уволен из нашей службы, пожелает отъехать в другие европейские государства, таким давать нашей Иностранной коллегии надлежащие паспорта беспрепятственно с таковым обязательством, что когда нужда востребует, то б находящиеся дворяне вне государства нашего явились в свое отечество, когда только о том учинено будет надлежащее обнародование, то всякий в таком случае повинен со всевозможною скоростью волю нашу исполнить под штрафом секвестра его имени.

5) Продолжающие службу, кроме нашей, у прочих европейских государей российские дворяне могут, возвратясь в отечество свое, по желаниям и способности вступить на вакансии в нашу службу; находящиеся в службах коронованных глав теми ж чинами, на которые патенты объявят, а служащие у прочих владельцев с понижением чинов, как о том прежде узаконение установлено, и по которому ныне исполняется.

6) А как по сему нашему всемилостивейшему установлению никто уже из дворян российских неволею службу продолжать не будет, ниже к каким-либо земским делам от наших учрежденных правительств употребится, разве особливая надобность потребует, но то не иначе, как за подписанием нашей собственной руки именным указом повелено будет, то ж и смоленское шляхетство; напротив того, в Петербурге и в Москве определено указом еще государя императора Петра Первого при Сенате и оного Конторе, по несколько человек из отставных дворян, для всяких случающихся надобностей; то мы высочайше повелеваем отныне впредь всегда погодно с переменою быть при Сенате по 30, а при конторе оного по 20 человек, для чего герольдии ежегодно по пропорции живущих в губерниях, а не в службах находящихся дворян и наряд чинить, однако ж не назначивая никого поименно, но самим дворянам в губерниях и провинциях меж собой выборы чинить, объявляя только, кто выбран будет, в канцеляриях, дабы оные могли о том в герольдию рапортовать, а выбранным высылку учинить.

7) Хотя сим нашим всемилостивейшим узаконением все благородные российские дворяне, исключая однодворцов, навсегда вольностию пользоваться будут, то наше к ним отеческое попечение еще далее простирается, и о малолетних их детях, коих отныне повелеваем для единственного только сведения объявлять в 12 лет от рождения их в герольдии, губерниях, провинциях и городах, где кому выгоднее и способнее, причем от родителей или от сродников их, у кого

онь в смотреии, брать известия, чему они до двенадцатилетнего возраста обучены, и где далее науки продолжать желают, внутрь ли нашего государства, в учрежденных на иждивении нашем разных училищах, или в прочих европейских державах, или в домах своих через искусных и знающих учителей, буде достаток имения родителям то сделать дозволит; однако ж чтоб никто не дерзал без обучения пристойных благородному дворянству наук детей своих впитывать под тяжким нашим гневом; того для повелеваем всем тем дворянам за коими не более 1000 душ крестьян, объявлять детей своих прямо в нашем Шляхетском кадетском корпусе, где они всему тому, что к знанию благородного дворянства принадлежит, с наиприлежнейшим рачением обучаемы будут, а по изучении всякой по его достоинству с награждением чинов выпустится, и потом может всякий вступить и продолжать службу по вышепомянутому.

8) Находящихся же ныне в нашей военной службе дворян, в солдатах и прочих нижних чинах менее обер-офицера, кои не дослужились офицерства, не отставливать, разве кто более 12 лет военную службу продолжал, то таковые получают увольнения от службы.

9) Но как мы сие наше всемилостивейшее учреждение всему благородному дворянству, на вечные времена фундаментальным и непрменным правилом узаконяем, то в заключение сего, мы нашим императорским словом, найторжественнейшим образом утверждаем, навсегда сие свято и ненарушимо содержать в постановленной силе и преимуществах и нижепоследующие по нас законные наши наследники в отмену сего в чем-либо поступить могут, ибо сохранение сего нашего узаконения будет им непоколебимым утверждением самодержавного всероссийского престола; напротив ж того мы надеемся, что все благородное российское *дворянство*, чувствуя толикие наши к ним и потомкам их щедроты, по своей к нам всеподданнической верности и усердию побуждены будут не удаляться, ниже укрываться от службы, но с ревностью и желанием в оную вступать, и честным и незазорным образом оную по крайней возможности продолжать, не меньше и детей своих с прилежностью и рачением обучать благопристойным наукам, ибо все те, кои никакой и нигде службы не имели, но только как сами в лености и праздности все время препровождать будут, так и детей своих в пользу отечества своего ни в какие полезные науки не употреблять, тех мы, яко суще нерадивых о добре общем, презирать и уничтожать всем нашим верноподданным и истинным сынам отечества повелеваем, и ниже ко двору нашему приезд или в публичных собраниях и торжествах терпимы будут.

Источник: ...Хрестоматия по истории России с древнейших времен до наших дней / Сост. А.С.Орлов и др. М., 2000.

Полное собрание законов Российской империи. Т. XV.

ОБ ОТРЕЧЕНИИ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II ОТ ПРЕСТОЛА РОССИЙСКОГО И О СЛОЖЕНИИ С СЕБЯ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

Ставка

Начальнику штаба

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной думою признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол государства Российского. Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним повиновением царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему вместе с представителями народа вывести государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

Подписал: Николай г. Псков. 2 марта, 15 час. 1917 г. Министр императорского двора генерал-адъютант граф Фредерике

МАНИФЕСТ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 ГОДА

Божиею милостию Мы, Александр Второй, император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский, и прочая, и прочая, и прочая. Объявляем всем нашим верноподданным.

Божием провидением и свяшенным законом престолонаследия быв призваны на прародительский всероссийский престол, в соотвeтствие сему призванию мы положили в сердце своем обет обнимать нашу царскою любовью и попечением всех наших верноподданных всякого звания и состояния, от благородно владеющего мечом на защиту Отечества до скромно работающего ремесленным орудием, от проходящего высшую службу государственную до проводящего на поле борозду сохою или плугом.

Вникая в положение званий и состояний в составе государства, мы усмотрели, что государственное законодательство, деятельно благоустроая высшие и средние сословия, определяя их обязанности, права и преимущества, не достигло равномерной деятельности в отношении к людям крепостным, так названным потому, что они частью старыми законами, частью обычаем потомственно укреплены под власть помещиков, на которых с тем вместе лежит обязанность устроить их благосостояние. Права помещиков были донныне обширны и не определены с точностию законом, место которого заступали предание, обычай и добрая воля помещика. В лучших случаях из сего происходили добрые патриархальные отношения искренней правдивой попечительности и благотворительности помещика и добродушного повиновения крестьян. Но при уменьшении простоты нравов, при умножении разнообразия отношений, при уменьшении непосредственных отеческих отношений помещиков к крестьянам, при впадении иногда помещичьих прав в руки людей, ищущих только собственной выгоды, добрые отношения ослабевали и открывался путь к произволу, отяготительному для крестьян и неблагоприятному для их благосостояния, чему в крестьянах отвечала неподвижность к улучшениям в собственном быте.

Усматривали сие и приснопамятные предшественники наши и принимали меры к изменению на лучшее положение крестьян; но это были меры, частью нерешительные, предложенные добровольному, свободолюбивому действию помещиков, частью решительные только для некоторых местностей, по требованию особенных обстоятельств или в виде опыта. Так, император Александр I издал постановление о свободных хлебопашцах, и в бозе почивший родитель наш

Николай I — постановление об обязанных крестьянах. В губерниях западных инвентарными правилами определены наделение крестьян землею и их повинности. Но постановления о свободных хлебопашцах и обязанных крестьянах приведены в действие в весьма малых размерах.

Таким образом, мы убедились, что дело изменения положения крепостных людей на лучшее есть для нас завешание предшественников наших и жребий, чрез течение событий поданный нам рукою провидения.

Мы начали сие дело актом нашего доверия к российскому дворянству, к изведанной великими опытами преданности его престолу и готовности его к пожертвованиям на пользу Отечества. Самому дворянству предоставили мы, по собственному вызову его, составить предположения о новом устройстве быта крестьян, причем дворянам предлежало ограничить свои права на крестьян и подъять трудности преобразования не без уменьшения своих выгод. И доверие наше оправдалось. В губернских комитетах, в лице членов их, облеченных доверием всего дворянского общества каждой губернии, дворянство добровольно отказалось от права на личность крепостных людей. В сих комитетах, по собрании потребных сведений, составлены предположения о новом устройстве быта находящихся в крепостном состоянии людей и о их отношениях к помещикам.

Сии предположения, оказавшиеся, как и можно было ожидать по свойству дела, разнообразными, сличены, соглашены, сведены в правильный состав, исправлены и дополнены в Главном по сему делу комитете; и составленные таким образом новые положения о помещичьих крестьянах и дворовых людях рассмотрены в Государственном совете.

Призвав Бога в помощь, мы решились дать сему делу исполнительное движение.

В силу означенных новых положений, крепостные люди получают в свое время полные права свободных сельских обывателей.

Помещики, сохраняя право собственности на все принадлежащие им земли, предоставляют крестьянам, за установленные повинности, в постоянное пользование усадьбную их оседлость и сверх того, для обеспечения быта их и исполнения обязанностей их пред правительством, определенное в положениях количество полевой земли и других угодий.

Пользуясь сим поземельным наделом, крестьяне за сие обязаны исполнять в пользу помещиков определенные в положениях повинности. В сем состоянии, которое есть переходное, крестьяне именуются временнообязанными.

Вместе с тем им дается право выкупать усадебную их оседлость, а с согласия помещиков они могут приобретать в собственность полевые земли и другие угодья, отведенные им в постоянное пользование. С таким приобретением в собственность определенного количества земли крестьяне освободятся от обязанностей к помещикам по выкупленной земле и вступят в решительное состояние свободных крестьян-собственников.

Особым положением о дворовых людях определяется для них переходное состояние, приспособленное к их занятиям и потребностям; по истечении двухлетнего срока от дня издания сего положения они получают полное освобождение и срочные льготы.

На сих главных началах составленными положениями определяется будущее устройство крестьян и дворовых людей, устанавливается порядок общественного крестьянского управления и указываются подробно даруемые крестьянам и дворовым людям права и возлагаемые на них обязанности в отношении к правительству и к помещикам.

Хотя же сии положения, общие, местные и особые дополнительные правила для некоторых особых местностей, для имений мелкопоместных владельцев и для крестьян, работающих на помещичьих фабриках и заводах, по возможности приспособлены к местным хозяйственным потребностям и обычаям, впрочем, дабы сохранить обычный порядок там, где он представляет обоюдные выгоды, мы предоставляем помещикам делать с крестьянами добровольные соглашения и заключать условия о размере поземельного надела крестьян и о следующих за оный повинностях с соблюдением правил, постановленных для ограждения ненарушимости таких договоров.

Как новое устройство, по неизбежной многосложности требуемых оным перемен, не может быть произведено вдруг, а потребуются для сего время, примерно не менее двух лет, то в течение сего времени, в отвращение замешательства и для соблюдения общественной и частной пользы, существующий донныне в помещичьих имениях порядок должен быть сохранен дотоле, когда, по совершении надлежащих приготовлений, открыт будет новый порядок.

Для правильного достижения сего мы признали за благо повелеть:

1. Открыть в каждой губернии губернское по крестьянским делам присутствие, которому вверяется высшее заведование делами крестьянских обществ, водворенных на помещичьих землях.

2. Для рассмотрения на местах недоразумений и споров, могущих возникнуть при исполнении новых положений, назначить в уездах мировых посредников и образовать из них уездные мировые съезды.

3. Затем образовать в помещичьих имениях мирские управления, для чего, оставляя сельские общества в нынешнем их составе, открыть в значительных селениях волостные управления, а мелкие сельские общества соединить под одно волостное управление.

4. Составить, поверить и утвердить по каждому сельскому обществу или имению уставную грамоту, в которой будет исчислено, на основании местного положения, количество земли, предоставляемой крестьянам в постоянное пользование, и размер повинностей, причитающихся с них в пользу помещика как за землю, так и за другие от него выгоды.

5. Сии уставные грамоты приводить в исполнение по мере утверждения их для каждого имения, а окончательно по всем имениям ввести в действие в течение двух лет со дня издания настоящего манифеста.

6. До истечения сего срока крестьянам и дворовым людям пребывать в прежнем повиновении помещикам и беспрекословно исполнять прежние их обязанности.

7. Помещикам сохранить наблюдение за порядком в их имениях, с правом суда и расправы, впредь до образования волостей и открытия волостных судов.

Обращая внимание на неизбежные трудности предприемлемого преобразования, мы первое всего возлагаем упование на всеблагое провидение Божие, покровительствующее России.

Засим полагаемся на доблестную о благе общем ревность благородного дворянского сословия, которому не можем не изъявить от нас и от всего Отечества заслуженной признательности за бескорыстное действование к осуществлению наших предначертаний. Россия не забудет, что оно добровольно, побуждаясь только уважением к достоинству человека и христианскою любовью к ближним, отказалось от упраздняемого ныне крепостного права и положило основание новой хозяйственной будущности крестьян. Ожидаем несомненно, что оно также благородно употребит дальнейшее тшание к приведению в исполнение новых положений в добром порядке, в духе мира и доброжелательства и что каждый владелец довершит в пределах своего имения великий гражданский подвиг всего сословия, устроив быт водворенных на его земле крестьян и его дворовых людей на выгодных для обеих сторон условиях, и тем даст сельскому населению добрый пример и поощрение к точному и добросовестному исполнению государственных повинностей.

Имеющиеся в виду примеры щедрой попечительности владельцев о благе крестьян и признательности крестьян к благодетельной попечительности владельцев утверждают нашу надежду, что взаим-

ными добровольными соглашениями разрешится большая часть затруднений, неизбежных в некоторых случаях применения общих правил к разнообразным обстоятельствам отдельных имений, и что сим способом облегчится переход от старого порядка к новому и на будущее время упрочится взаимное доверие, доброе согласие и единодушное стремление к общей пользе.

Для удобнейшего же приведения в действие тех соглашений между владельцами и крестьянами, по которым сии будут приобретать в собственность вместе с усадьбами и полевые угодья, от правительства будут оказаны пособия, на основании особых правил, выдачею ссуд и переводом лежащих на имениях долгов.

Полагаемся на здравый смысл нашего народа.

Когда мысль правительства о упразднении крепостного права распространилась между не приготовленными к ней крестьянами, возникали было частные недоразумения. Некоторые думали о свободе и забывали об обязанностях. Но общий здравый смысл не поколебался в том убеждении, что и по естественному рассуждению свободно пользующийся благами общества взаимно должен служить благу общества исполнением некоторых обязанностей, и по закону христианскому **всякая душа должна повиноваться** властям предержавшим (Рим. XIII, 1), **воздавать всем должное**, и в особенности кому должно, **урок, дань, страх, честь** (7); что законно приобретенные помещиками права не могут быть взяты от них без приличного вознаграждения или добровольной уступки; что было бы противно всякой справедливости пользоваться от помещиков землею и не нести за сие соответственной повинности.

И теперь с надеждою ожидаем, что крепостные люди при открывающейся для них новой будущности поймут и с благодарностью примут важное пожертвование, сделанное благородным дворянством для улучшения их быта.

Они вразумятся, что, получая для себя более твердое основание собственности и большую свободу располагать своим хозяйством, они становятся обязанными пред обществом и пред самими собою благотворность нового закона дополнить верным, благонамеренным и прилежным употреблением в дело дарованных им прав. Самый благотворный закон не может людей сделать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучие под покровительством закона. Довольство приобретается и увеличивается не иначе как неослабным трудом, благоразумным употреблением сил и средств, строгою бережливостию и вообще честною в страхе Божиим жизнью.

Исполнители приготовительных действий к новому устройству крестьянского быта и самого введения в сие устройство употребят бдительное попечение, чтобы сие совершалось правильным, спокойным движением, с наблюдением удобства времени, дабы внимание земледельцев не было отвлечено от их необходимых земледельческих занятий. Пусть они тщательно возделывают землю и собирают плоды ее, чтобы потом из хорошо наполненной житницы взять семена для посева на земле постоянного пользования или на земле, приобретенной в собственность.

Осени себя крестным знаменем, православный народ, и призови с нами Божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественного.

Дан в Санктпетербурге, в девятнадцатый день февраля, в лето от рождества Христова тысяча восемьсот шестьдесят первое, царствования же нашего в седьмое.

Выверено по изданию: Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 7. Документы крестьянской реформы. Отв. ред. О.И.Чистяков. М.: Юридическая литература, 1989.

17 ОКТЯБРЯ 1905 Г.
МАНИФЕСТ ОБ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великой и тяжелой скорбью преисполняют сердце наше. Благо российского государя неразрывно с благом народным и печаль народная его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целостности и единству державы нашей.

Великий обет царского служения повелевает нам всеми силами разума и власти нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, мы, для успешного выполнения общих предназначенных нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.

На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей кратности остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку, и

3. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиною помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле.

Выверено по изданию: Российское законодательство X—XX вв.: в 9 т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. Отв. ред. О.И.Чистяков. М.: Юридическая литература, 1994. С. 41.

ДЕКЛАРАЦИЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА О ЕГО СОСТАВЕ И ЗАДАЧАХ

ОТ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Граждане!

Временный комитет членов Государственной думы при содействии и сочувствии столичных войск и населения достиг в настоящее время такой степени успеха над темными силами старого режима, что он позволяет ему приступить к более прочному устройству исполнительной власти.

Для этой цели Временный комитет Государственной думы назначает министрами первого общественного кабинета следующих лиц, доверие к которым страны обеспечено их прошлой общественной и политической деятельностью.

Председатель Совета министров и министр внутренних дел князь Г.Е.Львов.

Министр иностранных дел П.Н.Милюков.

Министр военный и морской А.И.Гучков.

Министр путей сообщения Н.В.Некрасов.

Министр торговли и промышленности А.И.Коновалов.

Министр народного просвещения А.А.Мануйлов.

Министр финансов М.И.Терещенко.

Обер-прокурор Св.Синода В.Н.Львов.

Министр земледелия А.И.Шингарев.

Министр юстиции А.Ф.Керенский.

Государственный контролер И.В.Годнев.

Министр по делам Финляндии Ф.И.Родичев.

В своей настоящей деятельности кабинет будет руководствоваться следующими основаниями:

1. Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т.д.

2. Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военнослужащих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями.

3. Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений.

4. Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны.

5. Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.

6. Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

7. Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении.

8. При сохранении строгой военной дисциплины в строю и при несении военной службы — устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам. Временное правительство считает своим долгом присовокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления в осуществлении вышеизложенных реформ и мероприятий.

Председатель Государственной думы М. В. Родзянко.

Председатель Совета министров кн. Г. Е. Львов.

Министры: П. Н. Милюков, Н. В. Некрасов, А. Н. Коновалов, А. А. Мануйлов, М. И. Терещенко, Вл. Н. Львов, А. И. Шингарев, А. Ф. Керенский.

**ОБ ОТКАЗЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА
АЛЕКСАНДРОВИЧА ОТ ВОСПРИЯТИЯ ВЕРХОВНОЙ
ВЛАСТИ ВПРЕДЬ ДО УСТАНОВЛЕНИЯ В УЧРЕДИТЕЛЬНОМ
СОБРАНИИ ОБРАЗА ПРАВЛЕНИЯ И НОВЫХ ОСНОВНЫХ
ЗАКОНОВ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО**

Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне императорский всероссийский престол в годину беспримерной войны и волнений народных.

Одушевленный единою со всем народом мыслию, что выше всего благо Родины нашей, принял я твердое решение в том случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием чрез представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского.

Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всею полною власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа.

3 марта 1917 г.

Подписал: Михаил

Петроград

Выверено по изданию: Российское законодательство X—XX вв.: в 9 т.

Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций.
Отв. ред. О.И.Чистяков. М.: Юридическая литература, 1994.

**ОБРАЩЕНИЕ ПЕТРОГРАДСКОГО
ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА
«К ГРАЖДАНАМ РОССИИ!»**

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства — это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов.

25 октября 1917 г. 10 ч. утра.

Выверено по изданию: Декреты Советской власти. Т. I. М., Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 2.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА О СОЗЫВЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ В НАЗНАЧЕННЫЙ СРОК

Именем Правительства Республики избранный Всероссийским съездом рабочих и солдатских депутатов с участием крестьянских депутатов Совет Народных Комиссаров постановляет:

1) Выборы в Учредительное собрание должны быть произведены в назначенный срок, 12 ноября.

2) Все избирательные комиссии, учреждения местного самоуправления, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и солдатские организации на фронте должны напрячь все усилия для обеспечения свободного и правильного производства выборов в Учредительное собрание в назначенный срок.

Именем Правительства Российской Республики
Председатель Совета Народных Комиссаров
Владимир Ульянов-Ленин.

*Выверено по изданию: Декреты Советской власти. Т. I.
М., Гос. изд-во полит. литературы, 1957.*

ДЕКРЕТ О РОСПУСКЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Российская революция, с самого начала своего, выдвинула Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, как массовую организацию всех трудящихся и эксплуатируемых классов, единственно способную руководить борьбой этих классов за их полное политическое и экономическое освобождение.

В течение всего первого периода российской революции Советы множились, росли и крепили, изживая на собственном опыте иллюзии соглашательства с буржуазией, обманчивость форм буржуазно-демократического парламентаризма, приходя практически к выводу о невозможности освобождения угнетенных классов без разрыва с этими формами и со всяким соглашательством. Таким разрывом явилась Октябрьская революция, передача всей власти в руки Советов.

Учредительное собрание, выбранное по спискам, составленным до Октябрьской революции, явилось выражением старого соотношения политических сил, когда у власти были соглашатели и кадеты. Народ не мог тогда, голосуя за кандидатов партии эсеров, делать выбора между правыми эсерами, сторонниками буржуазии, и левыми, сторонниками социализма. Таким образом, это Учредительное собрание, которое должно было явиться венцом буржуазно-парламентарной республики, не могло не встать поперек пути Октябрьской революции и Советской власти. Октябрьская революция, дав власть Советам и через Советы трудящимся и эксплуатируемым классам, вызвала отчаянное сопротивление эксплуататоров и в подавлении этого сопротивления вполне обнаружила себя, как начало социалистической революции.

Трудящимся классам пришлось убедиться на опыте, что старый буржуазный парламентаризм пережил себя, что он совершенно несовместим с задачами осуществления социализма, что не общенациональные, а только классовые учреждения (каковы Советы) в состоянии победить сопротивление имущих классов и заложить основы социалистического общества.

Всякий отказ от полноты власти Советов, от завоеванной народом Советской Республики в пользу буржуазного парламентаризма и Учредительного собрания был бы теперь шагом назад и крахом всей Октябрьской рабоче-крестьянской революции.

Открытое 5 января Учредительное собрание дало, в силу известных всем обстоятельств, большинство партии правых эсеров, партии Керенского, Авксентьева и Чернова. Естественно, эта партия отка-

залась принять к обсуждению совершенно точное, ясное, не допускавшее никаких кривотолков предложение верховного органа Советской власти, Центрального Исполнительного Комитета Советов, признать программу Советской власти, признать «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», признать Октябрьскую революцию и Советскую власть. Тем самым Учредительное собрание разорвало всякую связь между собой и Советской Республикой России. Уход с такого Учредительного собрания фракций большевиков и левых эсеров, которые составляют сейчас заведомо громадное большинство в Советах и пользуются доверием рабочих и большинства крестьян, был неизбежен.

А вне стен Учредительного собрания партии большинства Учредительного собрания, правые эсеры и меньшевики, ведут открытую борьбу против Советской власти, призывая в своих органах к свержению ее, объективно этим поддерживая сопротивление эксплуататоров переходу земли и фабрик в руки трудящихся.

Ясно, что оставшаяся часть Учредительного собрания может в силу этого играть роль только прикрытия борьбы буржуазной контрреволюции за свержение власти Советов.

Поэтому Центральный Исполнительный Комитет постановляет:
Учредительное собрание распускается.

*Выверено по изданию: Декреты Советской власти. Т. I.
М., Гос. изд-во полит. литературы, 1957.*

Оглавление

ГЛАВА I. МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ТЕОРИЯ И МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ	3
I.1. Методологические основания социально-исторического моделирования	4
I.2. Циклизм как парадигма семикультурного моделирования истории	9
I.3. Конструкты моделирования социально-исторических типов Российской империи	19
ГЛАВА II. САМОДЕРЖАВИЕ — МОДЕЛЬ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА	29
II.1. Создание Российской империи как «ответ» на «вызов» истории	29
II.2. Модель просвещенного абсолютизма	36
II.3. От просвещенного абсолютизма к мистическому деспотизму	40
II.4. Абсолютное самодержавие как тип власти	50
ГЛАВА III. КРИТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ОППОЗИЦИЯ КАК ПРЕДВЕСТНИЦЫ РЕФОРМ	60
III.1. Формирование гражданской оппозиции: от интеллектуализма к критической рефлексии	60
III.2. Социалистическая утопия как социальное конструирование реальности	70
III.3. «Русский социализм»: наука опыта и расчета	78
III.4. Либерализм у истоков Великих реформ	94
ГЛАВА IV. РЕФОРМЫ ИЛИ «РЕВОЛЮЦИЯ СВЕРХУ» КАК МОДЕЛЬ МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ	105
IV.1. Либеральная волна и эпоха «Великих реформ»	105
IV.2. Контрреформы и их социальные последствия	115
IV.3. «Легальный марксизм» о путях капитализации России	124
ГЛАВА V. РОССИЙСКИЙ ОПЫТ КОНСТИТУЦИОННОЙ МОНАРХИИ. КОНЕЦ САМОДЕРЖАВИЯ	140
V.1. От русской Смуты к революции	140
V.2. Российская модель октроированной конституции	146
V.3. Опыт конституционной монархии: модель Столыпина	151
V.4. Конец самодержавия. Завершение исторического цикла	162
ПРИЛОЖЕНИЕ	172

Научное издание

Новикова Лидия Ивановна
Сиземская Ирина Николаевна

Российские ритмы социальной истории

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *В.К. Кузнецов*

Технический редактор *А.В. Сафонова*

Корректор *Т.М. Романова*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 06.04.04.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Ньютон.

Усл. печ. л. 12,12. Уч.-изд. л. 11,11. Тираж 500 экз. Заказ № 019.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор *Е.Н. Платковская*

Компьютерная верстка *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119992, Москва, Волхонка, 14